„Библіотека Русскаго Слова"
ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

3423

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

3423.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА
ТОЛСТОГО.

Томъ XIV.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ
П. И. БИРЮКОВА.

Пров. 1955
Пр.
pV
4820
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
МОСКВА.—1913.

ТРЕТІЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Къ *** о религіозномъ воспитаніи и ручномъ трудѣ.

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогой ***.

Я уже давно думаю о васъ и о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете, самыхъ важныхъ на свѣтѣ предметахъ.

Я не только не измѣнилъ своего взгляда на необходимость удовлетворенія самому своимъ самымъ первымъ потребностямъ, но живѣе, чѣмъ когда-нибудь, чувствую важность этого и свой грѣхъ неисполненія этого. Много было причинъ, отвлекшихъ меня отъ этого исполненія, но не стану перечислять ихъ, потому что главная причина—только моя слабость, мой грѣхъ. И потому полученіе вашего письма было для меня духовною радостью: обличеніе и напоминаніе. Одно меня утѣшаетъ—это то, что, живя дурно, я не обманывалъ, не оправдывалъ себя и никогда не говорилъ себѣ, что я могу освободить себя отъ этого труда потому, что пишу книги; я всегда сознавалъ то, что̀ вы говорите,—что какъ мнѣ нужно прочесть хорошую книгу, такъ нужно и тому, кто будетъ за меня работать; и что точно такъ же если я могу написать хорошую книгу, то есть сотни и тысячи людей, которые написали бы лучшія книги, если бы не были задавлены, забиты работой. Такъ что я не только не несогласенъ съ вами, но сильнѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуя свой грѣхъ и страдая отъ него, признаю первостепенную важность отрицанія права пользованія для себя вынужденнымъ трудомъ другого человѣка.

Думая и слыша о васъ, я сознавалъ всю тяжесть вашего положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ завидовать вамъ. Не унывайте, милый другъ. «Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ» относится именно къ вашему положенію. Думаю, что никакая суета не можетъ помѣшать правильно мыслить (что̀ я вижу по вашему письму). Мѣшаютъ правильному мышленію только праздность и роскошь, и это я чувствую часто на себѣ.

Какъ ни кажется странно и недобро то, что я, живущій въ роскоши, позволяю себѣ совѣтовать вамъ продолжать жить въ нуждѣ, я смѣло дѣлаю это, потому что ни на минуту не могу усомниться въ томъ, что ваша жизнь есть жизнь хорошая передъ своей совѣстью, передъ Богомъ и потому самая нужная и полезная людямъ, а что моя дѣятельность, какъ бы она ни казалась полезной нѣкоторымъ людямъ, теряетъ—хочется думать, что не все, но ужъ навѣрное самую большую долю своего значенія вслѣдствіе

неисполненія самаго главнаго признака искренности того, что̀ я исповѣдую.

На-дняхъ былъ у меня умный и религіозный американецъ Брайянъ [1]) и спрашивалъ у меня: почему я считаю необходимой ручную, простую работу. Я сказалъ ему почти то же, что̀ вы пишете: что, во-первыхъ, это признакъ искренности признанія равенства людей; во-вторыхъ, это сближаетъ насъ съ большинствомъ людей рабочихъ, отъ которыхъ мы отгорожены стѣной, если мы пользуемся ихъ нуждой; въ-третьихъ, это даетъ намъ высшее благо, спокойствіе совѣсти, котораго нѣтъ и не можетъ быть у искренняго человѣка, пользующагося услугами рабовъ.

Такъ вотъ мой отвѣтъ на первый пунктъ вашего письма. Теперь о второмъ, самомъ трудномъ—религіозномъ воспитаніи.

Въ воспитаніи вообще, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ, я полагаю, что главное—не навязывать ничего насильно дѣтямъ, а выжидать и отвѣчать на возникающія въ нихъ требованія; тѣмъ болѣе это нужно въ главномъ предметѣ воспитанія—въ религіозномъ.

Какъ безполезно и вредно кормить ребенка, когда ему ѣсть не хочется, или навязывать знанія по предметамъ, которые его не интересуютъ и ему не нужны, такъ тѣмъ болѣе вредно внушать дѣтямъ какія-нибудь религіозныя понятія, о которыхъ они не спрашиваютъ, и большей частью грубо формулировать ихъ и нарушать этимъ то религіозное отношеніе къ жизни, которое въ это время, можетъ-быть, безсознательно возникаетъ и устанавливается въ ребенкѣ.

Нужно, мнѣ кажется, только отвѣчать, но отвѣчать съ полной правдивостью, на предлагаемые ребенкомъ вопросы. Кажется, очень просто отвѣчать правдиво на религіозные вопросы ребенка, но въ дѣйствительности это можетъ сдѣлать только тотъ, кто самъ себѣ уже отвѣтилъ правдиво на религіозные вопросы, о Богѣ, жизни, смерти, добрѣ и злѣ,—тѣ самые вопросы, которые дѣти всегда ставятъ очень ясно и опредѣленно.

И вотъ тутъ-то и подтверждается то, что̀ я всегда думалъ о воспитаніи и что̀ вы говорите въ своемъ письмѣ,—то, что сущность воспитанія дѣтей состоитъ въ воспитаніи самого себя. Какъ ни странно это кажется, это воспитаніе самого себя есть самое могущественное орудіе воздѣйствія родителей на дѣтей. И тотъ первый параграфъ, который усвоили себѣ ваши будущія сосѣдки: «совершенствуйся», есть самая высокая и, какъ ни странно это кажется, самая практическая—въ смыслѣ служенія другимъ людямъ, воздѣйствія на другихъ людей—дѣятельность человѣка. Такъ же и въ воспитаніи: условія вашей суровой жизни, которыя вы, навѣрно, не цѣните по ихъ значенію, самыя выгодныя для

---

[1]) В. Брайянъ—извѣстный американскій общественный дѣятель, бывшій кандидатъ на постъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

воспитанія. Ваша жизнь *серьезная*, и дѣти видятъ и понимаютъ это.

Если же вы хотите отъ меня болѣе опредѣленнаго указанія о томъ, что̀ именно читать или давать въ руки ребенку для религіознаго воспитанія, то я думаю, что надо не ограничиваться религіозными писаніями одного вѣрованія, у насъ—христіанскаго, а наравнѣ съ христіанской учительной литературой пользоваться буддійской, браминской, конфуціанской, еврейской.

Очень, очень радъ былъ общенію съ вами. Желалъ бы, чтобы оно было сотую долю такъ полезно вамъ, какъ полезно мнѣ, и потому желалъ бы, чтобы оно чаще повторялось.

Ясная Поляна.
10 декабря 1903 г.

О значеніи книгъ.

Изъ письма къ П. В—ну.

И. М. Т—въ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему и я очень радовался, читая его, радовался тому, что узналъ про васъ и какъ будто услыхалъ вашъ голосъ, понялъ, о чемъ вы думаете, какъ думаете и чѣмъ живете. Вижу изъ письма вашего, что вы живете въ духовномъ мірѣ и заняты духовными вопросами. А для блага человѣка это главное, потому что только въ духѣ человѣкъ свободенъ и только духомъ творится дѣло Божіе и только въ духѣ человѣкъ чувствуетъ себя въ единеніи съ Богомъ, такъ какъ «Богъ есть духъ». Мысли, высказываемыя вами въ письмѣ о преимуществахъ живого общенія надъ мертвой книгой, мнѣ очень понравились, и я раздѣляю ихъ. Я пишу книги и потому знаю весь тотъ вредъ, который онѣ производятъ, знаю, какъ люди, не желающіе принять истину, умѣютъ не читать или не понимать того, что имъ противъ шерсти и обличаетъ ихъ, какъ перетолковываютъ и извращаютъ, какъ они перетолковали Евангеліе. Все это я знаю, но все-таки считаю въ наше время книгу неизбѣжною. Я говорю: въ наше время, въ противоположность временамъ евангельскимъ, когда не было книгопечатанія, не было книгъ, и средство распространенія мыслей было только устное. Тогда можно было обходиться безъ книги, потому что и у враговъ истины не было книги; теперь же нельзя предоставлять однимъ врагамъ это могущественное орудіе для обмана и не пользоваться имъ для истины. Не пользоваться книгой или письмомъ для передачи своихъ мыслей или воспріятія мыслей другихъ людей—все равно, что не пользоваться силой своего голоса для передачи сразу многимъ людямъ того, что имѣешь сказать, и своимъ слухомъ для того, чтобы понять то, что громко говоритъ другой человѣкъ, а признавать возможность передачи и воспріятія мыслей только одинъ на одинъ или шопотомъ. Письмо и печать только увеличили въ тысячи, сотни тысячъ разъ число людей, которымъ можетъ быть слышенъ выражающій свои мысли, но отношеніе между выражающимъ и воспринимающимъ остается то же; какъ въ устной бесѣдѣ слушающій можетъ вникнуть и понимать или можетъ точно такъ же пропускать мимо ушей то, что ему говорится, то же и въ печати; какъ можетъ читающій книгу вкривь и вкось перетолковывать ее, такъ же и слушающій ушами; какъ въ книгахъ можно—какъ мы это и видимъ—много писать лишняго и пустого, такъ точно можно и говорить.

Разница есть, но разница иногда въ пользу устнаго, иногда въ пользу печатнаго общенія. Выгода устной передачи та, что слушатель чувствуетъ душу говорящаго, но тутъ же и не выгода та, что очень часто пустые говоруны, какъ, напр., адвокаты, одаренные даромъ слова, увлекаютъ людей не разумностью рѣчи, а мастерствомъ ораторскаго искусства, чего нѣтъ при книгѣ; выгода другая устной передачи та, что непонявшій можетъ переспросить, зато невыгода та, что непонимающіе, часто нарочно непонимающіе, люди могутъ спрашивать то, что не нужно, и перебивать ходъ мысли, чего тоже нѣтъ при книгѣ. Невыгоды книги тѣ, что, во-первыхъ, бумага все терпитъ и можно печатать всякій вздоръ, стоющій такихъ огромныхъ трудовъ рабочихъ, бумаги и типогравщиковъ, чего нельзя дѣлать при устной передачѣ, потому что вздоръ не станутъ слушать; во-вторыхъ, тѣ, что онѣ (книги) разрастаются въ огромномъ количествѣ и хорошія теряются въ морѣ глупыхъ, пустыхъ и вредныхъ книгъ. Но зато выгоды печати тоже очень велики и состоятъ, главное, въ томъ, что кругъ слушателей раздвигается въ сотни, тысячи разъ противъ слушателей устной рѣчи. И это увеличеніе круга читателей важно не потому, что ихъ становится много, а потому, что среди милліоновъ людей разнообразныхъ народовъ и положеній, которымъ доступна книга, отбираются сами собою единомышленники и, благодаря книгѣ, находясь за десятки тысячъ верстъ другъ отъ друга, не зная другъ друга, соединяются въ одно и живутъ единой душой и получаютъ духовную радость и бодрость сознанія того, что они не одиноки.

Такое общеніе теперь я имѣю съ вами и съ многими и многими людьми другихъ націй, никогда не видавшихъ меня, но которые мнѣ близки больше моихъ сыновей и братьевъ по крови. Главное же соображеніе въ пользу книги то, что, при извѣстной степени развитія внѣшнихъ условій жизни, книга, печать вообще сдѣлалась средствомъ общенія людей между собой, и потому нельзя пренебрегать этимъ средствомъ. Столько вредныхъ книгъ написано и распространено, что противодѣйствовать этому вреду можно только книгой же. Клинъ выбивать клиномъ. Христосъ сказалъ: «что я говорю вамъ на ухо, то будете говорить съ крышъ». Это самое провозглашеніе съ крышъ и есть печатное слово. Печатное слово есть тотъ же языкъ, только хватающій очень далеко, и потому къ печатному слову относится все то, что сказано объ языкѣ: имъ же благословляемъ Бога и имъ же проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію; и потому нельзя не быть достаточно внимательнымъ къ тому, что говоришь и слушаешь, такъ же какъ и къ тому, что печатаешь и читаешь. Пишу все это не потому, чтобы думать, что вы иначе думаете (изъ вашего письма вижу, что вы такъ и понимаете это), но потому, что эти мысли пришли мнѣ въ голову и захотѣлось подѣлиться ими съ вами.

Въ особенности полюбилось мнѣ въ письмѣ вашемъ то, что вы говорите о томъ—что «если бы мы сохраняли все, данное уже

свыше намъ, то вполнѣ были бы счастливы. А то, что необходимо и законно, то непремѣнно должно быть въ каждомъ и получается непосредственно свыше или отъ самого себя».—Это совершенно справедливо, и я точно такъ же понимаю человѣка. Всякій человѣкъ несомнѣнно зналъ бы всю истину Божію, все то, что ему нужно знать для того, чтобы исполнять въ этой жизни то, чего хочетъ отъ него Богъ, если бы только эта открытая человѣку истина не затемнялась бы ложными толкованіями человѣческими. И потому для познанія Божеской истины человѣку нужно прежде всего откинуть всѣ ложныя толкованія и всѣ соблазны мірскіе, влекущіе его къ принятію этихъ толкованій, и тогда останется одна истина, которая доступна младенцамъ, потому что она свойственна душѣ человѣческой. Трудность же главная въ томъ, чтобы, откидывая ложь, не откинуть вмѣстѣ съ ней и часть истины, и въ томъ, чтобы, разъясняя истину, не внести новыхъ заблужденій.

О народныхъ книгахъ и учебникахъ.

Изъ письма къ М. Н—ву.

Самый важный и занимающій меня вопросъ—это преподаваніе исторіи. Мы только о томъ и думаемъ, чтобы открыть въ «Посредникѣ» отдѣлъ научный для народа, т.-е. для большой серьезной публики. О другихъ отдѣлахъ не буду говорить, но исторія—это то самое, что̀ вы говорите. Только излагайте хорошимъ, понятнымъ русскимъ языкомъ и точно такъ, какъ вы говорите. Вы убьете двухъ зайцевъ. Составьте записки для преподаванія и книжки въ «Посредникъ». Вы говорите про средніе вѣка, а мнѣ ясно, какъ римская и особенно греческая исторія могутъ составить чудесную иллюстрацію зарожденія... зла и борьбы его съ истиной. Попытайтесь. Напишите какую-нибудь одну эпоху. Не хорошо будетъ, въ слѣдующій разъ сдѣлайте лучше. Мнѣніе ваше о томъ, что добро въ народѣ независимо отъ наградъ и наказаній, не только справедливо, но удивительно, какъ могутъ люди не видѣть того, что понятіе о наградахъ и наказаніяхъ есть не что иное, какъ образная форма выраженія того, что добро не можетъ имѣть реальной, дѣйствительной награды. Правда, что дѣти и грубые сердечно люди понимаютъ это прямо и тогда не вѣрятъ; но какъ только человѣкъ позналъ добро, онъ дѣлаетъ его для добра, и, не имѣя никакого разсудочнаго объясненія, для чего онъ его дѣлаетъ, охотно беретъ то, которое ему представляется.

Дѣятельность, избранная вами, та, которая должна была выйти изъ вашей вѣры и другихъ силъ, дѣйствующихъ на нее, и дѣятельность хорошая, т.-е. такая, какъ и всякая не прямо злая, въ которой можно служить Богу, т.-е. истинѣ.

Рукописей у меня нѣтъ, ни Бондарева, ни другихъ... П—ъ же—это замѣтки, набросанныя и не имѣющія никакого значенія, кромѣ раздражающаго. Лучшимъ сочиненіемъ по критикѣ текстовъ священнаго писанія я считаю переводъ съ комментаріями Reuss'a. По исторіи церкви *Пресансе*. Впрочемъ, не совѣтую вамъ углубляться въ эти занятія. Тотъ, кто въ Евангеліи не сумѣетъ отдѣлить сердцемъ основного, тотъ никакимъ изученіемъ критики не узнаетъ этого. А кто умѣетъ отличать, тому не нужно. Умѣетъ же отличать тотъ, кому нужно руководство Евангелія для жизни, а не для мудрствованія. Здоровье мое поправляется. Духомъ же почти всегда радуюсь, потому что со всѣхъ сторонъ вижу жнецовъ, выходящихъ на жатву. Вижу, что вы ищете этого блага, и увѣренъ, что найдете его.

1886 г.

О наукѣ.

На письмо къ Л. Е. О—му.

Я во всемъ совершенно согласенъ съ вами, но о значеніи науки, уничтожающей суевѣрія ложныхъ понятій, хочется сказать кое-что, именно, о значеніи этой .... науки. Уничтожаетъ ложныя понятія—правда, но на ея пути безъ ложныхъ понятій, безъ суевѣрій обойтись нельзя. Не будетъ свода небесъ, дьяволовъ, личнаго Бога, будетъ эѳиръ не вѣсомый, а упругій, будутъ атомы, будутъ силы, спиритизмъ и многое другое. Человѣкъ, признающій небеса твердымъ сводомъ и діаволовъ и чудеса святыхъ, и человѣкъ, признающій атомы и спиритизмъ, нисколько не рознятся по своей воспріимчивости и по своей пригодности для познанія истины и для нравственной дѣятельности. Они рознятся, только по, такъ сказать, умственному возрасту. Одинъ взрослый человѣкъ, другой лишь юноша (зачеркнуто: ребенокъ). Но какъ юноша можетъ быть прекраснымъ, такъ и мужъ. И одинаково несправедливо утверждать, что молодые лучше старыхъ, какъ и обратное. Такъ же одинаково несправедливо, что наука (большая степень знанія) дѣлаетъ людей лучше, какъ и то, что она дѣлаетъ ихъ хуже. Наука (большая степень знанія) неизбѣжна, какъ возрастъ. Ея нельзя ни защищать, ни нападать на нее. Что ни дѣлай, она сама придетъ, какъ возрастъ.

Мысли о воспитаніи.

О воспитаніи я думалъ очень много. Бываютъ вопросы, въ которыхъ приходишь къ выводамъ сомнительнымъ, и бываютъ вопросы, въ которыхъ выводы, къ которымъ пришелъ, окончательные, и чувствуешь себя не въ состояніи ни измѣнить ихъ, ни прибавить къ нимъ что-либо. Таковы выводы, къ которымъ я пришелъ о воспитаніи. Они слѣдующіе.

Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упраздняется вопросъ о воспитаніи, и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить? Потому что не знаю ни одного дѣйствія воспитанія дѣтей, которое не включалось бы въ воспитаніе себя. Какъ одѣвать, какъ кормить, какъ класть спать, какъ учить дѣтей? Точно такъ же, какъ себя. Если отецъ, мать одѣваются, ѣдятъ, спятъ умѣренно и работаютъ и учатся, то дѣти будутъ то же дѣлать.

Два правила я бы далъ для воспитанія: самому не только жить хорошо, но работать надъ собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать изъ своей жизни отъ дѣтей. Лучше, чтобы дѣти знали про слабыя стороны своихъ родителей, чѣмъ то, чтобы они чувствовали, что есть у ихъ родителей скрытая отъ нихъ жизнь и есть показная. Всѣ трудности воспитанія вытекаютъ изъ того, что родители, не только не исправляясь отъ своихъ недостатковъ, но даже не признавая ихъ недостатками, оправдывая ихъ въ себѣ, хотятъ не видѣть этихъ недостатковъ въ дѣтяхъ. Въ этомъ вся трудность и вся борьба съ дѣтьми. Дѣти нравственно гораздо проницательнѣе взрослыхъ, и они, часто не высказывая и даже не сознавая этого, видятъ не только недостатки родителей, но и худшій изъ всѣхъ недостатковъ—лицемѣріе родителей, и теряютъ къ нимъ уваженіе и интересъ ко всѣмъ ихъ поученіямъ.

Лицемѣріе родителей при воспитаніи дѣтей есть самое обычное явленіе, и дѣти чутки и замѣчаютъ его сейчасъ же и отвращаются и развращаются. Правда есть первое, главное условіе дѣйствительности духовнаго вліянія, и потому она есть первое условіе воспитанія. А чтобы не страшно было показать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо сдѣлать свою жизнь хорошей или, по крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя, и другого ничего не нужно.

* * *

Воспитаніе есть воздѣйствіе на сердце тѣхъ, кого мы воспитываемъ. Воздѣйствовать же на сердце можно только гипнотизаціей, которой такъ подлежатъ дѣти,—гипнотизаціей, заразительностью примѣра. Ребенокъ увидитъ, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю другихъ дѣлать то, что самъ могу сдѣлать, что я потворствую своей жадности, похотямъ, что я избѣгаю труда для другихъ и ищу только удовольствія, что я горжусь и тщеславлюсь своимъ положеніемъ, говорю про другихъ злое, говорю за глаза не то, что говорю въ глаза, притворяюсь, что вѣрю тому, во что не вѣрю, и тысячи, тысячи такихъ поступковъ или поступковъ обратныхъ: кротости, смиренія, трудолюбія, самопожертвованія, воздержанія, правдивости, — и заражается тѣмъ или другимъ во сто разъ сильнѣе, чѣмъ самыми краснорѣчивыми и разумными поученіями. И потому все или 0,999 воспитанія сводится къ примѣру, къ исправленію и совершенствованію своей жизни.

Такъ что то, съ чего вы начали внутри себя, когда мечтали объ идеалѣ, т.-е. о добрѣ, достиженіе котораго несомнѣнно только въ себѣ, къ тому самому вы приведены теперь при воспитаніи дѣтей извнѣ. То, чего вы хотѣли для себя, хорошенько не зная зачѣмъ, то теперь вамъ уже необходимо нужно для того, чтобы не развратить дѣтей.

Отъ воспитанія обыкновенно требуютъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались, какъ мы разумѣемъ образованіе,—это невозможно; такъ же невозможно и то, чтобы они сдѣлались нравственными, какъ мы разумѣемъ это слово. Но совершенно возможно то, чтобы не быть самому участникомъ въ развращеніи дѣтей (и въ этомъ не можетъ помѣшать ни женѣ мужъ, ни мужу жена), а всею своею жизнью, по мѣрѣ силъ своихъ, воздѣйствовать на нихъ, заражая ихъ примѣромъ добра.

Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитать дѣтей, если самъ дуренъ, и что воспитаніе дѣтей есть только самосовершенствованіе, которому ничто не помогаетъ столько, какъ дѣти. Какъ смѣшны требованія людей, курящихъ, пьющихъ, объѣдающихся, не работающихъ и превращающихъ ночь въ день, о томъ, чтобы докторъ сдѣлалъ ихъ здоровыми, несмотря на ихъ нездоровый образъ жизни, также смѣшны требованія людей научить ихъ, какъ, продолжая вести жизнь не нравственную, можно бы было дать нравственное воспитаніе дѣтямъ. Все воспитаніе состоитъ въ большемъ и большемъ сознаніи своихъ ошибокъ и исправленіи себя отъ нихъ. А это можетъ сдѣлать всякій и во всѣхъ возможныхъ условіяхъ жизни. И это же есть и самое могущественное орудіе, данное человѣку для воздѣйствія на другихъ людей, въ томъ числѣ и на своихъ дѣтей, которыя всегда невольно ближе всего къ намъ. Fais ce

que dois, advienne que pourra [1]) — болѣе всего относится къ воспитанію.

* * *

Оба вопроса о воспитаніи и объ отношеніи къ людямъ сводятся въ одинъ вопросъ, именно въ послѣдній: какъ относиться къ людямъ не на словахъ только, а на дѣлѣ? Если этотъ вопросъ рѣшенъ и жизнь отца идетъ по такому или другому рѣшенію, то въ этой жизни отца и будетъ все воспитаніе дѣтей. А если рѣшеніе правильно, то отецъ и не введетъ соблазна въ жизнь дѣтей; если же нѣтъ, то будетъ обратное. Знаніе же, которое пріобрѣтутъ или не пріобрѣтутъ дѣти,—это дѣло второстепенное и ни въ какомъ случаѣ не важное. Къ чему будутъ способности у ребенка, тому онъ научится, хотя бы жилъ въ захолустьи.

* * *

Родители, живя развратною, невоздержанною въ пищѣ, праздною — въ неуваженіи къ людямъ — жизнью, всегда требуютъ отъ дѣтей воздержанія, дѣятельности, уваженія къ людямъ. Но языкъ жизни, примѣра далеко слышенъ и виденъ и ясенъ и большимъ, и малымъ, и своимъ и инородцамъ.

* * *

Вѣдь дѣло въ томъ, что, выгодно ли, невыгодно ли для внѣшняго успѣха дѣла любовное (ненасильственное) обращеніе съ учениками, вы не можете обращаться иначе. Одно, что̀ можно сказать навѣрное, это то, что добро будитъ добро въ сердцахъ людей и навѣрное производитъ это дѣйствіе, хотя оно и не видно.

Одна такая драма, что вы уйдете отъ учениковъ, заплачете (если они узнаютъ),—одна такая драма оставитъ въ сердцахъ учениковъ бо̀льшіе, болѣе важные слѣды, чѣмъ сотни уроковъ.

* * *

Человѣкъ всякій живетъ только затѣмъ, чтобы проявить свою индивидуальность.

Воспитаніе (современное) стираетъ ее.

* * *

Ужасно смотрѣть на то, что̀ богатые люди дѣлаютъ со своими дѣтьми.

Когда онъ молодъ и глупъ и страстенъ, его втянутъ въ жизнь, которая ведется на шеѣ другихъ людей, пріучатъ къ этой жизни; а потомъ, когда онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ соблазнами,

---

[1]) Дѣлай, что̀ должно, и пусть будетъ, что̀ будетъ.

не можетъ жить иначе, какъ требуя для себя труда другихъ,— тогда откроютъ ему глаза (сами собой откроются глаза), и выбирайся, какъ знаешь: или стань мученикомъ, отказавшись отъ того, къ чему привыкъ и безъ чего не можешь жить, или будь лгуномъ.

* * *

Дѣти еще тѣмъ хороши, что у нихъ нѣтъ дѣла, а они заняты только тѣмъ, какъ бы хорошо провести день. Такъ ихъ и воспитывать надо. А мы торопимся пріучать ихъ къ дѣлу, т.-е. къ тому, чтобы вмѣсто вѣчнаго дѣла передъ Богомъ и своею совѣстью они дѣлали то дѣло, которое установлено какими-то людьми по уговору, какъ игра.

* * *

Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только, чтобы не было дѣтей, или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими, свѣжими отъ Бога дѣтьми,—я бы выбралъ послѣднее.

* * *

Стоитъ заняться воспитаніемъ, чтобы увидать всѣ свои прорѣхи. А увидавъ, начинаешь исправлять ихъ. А исправлять самого себя и есть наилучшее средство воспитанія своихъ и чужихъ дѣтей и большихъ людей.

Сейчасъ читалъ письмо N. о томъ, что медицинская помощь не представляется ему добромъ, что продолженіе многихъ пустыхъ жизней на многія сотни лѣтъ гораздо менѣе важно, чѣмъ самое слабое *дуніе*, какъ онъ пишетъ (дуновеніе), на искру Божеской любви въ сердце другого. Вотъ въ этомъ *дуніи* и лежитъ все искусство воспитанія. А чтобы раздуть въ другихъ, надо раздуть въ себѣ.

* * *

Для того, чтобы воспитывать хорошо, надо жить хорошо передъ тѣми, которыхъ воспитываешь. А потому и въ вопросѣ о половомъ общеніи надо быть, насколько можешь, чистымъ и правдивымъ: если считаешь половое общеніе грѣхомъ и живешь цѣломудренно, можно и должно проповѣдывать цѣломудріе дѣтямъ. Если стремишься къ цѣломудрію, но не достигаешь его, такъ и надо говорить дѣтямъ. Если же живешь нецѣломудренно и не можешь и не хочешь жить иначе, то невольно будешь скрывать это отъ дѣтей и не будешь имъ говорить про это. Такъ это и дѣлаютъ.

* * *

Воспитаніе есть послѣдствіе жизни. Обыкновенно предполагается, что люди извѣстнаго поколѣнія знаютъ, какими должны

быть люди вообще, и потому могутъ ихъ готовить къ такому состоянію. Это совершенно несправедливо: люди, во-первыхъ, не знаютъ, какими должны быть люди,—могутъ въ лучшемъ случаѣ знать только идеалъ, къ которому имъ свойственно стремиться; во-вторыхъ, люди воспитывающіе сами никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются.

И потому все воспитаніе сводится къ тому, чтобы самому жить хорошо, т.-е. самому двигаться, воспитываться: только этимъ люди вліяютъ на другихъ, воспитываютъ ихъ, и тѣмъ болѣе на дѣтей, съ которыми они связаны.

Быть правдивымъ и честнымъ съ дѣтьми, не скрывая отъ нихъ того, что происходитъ въ душѣ, есть единственное воспитаніе.

Педагогика же есть наука о томъ, какимъ образомъ, живя дурно, можно имѣть хорошее вліяніе на дѣтей, въ родѣ того—что̀ есть наша медицина—какъ, живя противно законамъ природы, все-таки быть здоровымъ. Науки хитрыя и пустыя, никогда не достигающія своей цѣли.

* * *

Есть три отрасли педагогическія, потому что есть три рода мышленія: 1) логическій, 2) опытный, 3) художественный. Науки, изученіе есть не что иное, какъ усвоеніе того, что думали до насъ умные люди. Умные люди думали всегда въ этихъ трехъ родахъ: или дѣлали логическіе выводы изъ положенія мысли; или наблюдали и, отдѣливъ наблюдаемое явленіе отъ всѣхъ другихъ, дѣлали выводы о причинахъ и слѣдствіяхъ явленій; или описывали то, что̀ видѣли, знали, воображали. Короче: 1) мыслили, 2) наблюдали и 3) выражали. И потому три рода наукъ: 1) математическія, 2) опытныя и 3) языки.

* * *

Дѣти говорили: «родители говорятъ, какъ ихъ дѣти мучатъ. Если бы они знали, какъ родители мучатъ дѣтей: и кокетство, и ссоры, и недоброта, и неровность любви, несправедливость и всѣ пороки—тѣхъ, которые по представленію дѣтей должны быть безупречны».

* * *

Постоянно приходится перекладывать то то̀, то другое сказаніе Евангелія вверхъ. Такъ, теперь мнѣ особенно важно и дорого указаніе о святости дѣтей и о страшномъ грѣхѣ нашемъ соблазна ихъ, когда, не замѣчая того, дѣлаемъ уступки, кривимъ душой и не каемся, а еще оправдываемся.

* * *

Очень удивительно то оправданіе такой жизни, которое часто слышишь отъ родителей. «Мнѣ ничего не нужно,—говоритъ ро-

дитель,—мнѣ жизнь эта тяжела, но любя дѣтей, я дѣлаю это для нихъ». Т.-е. я, несомнѣнно, опытомъ знаю, что наша жизнь несчастлива, и потому... я воспитываю дѣтей такъ, чтобы они были такъ же несчастливы, какъ и я. И для этого я по своей любви къ нимъ привожу ихъ въ полный физическихъ и нравственныхъ заразъ городъ, отдаю ихъ въ руки чужихъ людей, имѣющихъ въ воспитаніи одну корыстную цѣль, и физически, нравственно и умственно старательно порчу своихъ дѣтей. И это-то разсужденіе должно служить оправданіемъ неразумной жизни самихъ родителей.

* * *

Жизнь наша, чтобы быть полной, непремѣнно должна имѣть двѣ стороны: исполненіе самой жизни для себя и воздѣйствіе на людей для измѣненія ихъ ложной жизни—проповѣдь.

У васъ обѣ стороны. Я говорю и думаю, и про меня думаютъ, что я имѣю вліяніе на людей проповѣдью: на всѣхъ языкахъ печатаютъ, читаютъ. А у васъ дѣти, которыя въ сердцѣ вынесутъ всю вашу душу, всѣ мысли лучшаго свойства и навѣки понесутъ ихъ въ міръ, передавая ихъ.

Моя дѣятельность трескучая и потому внѣшняя и сомнительная, а ваша—на дѣтей—тихая, невидная, подземная, но неудержимая, вѣчная, несомнѣнная и безнаградная. Только бы религіозно относиться къ нимъ, помнить, что это живой Божій станокъ, изъ котораго не вырубишь топоромъ ничего изъ того, что вложишь въ нихъ. Меня Богъ лишилъ этой дѣятельности...

... Большинство людей, не только далекихъ, но, казалось бы, близкихъ по убѣжденіямъ, не оцѣнятъ вашу жизнь, даже осудятъ ее; но дѣти, выросшія тутъ, только бы они всегда ощущали любовную атмосферу, поймутъ, и въ нихъ все окупится. Только, какъ можно больше свободы имъ и просвѣщенія, разумѣется, христіанскаго. Какъ все это дѣлать—не знаю, потому что не испыталъ, но вижу важность, значительность этого дѣла. Вижу, что пустить на свѣтъ живого человѣка просвѣщеннаго важнѣе сотенъ книжекъ.

Библиотека Академии

О свободной школѣ.

(Изъ письма къ П. И. Б—ву).

... *Въ основу всего должно стать то, что заброшено въ нашихъ школахъ — религіозное пониманіе жизни*, и не столько въ формѣ преподаванія, сколько въ руководящее начало всей воспитательной дѣятельности. Религіозное пониманіе жизни, которое, по-моему, можетъ и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболѣе кратко, будетъ такое: смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли того безконечнаго начала, котораго мы сознаемъ себя частью; воля же эта въ единеніи всего живого и прежде всего людей: въ братствѣ ихъ, въ служеніи другъ другу. Съ другого конца это же религіозное пониманіе жизни выразится такъ: дѣло жизни есть единеніе со всѣмъ живымъ — прежде всего братство людей, служеніе другъ другу. И это такъ потому, что мы живы только въ той мѣрѣ, въ которой сознаемъ себя частью всего безконечнаго, законъ же безконечнаго есть это единеніе. Во всякомъ случаѣ жизненное проявленіе религіознаго пониманія — единеніе всего, достигаемое любовью, — есть прежде всего братство людей; оно — практическій центральный законъ жизни, и оно-то и должно быть поставлено въ основу воспитанія, и потому хорошо и должно быть развиваемо въ дѣтяхъ все то, что ведетъ къ единенію, и подавляемо все, что ведетъ къ обратному. Дѣти находятся всегда — и тѣмъ больше, чѣмъ моложе — въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первой степенью гипноза. И учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому ихъ состоянію (эта ихъ способность къ внушенію отдаетъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, что̀ и какъ мы внушаемъ имъ). Такъ что учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершающееся двояко: сознательно и безсознательно. Все, чему мы обучаемъ дѣтей, отъ молитвъ и басенъ до танцевъ и музыки, — все это сознательное внушеніе; все то, чему независимо отъ нашего желанія подражаютъ дѣти — въ особенности въ нашей жизни, въ нашихъ поступкахъ, — есть безсознательное внушеніе. Сознательное внушеніе — это обученіе, образованіе; безсознательное — это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ или, какъ я назову, — это просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія, второе же невольно, вслѣдствіе того, что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Люди воспитатели или — самое обыкновенное — скрываютъ свою жизнь и вообще жизнь взрослыхъ отъ дѣтей, ставя ихъ въ исключительныя условія (корпуса, институты,

пансіоны и т. п.), или переводятъ то, что должно происходить безсознательно въ область сознательнаго: предписываютъ нравственныя жизненныя правила, при которыхъ необходимо прибавлять: fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais. Отъ этого происходитъ то, что въ нашемъ обществѣ такъ несоотвѣтственно далеко ушло образованіе и такъ не только отстало, но отсутствуетъ истинное воспитаніе или просвѣщеніе. Если гдѣ оно и есть, то только въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ. А между тѣмъ, изъ двухъ сторонъ воздѣйствія на дѣтей, безсознательнаго и сознательнаго, безъ всякаго сравненія важнѣе и для отдѣльныхъ личностей и для общества людей первое, т.-е. безсознательное нравственное просвѣщеніе. Живетъ какая-нибудь семья rentier, землевладѣльца, чиновника, даже художника, писателя буржуазной жизнью, живетъ, не пьянствуетъ, не распутничаетъ, не бранясь, не обижая людей, и хочетъ дать нравственное воспитаніе дѣтямъ, но это такъ же невозможно, какъ невозможно выучить дѣтей новому языку, не говоря на этомъ языкѣ и не показывая имъ книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ. Дѣти будутъ слушать правила о нравственности, объ уваженіи къ людямъ, но безсознательно будутъ не только подражать, но и усвоять себѣ, какъ правило, то, что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другіе пачкать платье, горницы, ѣсть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религіозную основу жизни — братство людей, то нельзя не видѣть, что люди, живущіе на деньги, отобранныя отъ другихъ, и заставляющіе этихъ другихъ за эти деньги служить себѣ, живутъ безнравственной жизнью, и никакія проповѣди ихъ не избавятъ ихъ дѣтей отъ безсознательнаго безнравственнаго внушенія, которое или останется въ нихъ на всю жизнь, извращая всѣ ихъ сужденія объ явленіяхъ жизни, или съ великими усиліями и трудомъ будетъ послѣ многихъ страданій и ошибокъ разрушено ими. Я говорю это не для васъ, потому что, сколько я знаю, вы свободны отъ этого зла, и въ этомъ отношеніи жизнь ваша можетъ произвести на дѣтей только нравственное внушеніе. То же, что вы далеко не все дѣлаете сами и пользуетесь за деньги услугами другихъ людей, не можетъ вредно дѣйствовать на дѣтей, если они видятъ, что ваше стремленіе не въ томъ, чтобы сложить съ своихъ плечъ на другихъ трудъ, нужный для вашей жизни, а наоборотъ.

Итакъ, воспитаніе, безсознательное внушеніе есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно — странно сказать — чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что̀ назвать хорошею жизнью? спросятъ. Степени хорошества есть безграничныя, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремленіе къ совершенствованію въ любви. Вотъ это самое если есть въ воспитателяхъ и если этимъ заразятся дѣти, то воспитаніе будетъ не дурное.

Для того, чтобы воспитаніе дѣтей было успѣшно, надо, чтобы воспитывающіе люди, не переставая, воспитывали себя, помогали бы другъ другу все болѣе и болѣе осуществлять то, къ чему

стремятся. Средствъ же для этого, кромѣ главнаго внутренняго — работы каждаго человѣка надъ своей душой (для меня съ помощью уединенія и молитвы), можетъ быть очень много. Надо искать ихъ, обдумывать, прилагать, обсуждать. Я думаю, что критицизмъ, который употребляется у перфекціонистовъ, — хорошее средство. Хорошо, я думаю, тоже въ извѣстные дни собираться и сообщать другъ другу средства борьбы со своими слабостями, свои или изъ книгъ рецепты совершенствованія. Хорошо, думаю, отыскивать самыхъ несчастныхъ людей, отталкивающихъ физически или нравственно, и пытаться служить имъ. Хорошо, думаю, пытаться сходиться съ врагами, ненавидящими насъ. Это я пишу наобумъ, au courant de la plume, но думаю, что это цѣлая и важнѣйшая область науки воспитанія себя для воздѣйствія на дѣтей. Только бы мы сознали важность этой стороны воспитанія и разработали бы ее.

Это намеки на одну сторону дѣла — воспитаніе. Теперь объ образованіи. Объ образованіи я думаю вотъ что: наука, ученіе есть не что иное, какъ передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда въ трехъ разныхъ направленіяхъ, пріемахъ мысли, думали 1) философски, религіозно о значеніи своей жизни — религія и философія, 2) опытно, дѣлая выводы изъ извѣстнымъ образомъ обставленныхъ наблюденій — естественныя науки: механика, физика, химія, физіологія, и 3) думали математически, дѣлая выводы изъ положеній своей мысли: математика и математическія науки. Всѣ эти три рода наукъ — настоящія науки. Нельзя поддѣлаться подъ знаніе ихъ, и не можетъ быть полузнанія — знаетъ или не знаетъ. Всѣ эти три рода наукъ космополитичны — всѣ онѣ не только не разъединяютъ, но соединяютъ людей. Всѣ онѣ доступны всѣмъ людямъ и удовлетворяютъ критерію братства людей. Науки же богословскія, юридическія и спеціально историческія, русскія, французскія, суть не науки или науки вредныя и должны быть исключены. Но, кромѣ того, что существуютъ три отрасли науки, существуютъ и три способа передачи этихъ знаній (пожалуйста, не думайте, что я подгоняю къ тремъ; мнѣ хотѣлось, чтобы было четыре или десять, но вышло по три). Первый способъ передачи самый обычный — слова. Но слова на разныхъ языкахъ, и потому является еще наука — языки, опять соотвѣтствующая критерію братства людей (можетъ-быть, и нужно преподаваніе эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способъ — это пластическое искусство, рисованіе или лѣпка, наука о томъ, какъ для глаза передать то, что знать другому. И третій способъ — музыка, пѣніе, наука, какъ передать свое настроеніе, чувство. Кромѣ этихъ 6 отраслей преподаванія, долженъ быть введенъ еще 7-й — преподаваніе мастерства, и опять соотвѣтствующее критерію братства, т.-е. такого, которое всѣмъ нужно, — слесарное, столярное, плотничное, швейное... Такъ что преподаваніе распадается на 7 предметовъ.

Какую часть времени употребить на каждое, кромѣ обязательнаго труда, для *своего* обслуживанія, рѣшитъ склонность каждаго ученика. Мнѣ представляется такъ: преподаватели для себя рас-

предѣляютъ часы, но ученики вольны приходить или нѣтъ. Какъ ни странно это кажется намъ, такъ уродливо поставившимъ образованіе, полная свобода обученія, т.-е. чтобы ученикъ, ученица сами приходили учиться, когда хотятъ, есть conditio sine qua non всякаго плодотворнаго обученія, такъ же какъ conditio sine qua non питанія есть то, чтобы питающемуся хотѣлось ѣсть. Разница только въ томъ, что въ матеріальныхъ дѣлахъ вредъ отступленія отъ свободы сейчасъ же проявляется — сейчасъ же будетъ рвота или разстройство желудка; въ духовныхъ же вредныя послѣдствія проявятся не такъ скоро, можетъ-быть, черезъ года. Только при полной свободѣ можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ, а эти лучшіе ученики есть самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызываніе отвращенія къ предметамъ, которые въ свое время и свободно были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой спеціальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія. А то я буду говорить ученику, что не надо въ жизни насилія, а надъ нимъ буду совершать самое тяжелое умственное насиліе. Знаю я, что это трудно, но что же дѣлать, когда поймешь, что всякое отступленіе отъ свободы губительно для самаго дѣла образованія. Да и не такъ трудно, когда твердо рѣшишься, не дѣлать глупаго. Я думаю, что надо такъ. А. отъ 2 до 3 даетъ урокъ математики, т.-е. ученія тому, что̀ хочетъ знать ученикъ въ этой области. В. отъ 3 до 5 — рисованію и т. д. Вы скажете, а самые маленькіе? — Самые маленькіе, если ведутся правильно, сами всегда просятся и любятъ аккуратность, т.-е. подчиняются гипнозу подражанія: вчера былъ послѣ обѣда урокъ и нынче онъ послѣ обѣда желаетъ урока...

Вообще грубо представляется мнѣ распредѣленіе времени и предметовъ такъ: всѣхъ часовъ бдѣнія 16. Половину изъ нихъ полагаю съ пермежками отдыха, игры (чѣмъ моложе, тѣмъ длиннѣе) на воспитаніе, въ тѣсномъ смыслѣ — просвѣщеніе, т.-е. на работу для себя, семьи и другихъ: чистить, носить, варить, рубить и т. п. Другую половину отдаю ученію. Предоставляю ему избирать изъ 7 предметовъ то, къ чему его тянетъ.

Все это, какъ видите, написано кое-какъ. Я буду еще, если Богъ велитъ, перерабатывать это, но посылаю вамъ все-таки какъ отвѣтъ...

Прибавлю еще о рисованіи и музыкѣ... Какъ въ рисованіи, такъ и въ музыкѣ дѣти должны быть обучаемы, пользуясь самыми всегда доступными средствами (въ рисованіи — мѣломъ, углемъ, карандашомъ; въ музыкѣ — своей глоткой умѣть передавать то, что они видятъ или слышатъ), — это начало. Если бы послѣ — что очень жалко — для исключительныхъ оказалось особенное дарованіе, тогда можно учиться писать масляными красками или играть на дорогихъ инструментахъ. Для обученія этой элементарной грамотѣ рисовальной и музыкальной, я знаю, что есть хорошія, новыя руководства.

Для обученія же языкамъ — чѣмъ больше, тѣмъ лучше — я думаю, вотъ какимъ вашихъ дѣтей надо учить: французскому, нѣмецкому непремѣнно, англійскому и эсперанто, если можно. И учить надо, предлагая имъ читать знакомую по-русски книгу, стараясь понимать общій смыслъ, попутно обращая вниманіе на нужнѣйшія слова, корни словъ и грамматическія формы. Притомъ учить прежде и преимущественно чужимъ языкамъ, а не своему.

... Въ письмѣ о воспитаніи забылъ написать. Я считаю важнымъ при изученіи языковъ то, чтобы изучать всегда только одинъ языкъ и на него положить всѣ силы, отдавъ ему часы другихъ занятій, и вести это такъ до тѣхъ поръ, пока ученикъ настолько овладѣетъ языкомъ, что будетъ въ состояніи читать на немъ книги.

Бесѣды съ дѣтьми по нравственнымъ вопросамъ.

Преподавать дѣтямъ нравственность я пытался вотъ какъ: собравъ выраженныя разными мыслителями нравственныя истины и изложивъ ихъ доступнымъ дѣтямъ въ возрастѣ около 10 лѣтъ языкомъ, я раздѣлилъ ихъ на отдѣлы и каждый день читалъ дѣтямъ по одной мысли изъ одного по очереди отдѣла и, прочтя, просилъ ихъ повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвѣчая на вопросы, вызванные чтеніемъ.

Отдѣловъ такихъ у меня составилось около 20. Я говорю — около 20 потому, что я не вполнѣ остановился на числѣ отдѣловъ и то прибавляю, то убавляю ихъ.

Главные отдѣлы слѣдующіе:

1) Богъ.
2) Жизнь въ волѣ Бога.
3) Человѣкъ — сынъ Бога.
4) Разумъ.
5) Любовь.
6) Совершенствованіе.
7) Усиліе.
8) Мысли.
9) Слова.
10) Поступки — дѣла.
11) Соблазны внутренніе.
12) Соблазны внѣшніе.
13) Смиреніе.
14) Самоотреченіе.
15) Непротивленіе.
16) Жизнь въ настоящемъ.
17) Смерть.
18) Жизнь — благо.
19) Вѣра.

Такихъ нравственныхъ истинъ набралось у меня болѣе 700, такъ что если расположить ихъ по днямъ, то на каждый день придется по 2.

Для образца выписываю по одной мысли изъ каждаго отдѣла.

Изъ отдѣла 1-го.

Услыхали разъ рыбы въ рѣкѣ, что люди говорятъ: рыбамъ можно жить только въ водѣ. И стали рыбы другъ у друга спрашивать: что такое вода? И ни одна рыба въ рѣкѣ не могла сказать, что такое вода. Тогда умная, старая сказала, что есть въ

морѣ премудрая рыба. Она все знаетъ. Спросимъ ее: что такое вода? И вотъ поплыли рыбы въ море къ старой премудрой рыбѣ и спросили ее: какъ бы намъ узнать, что такое вода? Премудрая рыба сказала: вы не знаете, что такое вода, потому что живете въ водѣ. Узнаешь воду только тогда, когда выскочишь изъ нея и почуешь, что безъ нея жить нельзя. Только тогда поймешь, что мы водою живемъ и что безъ воды нѣтъ жизни.

То же и съ людьми, если они думаютъ, что не знаютъ Бога. Мы живемъ въ Богѣ и Богомъ, и только что уйдемъ отъ Бога, сейчасъ намъ такъ же плохо, какъ рыбѣ безъ воды.

Изъ отдѣла 2-го.

Когда на большой дорогѣ грабятъ разбойники, то путешественникъ не выѣзжаетъ одинъ: онъ выжидаетъ, не поѣдетъ ли кто-нибудь со стражей, присоединяется къ нему и тогда уже не боится разбойниковъ.

Такъ же поступаетъ въ своей жизни и разумный человѣкъ. Онъ говоритъ себѣ: «Въ жизни много всякихъ бѣдъ. Гдѣ найти защиту, какъ уберечься отъ всего этого? Какого дорожнаго товарища подождать, чтобы поѣхать въ безопасности? За кѣмъ ѣхать слѣдомъ: за тѣмъ или за другимъ? За богатымъ ли, за важнымъ ли вельможей или за самимъ царемъ? Не уберегутъ ли они меня? Вѣдь и ихъ грабятъ и убиваютъ, и они такъ же бѣдствуютъ, какъ и другіе люди. Да еще и то можетъ быть, что тотъ самый, съ кѣмъ я поѣду, нападетъ на меня и ограбитъ. Какого же мнѣ найти себѣ вѣрнаго дорожнаго товарища, такого товарища, чтобы онъ не напалъ на меня, а былъ мнѣ всегда защитой? За кѣмъ мнѣ идти слѣдомъ? — Одинъ есть такой вѣрный товарищъ. Товарищъ этотъ — Богъ. За Нимъ надо идти, чтобы не попасть въ бѣду. А что значитъ идти за Богомъ? Это значитъ желать того, что Онъ хочетъ, и не желать того, чего Онъ не хочетъ. А какъ достигнуть этого? — Понять Его законы и слѣдовать имъ».

Изъ отдѣла 3-го.

Христосъ сказалъ, что каждый человѣкъ — сынъ Бога. Это значитъ то, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ духъ Божій; по тѣлу всякій человѣкъ сынъ своихъ родителей, по духу всякій человѣкъ сынъ Бога. Чѣмъ больше человѣкъ понимаетъ въ себѣ духъ Божій, чѣмъ больше признаетъ свою сыновность Богу, тѣмъ больше онъ приближается къ Богу и къ истинному благу.

Изъ отдѣла 4-го.

Чѣмъ добрѣе бываетъ жизнь человѣка, тѣмъ больше бываетъ въ немъ разума. А чѣмъ разумнѣе человѣкъ, тѣмъ добрѣе бываетъ жизнь человѣка.

Для доброй жизни нуженъ свѣтъ разума. А для того, чтобы разумъ былъ свѣтелъ, нужна добрая жизнь. Одно помогаетъ дру-

гому. А потому, если разумъ не помогаетъ доброй жизни, это не настоящій разумъ. И если жизнь не помогаетъ разуму, то это не добрая жизнь.

Изъ отдѣла 5-го.

Постарайся полюбить того, кого ты не любилъ, кто обидѣлъ тебя. И если это удастся тебѣ сдѣлать, то тебѣ сейчасъ же станетъ очень хорошо и радостно на душѣ. Какъ свѣтъ ярче свѣтитъ послѣ темноты, такъ и на душѣ бываетъ особенно хорошо, когда вмѣсто злобы и досады почувствуешь любовь къ тому, кого не любилъ и кто обидѣлъ тебя.

Изъ отдѣла 6-го.

Мы всѣ знаемъ, что живемъ не такъ, какъ надо и какъ могли бы жить. И потому надо всегда помнить, что жизнь наша можетъ и должна быть лучше.

Помнить это надо не затѣмъ, чтобы осуждать жизнь другихъ людей и свою, не исправляя ее, а затѣмъ, чтобы стараться съ каждымъ днемъ и часомъ становиться хоть немного лучше, исправлять себя.

Въ этомъ самое главное и самое радостное дѣло въ жизни.

Изъ отдѣла 7-го.

Бываетъ непріятно, когда тебя хвалятъ за то, чего ты не сдѣлалъ, и такъ же непріятно, когда бранятъ за то, чего ты не заслужилъ. Но можно и въ напрасной похвалѣ и въ напрасной брани найти пользу. Если ты не сдѣлалъ добраго дѣла и тебя хвалятъ за него, постарайся сдѣлать то, за что тебя хвалятъ. А если тебя бранятъ за то, чего ты не сдѣлалъ, то постарайся впередъ не дѣлать того, за что тебя бранятъ.

Изъ отдѣла 8-го.

Для того, чтобы не дѣлать злыхъ дѣлъ, надо удерживаться не только отъ самыхъ дѣлъ, но и отъ злыхъ разговоровъ. Для того же, чтобы удерживаться отъ злыхъ дѣлъ и разговоровъ, надо научиться удерживаться отъ злыхъ мыслей. Когда одинъ думаешь самъ съ собой и придутъ недобрыя мысли — осуждаешь кого-нибудь, сердишься, вспомни, что не хорошо такъ думать, остановись и старайся думать о другомъ. Только тогда будешь въ силахъ воздерживаться отъ злыхъ дѣлъ, когда научишься воздерживаться отъ злыхъ мыслей. Корень злыхъ дѣлъ въ дурныхъ мысляхъ.

Изъ отдѣла 9-го.

Какъ удилами во рту мы управляемъ конями и рулями управляемъ кораблями, такъ и языкомъ мы управляемъ всѣмъ тѣломъ.

Языкомъ можно и осквернить, можно и освятить себя. И потому надо не говорить что попало, а внимательно слѣдить за своими словами.

Слово—великое дѣло. Какъ небольшой огонь можетъ сжечь цѣлыя деревни, такъ и отъ одного слова можетъ сдѣлаться большое несчастье.

Изъ отдѣла 10-го.

Китайскаго мудреца спросили: есть ли такое слово, которое дало бы счастье на всю жизнь?

Мудрецъ сказалъ: «есть слово «шу»; смыслъ этого слова такой: чего мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, не надо дѣлать другимъ».

Когда же Христа спросили о главной заповѣди закона, Онъ сказалъ: «Во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними. Въ этомъ законъ и пророки».

Китайскій мудрецъ сказалъ, чтобы не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хочешь: не отступай отъ любви. А Христосъ сказалъ: не только не дѣлай другому того, чего себѣ не хочешь, но дѣлай другому то, чего себѣ хочешь,—поступай по любви.

Изъ отдѣла 11-го.

Пословица говоритъ: «Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». «Отъ трудовъ будешь горбатъ, а не будешь богатъ».

И пословица не мимо молвится. Большое богатство наживается не трудами, а грѣхами. Отъ этого большое богатство—тяжесть, а не радость для хорошаго человѣка. Не пропускаетъ большое богатство людей въ царство Божіе.

Изъ отдѣла 12-го.

Надо не поддаваться тому, что дѣлаютъ другіе, а жить своимъ умомъ. Не бѣда, если мы смѣемся, сами не зная чему, когда другой человѣкъ смѣется, и если, глядя на того, кто зѣваетъ, и сами зѣваемъ, но плохо то, когда мы поддаемся злому чувству того человѣка, который злится на насъ, обижаетъ насъ. Онъ злится, и мы злимся. А тутъ-то и дороже всего не поддаться злому чувству, а, напротивъ, добротой отвѣтить на злобу. Если съ злыми людьми будешь такой же, какъ они, то сдѣлаешься скоро злымъ и съ добрыми людьми.

Изъ отдѣла 13-го.

Въ Евангеліи сказано (Лука XVI, 15), что велико для людей, то мерзость передъ Богомъ.—Это надо всегда помнить, чтобы не ошибиться и не почитать великимъ и важнымъ то, что мало и ничтожно. Это надо помнить, потому что люди всегда возвеличиваютъ, украшаютъ то, про что они знаютъ, что оно безъ при-

красы будетъ не замѣчено и признано дурнымъ. Такъ устраиваютъ всякіе храмы, шествія съ музыкой и флагами, богатыми одеждами. Надо не поддаваться этому блеску и знать и помнить, что все истинное и доброе не нуждается въ украшеніяхъ и бываетъ просто и скромно.

Изъ отдѣла 14-го.

Люди живутъ общими трудами всѣхъ. И чугунъ, и косы, и сошникъ, и сукно, и бумага, и спички, и свѣчи, и керосинъ, и тысячи другихъ вещей,—все это труды людскіе. И потому, чтобы не отнимать у людей людского труда, надо, если мы пользуемся трудами людей, оплачивать за это своимъ.

Есть пословица, что если одинъ человѣкъ живетъ не работая, то гдѣ-нибудь какой-нибудь человѣкъ отъ этого умираетъ съ голоду.

Но какъ учесть, больше ли я беру, чѣмъ даю? Учесть нельзя, и потому, чтобы не быть воромъ и убійцей, лучше больше отдать, чѣмъ взять, и для этого какъ можно больше работать и какъ можно меньше брать отъ другихъ людей.

Изъ отдѣла 15-го.

«Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую» (Мѳ. V, 38—39). Ученіе это запрещаетъ дѣлать то, отъ чего умножается, а не прекращается зло въ мірѣ. Когда одинъ человѣкъ нападаетъ на другого, обижаетъ его, онъ этимъ зажигаетъ въ другомъ чувство ненависти, корень всякаго зла. Что же надо сдѣлать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сдѣлать то самое, что вызвало это чувство зла, т.-е. повторить дурное дѣло? Поступить такъ значитъ вмѣсто того, чтобы уничтожить зло, усилить его.

И потому непротивленіе злу зломъ есть единственное средство побѣдить зло. Только оно одно убиваетъ злое чувство и въ томъ, кто сдѣлалъ зло, и въ томъ, кто понесъ его.

Изъ отдѣла 16-го.

Никогда не откладывай добраго дѣла, если можешь сдѣлать его нынче. Смерть не разбираетъ того, сдѣлалъ или не сдѣлалъ человѣкъ то, что долженъ. Смерть никого и ничего не дожидается. У нея нѣтъ ни враговъ, ни друзей. Дѣла человѣка, то, что онъ успѣлъ сдѣлать, становятся его судьбой, хорошей или дурной. И потому для человѣка важнѣе всего въ мірѣ то, что онъ сейчасъ дѣлаетъ.

Изъ отдѣла 17-го.

Человѣкъ видитъ, какъ все на свѣтѣ—и растенія и животныя—зарождается, растетъ, крѣпнетъ, плодится, а потомъ слабѣетъ, портится, старѣется и умираетъ.

То же самое видитъ человѣкъ и надъ своимъ тѣломъ, и глядя на другихъ людей, когда они умираютъ, знаетъ и про свое тѣло, что оно состарится, испортится и умретъ, какъ и все, что родится и живетъ на свѣтѣ.

Но, кромѣ того, что онъ видитъ на другихъ существахъ и на людяхъ, каждый человѣкъ знаетъ въ себѣ еще то, что не портится и не старѣется, а, напротивъ, что больше живетъ, то лучшѣетъ и крѣпнетъ, — знаетъ каждый человѣкъ въ себѣ свою душу.

Что будетъ съ душой, когда мы помремъ, никто не можетъ знать. Одно мы вѣрно знаемъ—это то, что портится, прѣетъ и гніетъ только то, что тѣлесно, а душа нетѣлесна, и потому съ ней не можетъ быть того, что съ тѣломъ. И потому страшна смерть только тому, кто живетъ только тѣломъ. Для того же, кто живетъ душою, нѣтъ смерти.

Изъ отдѣла 18-го.

Знай и помни, что если человѣкъ несчастенъ, то онъ самъ въ этомъ виноватъ, потому что Богъ создалъ людей не для того, чтобы они были несчастны, а для ихъ счастія. Несчастны бываютъ люди только тогда, когда они желаютъ того, что не всегда могутъ имѣть. Счастливы же тогда, когда желаютъ того, что всегда могутъ имѣть. Чего же люди не всегда могутъ имѣть? И что могутъ всегда имѣть, когда желаютъ этого?

Не всегда могутъ люди имѣть то, что не въ ихъ власти, то, что другіе могутъ отнять у нихъ. Всего этого люди не могутъ имѣть всегда. Всегда же могутъ имѣть люди только то, чего никто отъ нихъ отнять не можетъ.

Первое—это всѣ блага мірскія, богатство, почести, здоровье. Второе—это своя душа, свое желаніе во всемъ исполнять волю Бога. И Богъ далъ въ нашу власть какъ разъ то, что намъ нужнѣе всего для нашего блага, потому что никто, никакія мірскія блага не даютъ истиннаго блага, а всегда только обманываютъ. Истинное же благо даетъ только исполненіе воли Бога. Богъ не врагъ намъ, Онъ поступилъ съ нами, какъ добрый Отецъ: Онъ не далъ намъ только того, что не можетъ дать намъ блага.

Изъ отдѣла 19-го.

Во всѣхъ вѣрахъ ученіе о томъ, какъ надо жить людямъ, одно и то же. Обряды разные, а вѣра одна.

Разумный человѣкъ видитъ то, что едино во всѣхъ вѣрахъ, глупый же видитъ только то, что въ нихъ разное.

Ясная Поляна. Августъ 1907 г.

Объ образованіи.

ПИСЬМО 1-е.

(Въ отвѣтъ на письмо В. Булгакову).

Постараюсь исполнить ваше желаніе, — отвѣтить на ваши вопросы.

Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи, давнишнихъ и послѣднихъ, окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ, да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ.

Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ тогдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И воспитаніе и образованіе нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія; всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить объ одномъ образованіи: о томъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ пріемовъ образованія, и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ.

То, что свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія какъ для учащихся, такъ и для учащихъ, я признаю, какъ и прежде, т.-е. что и угрозы наказаній и обѣщанія наградъ (правъ и т. п.), обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію.

Думаю, что ужъ одна такая полная свобода, т.-е. отсутствіе принужденія и выгодъ какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихъ, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе. Отсутствіе у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религіознаго отношенія къ міру, какихъ-либо твердыхъ нравственныхъ правилъ, ложный взглядъ на науку, на общественное устройство, въ особенности на религію, и всѣ вытекающія изъ этого губительныя послѣдствія,—все это порождаемо въ большей степени насильственными и корыстными пріемами образованія.

И потому, для того, чтобы образованіе было плодотворно, т.-е. содѣйствовало бы движенію человѣчества къ все большему и боль-

шему благу, нужно, чтобы образованіе было свободно. Для того же, чтобы образованіе, будучи свободно какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же какъ и у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для преподаванія и изученія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и преподавались бы въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. религіи.

Такъ это было прежде, такъ это есть и теперь тамъ, гдѣ люди соединены однимъ общимъ религіознымъ пониманіемъ жизни и вѣрятъ въ него. Такъ это было и сотни лѣтъ тому назадъ въ христіанскомъ мірѣ, когда всѣ люди, за малыми исключеніями, вѣрили въ церковную христіанскую вѣру. И у людей было твердое, общее всѣмъ основаніе для выбора предметовъ знанія и распредѣленія ихъ, и потому не было никакой нужды въ принудительномъ образованіи.

Такъ это было за сотни лѣтъ. Но въ наше время такой общей большинству людей христіанскаго міра вѣры уже нѣтъ; въ наше время только малое число, и то самыхъ не вліятельныхъ людей, еще вѣрятъ..., большинство же, и самое вліятельное,... не вѣрятъ ни въ какую религію. Мало того, такъ называемые передовые люди нашего времени вполнѣ увѣрены въ томъ, что всякая религія есть нѣчто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужнымъ человѣчеству, теперь же составляющее только препятствіе для его прогресса, и старательно увѣряютъ въ этомъ другихъ.

Такъ что въ наше время и въ нашемъ мірѣ, при отсутствіи какой бы то ни было общей большинству людей религіи, т.-е. пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. при отсутствіи основы образованія, невозможенъ какой бы то ни было опредѣленный выборъ знаній и распредѣленіе ихъ. Вслѣдствіе этого-то отсутствія всякой разумной основы, могущей руководить образованіемъ, и, кромѣ того, вслѣдствіе возможности... заставлять молодыя поколѣнія обучаться тѣмъ предметамъ, которые кажутся выгодными, и находится среди христіанскихъ народовъ образованіе въ такомъ превратномъ и жалкомъ, по моему мнѣнію, положеніи.

Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе.

Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы безконечнаго количества могущими до безконечности быть удлиненными радіусами.

И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избран-

ной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія о самыхъ важныхъ и нужныхъ предметахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ, чтобы передаваемыя знанія подобно одинаковой длины и одинаково равномѣрно расположеннымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли бы гармоничное цѣлое.

Такой выборъ знаній и такое распредѣленіе ихъ было возможно въ европейскомъ мірѣ, пока люди вѣрили въ ту форму христіанской религіи, которая соединяла ихъ. Теперь же..... вопросъ о томъ, какія знанія вообще полезны, какія могутъ быть вредны, какія нужны прежде, какія послѣ и до какой степени должны быть доводимы тѣ или другія, уже не имѣетъ никакого основанія для своего рѣшенія и рѣшается какъ попало и произвольно людьми..... такъ, какъ это для нихъ въ данное время наиболѣе удобно и выгодно.

Вслѣдствіе этого-то и произошло въ нашемъ обществѣ то удивительное явленіе, что, продолжая сравненіе со сферой, въ нашемъ обществѣ знанія распредѣляются не только не равномѣрно, но въ самыхъ уродливыхъ соотношеніяхъ: нѣкоторые радіусы достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ, другіе же вовсе не обозначены. Такъ, напримѣръ, люди пріобрѣтаютъ знанія о разстояніяхъ, плотности, движеніяхъ на милліарды верстъ отъ насъ отстоящихъ звѣздъ, о жизни микроскопическихъ животныхъ, о воображаемомъ происхожденіи организмовъ, о грамматикѣ древнихъ языковъ и тому подобномъ вздорѣ, а не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ живутъ и жили ихъ братья—люди, не только отдѣленные отъ нихъ морями и тысячами миль и вѣками, но и люди, живущіе сейчасъ съ ними рядомъ: чѣмъ питаются, какъ спятъ, одѣваются, что работаютъ, какъ женятся, воспитываютъ дѣтей, какіе ихъ обычаи, привычки, вѣрованія. Люди узнаютъ въ школахъ все объ Александрѣ Македонскомъ и Людовикѣ XIV и его любовницахъ, но не знаютъ ничего о томъ, какъ живутъ, работаютъ, страдаютъ рядомъ съ ними ихъ братья и сестры въ деревнѣ или въ городѣ на заводѣ. Знаютъ о химическомъ составѣ тѣлъ, объ электричествѣ, радіи, о цѣлыхъ такъ называемыхъ «наукахъ», о правѣ и теологіи, подробно знаютъ о повѣстяхъ и романахъ, написанныхъ разными, считающимися «великими», писателями; знаютъ о совершенно ни на что ненужныхъ и скорѣе вредныхъ пустякахъ, а ничего не знаютъ о томъ, какъ понимали и понимаютъ смыслъ своей жизни и какія признавали и признаютъ правила жизни милліарды жившихъ и живущихъ людей, двѣ трети всего не христіанскаго человѣчества.

Отъ этого-то и происходитъ въ нашемъ мірѣ то удивительное явленіе, что люди, считающіеся въ нашомъ мірѣ самыми образованными, суть, въ сущности, люди самые невѣжественные, знающіе множество того, чего никому не нужно знать, и не знающіе того, что прежде всего нужно знать всякому человѣку. И мало того, что люди эти грубо-невѣжественны, они еще и безнадежно

невѣжественны, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что они очень ученые, образованные люди, т.-е. знаютъ все то, что нужно знать и даже больше того, что нужно знать человѣку.

Происходитъ это удивительное и печальное явленіе оттого, что въ нашемъ, называемомъ христіанскомъ, мірѣ не только опущенъ, но отрицается тотъ главный предметъ преподаванія, безъ котораго не можетъ быть осмысленнаго пріобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній. Опущена и отрицается необходимость религіознаго и нравственнаго преподаванія, т.-е. передачи молодымъ поколѣніямъ учащихся тѣхъ, съ самыхъ древнихъ временъ данныхъ мудрѣйшими людьми міра, отвѣтовъ на неизбѣжно стоящіе передъ каждымъ человѣкомъ вопросы: первый—что я такое, какое отношеніе мое, моей отдѣльной жизни ко всему безконечному міру? и второй—какъ мнѣ сообразно съ этимъ моимъ отношеніемъ къ міру жить, что дѣлать и чего не дѣлать?

Эти же два предмета — религіозное ученіе, общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ, — предметы, долженствующіе быть главной основой всякаго образованія, воспитанія и обученія отсутствуютъ совершенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣняются въ нашемъ обществѣ собраніемъ грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ....., предметомъ самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію.

Въ этомъ, я полагаю, главный недостатокъ существующихъ въ нашемъ обществѣ пріемовъ образованія. И потому думаю, что для того, чтобы въ наше время образованіе было не вредно, каково оно теперь, въ основу его должны быть поставлены эти два предмета: религіозное пониманіе жизни и нравственное ученіе.

Объ этомъ самомъ предметѣ я писалъ въ составленномъ мною «Кругѣ чтенія» слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей.

«Эта-то наука и служитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

«Предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой».

Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается именно въ этомъ, въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ, самымъ сложнымъ, труднымъ и ненужнымъ предметамъ, не обучаются только тому, что одно нужно, — тому, въ

чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима и что̀ думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра.

Скажутъ: «нѣтъ такого общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія нравственности». Но, во-первыхъ, это неправда, — такія ученія всегда были и есть, не могутъ не быть, потому что безъ такихъ ученій никогда не жило, не могло бы и не можетъ жить человѣчество.

Если нѣкоторымъ людямъ нашего времени и кажется, что ихъ нѣтъ, то это происходитъ только оттого, что эти люди принимаютъ тѣ затемнѣнія и извращенія, которыми ..... скрыты религіозныя и нравственныя истины, за самую сущность ученій. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же—и религіозная и нравственная—истина во всѣхъ ученіяхъ, отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа, и новѣйшихъ религіозныхъ мыслителей, откроется имъ.

Это мой первый отвѣтъ на возраженіе, о томъ, что будто бы нѣтъ общаго религіознаго и нравственнаго ученія, а потому и нельзя на немъ основывать образованіе. Второй же мой отвѣтъ будетъ тотъ, что если допустить, что такого ученія нѣтъ, то вытекаетъ изъ этого только то, что при отсутствіи единственной возможной разумной основы для образованія не можетъ быть и никакого разумнаго образованія, а можетъ быть только, какъ это и есть теперь, нагроможденіе самыхъ пустыхъ, случайныхъ, ненужныхъ большому большинству, часто и вредныхъ знаній, которыя мы называемъ наукой, и что поэтому лучше не надо никакого образованія, чѣмъ ложное и вредное.

Вреднымъ же будетъ такое безосновное образованіе ужъ тѣмъ, что будетъ давать возможность невѣжественнымъ людямъ, каковы теперь большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей, не сознавать своего невѣжества, а считать себя образованными.

Нравится намъ это или не нравится, разумное образованіе возможно только при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности.

Продолжая сравненіе съ радіусами, проводимыми изъ центра, ученіе о религіи и нравственности, по отношенію ко всѣмъ другимъ знаніямъ, подобно тѣмъ тремъ взаимно перпендикулярнымъ діаметрамъ, которые опредѣляютъ направленіе и соотношеніе всѣхъ радіусовъ сферы и ту степень длины, до которой они могутъ быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое цѣлое—сферу.

И потому я полагаю, что первое и главное знаніе, которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это—отвѣты на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго приходящаго къ сознанію человѣка. Первый: что̀ я такое и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что̀ считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что̀ всегда, при всѣхъ условіяхъ, дурнымъ?

Отвѣты на эти вопросы всегда были и есть въ душѣ каждаго человѣка; разъясненія же отвѣтовъ на эти вопросы не могло не быть среди милліардовъ прежде жившихъ и милліоновъ живущихъ теперь людей. И оно дѣйствительно есть въ ученіяхъ религіи и нравственности,—не въ религіи и ученіи нравственности какого-либо одного народа извѣстнаго мѣста и времени, а въ тѣхъ основахъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, которыя—однѣ и тѣ же — высказаны всѣми лучшими мыслителями міра отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа, Іоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидскаго Баба, индусскаго Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рёскина, Сковороды и др.

И потому думаю, что до тѣхъ поръ, пока эти два предмета не станутъ въ основу образованія, не можетъ быть никакого разумнаго образованія.

Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то думаю, что порядокъ ихъ преподаванія выяснится самъ собой при признаніи основой всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметомъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа, думаю, что при правильной постановкѣ дѣла образованія столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ, болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ.

Оба эти предмета, точно такъ же, какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ и замѣняются географіей — изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ, горъ, городовъ — и исторіей, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ.

Думаю, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т.-е. людей, то, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто и что точно такъ же, соотвѣтственно своей важности для разумной жизни, займутъ соотвѣтствующія мѣста зоологія, математика, физика, химія и другія знанія.

Думаю такъ, но не берусь ничего утверждать о распредѣленіи знаній. Утверждаю же я только одно: то, что безъ признанія основнымъ и главнымъ предметомъ образованія религіи и нравственности не можетъ быть никакого разумнаго распредѣленія знаній, а потому и разумной и полезной для обучаемыхъ передачи ихъ.

При признаніи же основой образованія религіи и нравственности и при полной свободѣ образованія всѣ остальныя знанія распредѣляются такъ, какъ это имъ свойственно, сообразно тѣмъ условіямъ, въ которыхъ будетъ находиться то общество, въ которомъ будутъ преподаваться и восприниматься знанія.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени, — не той, которая вычисляетъ тяжесть той звѣзды, вокругъ которой вращается солнце, или изслѣдуетъ происхожденіе организмовъ за милліоны лѣтъ до нашего времени, или описываетъ жизни королей, полководцевъ, или излагаетъ софизмы — теологіи или юриспруденціи, а той одной, которая есть точно наука, потому что дѣйствительно нужна людямъ. Нужна же людямъ потому, что, наилучшимъ образомъ отвѣчая на тѣ, одни и тѣ же, вопросы, которые вездѣ и всегда ставилъ и ставитъ себѣ всякій разумный человѣкъ, вступающій въ жизнь, она содѣйствуетъ благу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

Вотъ все, что имѣлъ сказать. Буду радъ, если это пригодится вамъ.

Ясная Поляна, 1 мая 1909 года.

О воспитаніи.

ПИСЬМО 2-е.

Получилъ ваше письмо и былъ радъ найти въ немъ совершенно согласныя съ моими взглядами мысли о томъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ посѣщеніе церкви, такъ и чтеніе Библіи не оказываетъ желательнаго воспитательнаго вліянія, а что между тѣмъ, кромѣ самаго дѣйствительнаго воздѣйствія на дѣтей личныхъ примѣровъ родителей и окружающихъ, необходимо дѣтямъ прямое религіозное воспитаніе.

Мое религіозное пониманіе жизни, изъ котораго вытекаетъ и мое мнѣніе о томъ, какимъ должно быть религіозное воспитаніе, такое:

Бога, духовное начало жизни, мы знаемъ только потому, что знаемъ Его въ себѣ и въ другихъ людяхъ. И потому дѣйствительное богопочитаніе возможно только въ почитаніи Бога въ себѣ и въ другихъ людяхъ. Почитаніе Бога въ себѣ состоитъ въ представленіи себѣ и держаніи передъ собой образа высшаго совершенства добра и въ стремленіи къ наибольшему въ своей жизни приближенію къ этому совершенству. Почитаніе же Бога въ людяхъ состоитъ въ признаніи въ каждомъ человѣкѣ того же Бога, какого мы сознаемъ въ себѣ, и потому въ стремленіи къ соединенію съ каждымъ человѣкомъ; соединеніе же это можетъ совершаться только любовью.

Полагая въ такомъ богопочитаніи сущность всякой религіи, я думаю, что такое богопочитаніе можно и должно внушать и дѣтямъ. Я думаю, и по опыту знаю, что дѣти легко понимаютъ и охотно принимаютъ такое ученіе, особенно если въ этомъ одномъ заключается все ученіе о богопочитаніи.

Внушать дѣтямъ это богопочитаніе, я думаю, что можно такъ:

Всѣ мы знаемъ, сказалъ бы я дѣтямъ, что надо никого не обижать, не бранить, не осуждать, со всѣми быть добрымъ, всѣмъ желать добра, всѣхъ любить, и что если жить такъ, то хорошо будетъ и другимъ и самому себѣ, а мы все-таки часто и осуждаемъ, и бранимъ, и обижаемъ, и только себѣ желаемъ добра, и любимъ только себя или тѣхъ, кто насъ любитъ, и когда мы живемъ такъ, бываетъ нехорошо и другимъ людямъ, нехорошо бываетъ и намъ.

Отчего это?

Бываетъ это оттого, что живетъ каждый изъ насъ и душою и тѣломъ. Душа ничего не хочетъ для себя одной, а всѣмъ, всему

на свѣтѣ хочетъ добра, всѣхъ любитъ, а тѣло наше хочетъ всего хорошаго только себѣ одному и себя одного только и любитъ. И потому, чѣмъ больше живешь для души и чѣмъ меньше для тѣла, тѣмъ лучше жить и другимъ людямъ и самому себѣ.

Какъ же сдѣлать, чтобы жить больше для души и меньше для тѣла? Для того, чтобы жить больше для души, а меньше для тѣла, надо, первое, понимать, что душа это духъ Божій въ человѣкѣ, одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ, и, второе, пріучаться къ тому, чтобы дѣлать то, чего хочетъ душа, а не то, чего хочетъ тѣло.

Для того, чтобы ясно понимать то, что наша душа — это духъ Божій въ человѣкѣ, хорошо слушать, повторять или читать поученія мудрыхъ и святыхъ людей о томъ, что̀ такое Богъ и какъ Онъ живетъ въ людяхъ. Для того же, чтобы пріучаться дѣлать то, чего хочетъ душа, а не то, чего хочетъ тѣло, хорошо въ концѣ каждаго дня вспоминать все то, въ чемъ поступилъ не такъ, какъ того требовала душа, а какъ этого хотѣло тѣло; въ началѣ же слѣдующаго дня готовиться къ тому, чтобы не повторить тѣхъ же ошибокъ.

Такъ бы я сказалъ дѣтямъ о богопочитаніи въ себѣ. О богопочитаніи же въ людяхъ я сказалъ бы дѣтямъ такъ:

Помните всегда, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ тотъ же Богъ, какой живетъ и въ васъ, и потому когда сходитесь съ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, не забывайте, что выше и важнѣе того, что̀ есть въ этомъ человѣкѣ, ничего нѣтъ на свѣтѣ. И потому, какъ бы ни были худы дѣла человѣка, самого человѣка, кто бы онъ ни былъ, надо почитать какъ Бога и любить какъ самого себя, и потому дѣлать для него то, чего самъ себѣ желалъ бы, если бы былъ на его мѣстѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, какимъ можетъ быть религіозное воспитаніе дѣтей. Радъ буду, если эти мои мысли пригодятся вамъ.

Ясная Поляна, 25 мая 1909 года.

Въ чемъ главная задача учителя?

(Изъ бесѣды съ народными учителями.)

Школьное дѣло такое, что оно можетъ быть не только не полезнымъ, но однимъ изъ самыхъ вредныхъ и дурныхъ дѣлъ, можетъ быть и самымъ пустячнымъ дѣломъ, можетъ быть и однимъ изъ самыхъ полезныхъ дѣлъ, которому могутъ посвятить свою жизнь люди.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Пустячнымъ оно будетъ, когда учитель, не поддерживая существующее направленіе и не противодѣйствуя ему, ограничится однимъ внѣшнимъ, механическимъ обученіемъ ариѳметикѣ грамматикѣ, орѳографіи.

Полезнымъ и однимъ изъ самыхъ хорошихъ дѣлъ оно будетъ тогда, когда учитель по мѣрѣ силъ своихъ будетъ внушать дѣтямъ истинно-нравственныя, основанныя на религіозныхъ христіанскихъ началахъ, убѣжденія и привычки.

Когда я занимался въ своей школѣ, я поступалъ такъ:

Прежде всего я прочитывалъ ученикамъ изъ Евангелія Матѳея XXII гл., ст. 35—40:

«И одинъ изъ нихъ, искушая Его, спросилъ, говоря: Учитель, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

«Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.

«Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

«Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

«На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки».

Прочтя стихи эти, я просилъ ихъ повторить прочтенное. Лучшіе ученики повторяли сущность прочитаннаго.

— Понятно?—спрашиваю.

— Понятно.

— Стало-быть, законъ Христовъ короткій и понятный. Какъ думаете: можно по немъ жить? Жить такъ, чтобы любить Бога и ближняго?

— Отчего жъ, можно,—говорятъ нѣкоторые.

— Что̀ значитъ,—спрашиваю,—любить Бога?

Большею частью молчатъ. Тогда я говорю имъ то, что сказано въ 1-мъ посланіи Іоанна о любви къ Богу. Читаю гл. IV, 20;

«Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ?»

Такъ и сказано (читаю гл. IV, 8): «кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь».

— Стало-быть, любить Бога значитъ стараться быть въ любви со всѣми.

Въ этомъ первая заповѣдь—любовь къ Богу.

Вторая заповѣдь — любить ближняго — та же, что и первая, только съ той разницей, что она показываетъ, какъ надо любить ближняго. Сказано въ посланіи апостола Іоанна, что Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ.

Любить Бога можетъ только тотъ, кто любитъ ближняго. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

Любить ближняго надо какъ самого себя, т.-е. не дѣлать другому, чего себѣ не хочешь, а дѣлать то, чего себѣ хочешь.

— Понятно ли?—спрашиваю.

Большею частью понимаютъ.

— Въ этихъ заповѣдяхъ, какъ сказано въ Евангеліи, весь законъ,—продолжаю я.—И кто исполняетъ ихъ, тому хорошо жить на свѣтѣ, а кто не исполняетъ, тому плохо. Будемъ же стараться исполнять ихъ. Исполнять ихъ сначала кажется очень трудно. Но всякое дѣло дѣлается съ трудомъ, и всякому дѣлу надо учиться. Для того, чтобы научиться исполнять эти заповѣди, надо, говорю, помнить четыре вещи: 1) помнить про Бога и про законъ Его помнить — и когда одинъ самъ съ собой и когда съ людьми; 2) не злиться на людей, не браниться, не ругаться, не осуждать, не думать худого о людяхъ; 3) жалѣть тѣхъ, кто несчастенъ, — не только людей, но и скотовъ и животныхъ, — и не мучить ихъ, а помогать имъ; 4) ничего не дѣлать такого, что заглушаетъ въ насъ совѣсть, т.-е. памятованіе о Богѣ и законѣ Его. Чтобы помнить, говорю, про Бога и законъ Его, хорошо почаще молиться. И не только въ церкви, не только утромъ и вечеромъ, но и среди дня, особенно когда что-нибудь трудно или самъ ослабѣлъ, вспомнить о Богѣ и сказать про себя молитву: «Господи, помоги! Помоги мнѣ, чтобы не ошибиться, не сдѣлать плохого!»

И какъ только помолишься, такъ сейчасъ трудное облегчится, и если хотѣлъ сдѣлать дурное, удержишься.

Второе—то, чтобы рукамъ воли не давать и не драться и также и языку воли не давать, не ругаться, особенно дурными словами. Помнить то, что и стыдно и глупо разумному человѣку ругаться безсмысленными, дурными словами. Мало того, чтобы пріучаться не ругаться, надо пріучаться и за глаза не осуждать людей. А то

мы ихъ судимъ, а они насъ судятъ, и добра отъ этого никакого, а только нелюбовь другъ къ дружкѣ.

Третье, говорю, то, чтобы жалѣть не только людей, если они отъ чего-либо мучатся, и сколько можно помогать имъ, особенно безпомощнымъ дѣтямъ, старымъ, убогимъ, но жалѣть и скотину всякую и всякое животное, а не мучить или убивать ихъ для своей забавы. Перестанешь жалѣть скотину, звѣрей,—перестанешь жалѣть и людей, а перестанешь жалѣть людей, огрубѣетъ сердце и разучится любить, а это самое дорогое на свѣтѣ.

Четвертое, говорю, то, чтобы не заглушать въ себѣ память и разумъ табакомъ, водкой. А то часто ребята балуются, чтобы быть похожими на старшихъ, да и привыкнутъ, а потомъ и сами не рады. И потому хорошо смолоду заречься отъ табака, вина, отъ всего пьянаго. Зло въ томъ, что то самое, что̀ дороже всего въ человѣкѣ — памятованіе о душѣ, заглушается этими зельями. Гдѣ бы вспомнилъ, подумалъ о душѣ, а накурился, напился — и все забылъ и дѣлаешь то, чего съ свѣжей головой ни за что бы не сдѣлалъ.

Когда бывали у меня постарше ребята, то я говорилъ имъ еще и о томъ, чтобы они береглись отъ всякихъ дурныхъ шутокъ съ дѣвушками, чтобы помнили, что всѣ дѣвушки имъ сестры, что только когда женишься, только тогда станетъ одна изъ сестеръ женою и на всю жизнь. Говорилъ имъ о томъ, что отъ Бога вложенъ въ душу и мальчиковъ и дѣвочекъ стыдъ передъ этими дѣлами и что стыдъ этотъ надо беречь и не позволять себѣ ничего такого, отъ чего стыдно.

Заключаю такія разсужденія обыкновенно тѣмъ, что говорю, что во всѣхъ дѣлахъ одно нужно—то, чтобы жить любовно. Сказано, говорю, что Богъ есть любовь и что Богъ живетъ въ душахъ нашихъ, такъ, значитъ, и жить надо по-Божьи, по любви. Для того же, чтобы жить по-Божьи, надо отстранять отъ себя все то, что мѣшаетъ такой жизни. А мѣшаетъ этому: 1) запамятованіе закона Христова—любви къ Богу и ближнему; 2) злоба, драки, ругательства, осужденіе; 3) то, что мы не жалѣемъ людей и скотовъ; 4) что одурманиваемся и заглушаемъ въ себѣ совѣсть, и 5) что нарушаемъ стыдъ между мальчиками и дѣвочками.

Такія или подобныя поученія, я думаю, не только необходимы для учениковъ, но и обязательны для тѣхъ учителей, которые строго передъ Богомъ, передъ своею совѣстью смотрятъ на свое дѣло. Мѳ. гл. XVIII, ст. 6: «А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы, повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской».

Да, великій грѣхъ людей, взявшихся за дѣло образованія, просвѣщенія, если они хоть сколько-нибудь, по мѣрѣ силъ своихъ, не стараются исправить то ужасное зло обмана, совершаемаго надъ дѣтьми, когда дѣти, не могущія даже представить себѣ повода, для какого могли бы старые люди обманывать ихъ, съ радостью и вѣрою принимаютъ отъ старшихъ въ свои воспріимчи-

выя, правдивыя сердца то, что̀ имъ выдается за истину, когда это не только не истина, а коварная ложь, которая извратитъ всю ихъ послѣдующую жизнь. Ужасенъ грѣхъ этотъ. И потому было бы большимъ грѣхомъ и преступленіемъ, если бы вы, сельскіе учителя, не постарались, насколько это въ вашихъ силахъ, заложить въ воспріимчивыя, алчущія правды сердца порученныхъ вамъ дѣтей основы вѣчныхъ, религіозныхъ истинъ и настоящей христіанской нравственности, которая такъ легко воспринимается дѣтскими душами.

Сентябрь, 1909 г.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

I. Переводы.

а) БАСНИ ЭЗОПА.

Муравей и Голубка.

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлебнула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидала—Муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на Голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Черепаха и Орелъ.

Черепаха просила Орла, чтобы научилъ ее летать. Орелъ не совѣтовалъ, потому что ей не пристало; а она пуще просила. Орелъ взялъ ее въ когти, поднялъ вверхъ и пустилъ: она упала на камни и разбилась.

Хорекъ.

Хорекъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпилокъ. Изъ языка пошла кровь, а Хорекъ радовался, лизалъ — думалъ, что изъ желѣза кровь идетъ, и погубилъ весь языкъ.

Левъ и Мышь.

Левъ спалъ. Мышь пробѣжала ему по тѣлу. Онъ проснулся и поймалъ ее. Мышь стала отмаливаться; она сказала: «Пустишь, и я тебя помилую». Левъ засмѣялся, что Мышь обѣщаетъ ему милости, и пустилъ ее.

Потомъ охотники поймали Льва и привязали веревкой къ дереву. Мышь услыхала львиный ревъ, прибѣжала, перегрызла веревку и сказала: «Помнишь, ты смѣялся — не думалъ, чтобы отъ меня пришла отплата, а теперь видишь — живетъ и отъ Мыши милость».

Л г у н ъ.

Мальчикъ стерегъ овецъ и, будто увидавъ волка, сталъ звать: «помогите—волкъ, волкъ». Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось—вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: «сюда, сюда, скорѣй—волкъ». Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманываетъ—не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ все стадо.

Оселъ и Лошадь.

У одного человѣка были Оселъ и Лошадь. Шли они по дорогѣ. Оселъ сказалъ Лошади: «мнѣ тяжело, не дотащу я всего; возьми съ меня хоть немного». Лошадь не послушалась. Оселъ упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ все съ Осла на Лошадь, да еще и шкуру ослиную, Лошадь и взвыла: «охъ, горе мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной. Не хотѣла я немножко ему подсобить—теперь вотъ все тащу, да еще и шкуру».

Галка и Голуби.

Галка увидала, что Голубей хорошо кормятъ, выбѣлилась и влетѣла въ голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили ее. Но галка забыла и закричала по-галочьи. Тогда ее Голуби стали клевать и прогнали. Галка полетѣла назадъ къ своимъ, но галки испугались, что она бѣлая и тоже прогнали.

Баба и Курица.

Одна Курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что, если больше давать корму, она вдвое будетъ нестись. Такъ и сдѣлала. Курица зажирѣла и перестала нестись.

Левъ, Медвѣдь и Лисица.

Левъ и Медвѣдь добыли мяса и стали за него драться. Медвѣдь не хотѣлъ уступить, и Левъ не уступалъ. Они такъ долго бились, что ослабѣли оба и легли. Лисица увидала промежъ ихъ мясо, подхватила его и убѣжала.

Собака, Пѣтухъ и Лисица.

Собака и Пѣтухъ пошли въ товарищахъ странствовать. Ввечеру Пѣтухъ уснулъ на деревѣ, а Собака пристроилась у того же дерева промежъ кореньевъ. Какъ пришло время, Пѣтухъ запѣлъ. Лисица услыхала Пѣтуха, прибѣжала и стала снизу просить, чтобы онъ сошелъ къ ней, будто ей хочется оказать почтеніе ему за то, что у него голосъ хорошъ. Пѣтухъ сказалъ: «надо прежде разбудить дворника—онъ спитъ промежъ кореньевъ. Пусть ото-

претъ, тогда я сойду». Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила Лисицу.

Лошадь и Конюхъ.

Конюхъ кралъ у Лошади овесъ и продавалъ, а Лошадь каждый день чистилъ. Лошадь и говоритъ: «если вправду хочешь, чтобъ я была хороша, овесъ мой не продавай».

Лягушка и Левъ.

Левъ услыхалъ — Лягушка громко квакаетъ, и подумалъ, что большой звѣрь такъ громко кричитъ. Онъ подождалъ немного, видитъ—вышла Лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: «глядѣть не на что, а я испугался».

Стрекоза и Муравьи.

Осенью у Муравьевъ подмокла пшеница, они ее сушили. Голодная Стрекоза попросила у нихъ кормv. Муравьи сказали: «что жъ ты лѣтомъ не собрала корму? Она сказала: «недосугъ было: пѣсни пѣла». Они засмѣялись и говорятъ: «если лѣтомъ играла, зимой пляши».

Курица и Золотыя яйца.

У одного хозяина Курица несла золотыя яйца. Ему захотѣлось сразу побольше золота, и онъ убилъ Курицу (онъ думалъ, что внутри ея большой комъ золота), а она была такая же, какъ и всѣ курицы.

Оселъ въ львиной шкурѣ.

Оселъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали—левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно Осла. Сбѣжался народъ; исколотили Осла.

Курица и Ласточка.

Курица нашла змѣиныя яйца и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

«То-то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ вырастутъ они тебя первую обидятъ».

Олень и Ланчукъ.

Ланчукъ [1]) сказалъ разъ Оленю:

«Батюшка, ты и больше, и рѣзвѣе собакъ, да еще и рога у тебя огромные на защиту; отчего ты такъ боишься собакъ?» Олень засмѣялся и говоритъ:

---

[1]) Молодой олень.

«Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужъ бѣгу».

Лисица и виноградъ.

Лисица увидала — висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать; чтобъ досаду заглушить, она говоритъ: «зелены еще».

Работницы и Пѣтухъ.

Хозяйка по ночамъ будила Работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось, и онѣ вздумали убить Пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и еще раньше стала поднимать Работницъ.

Рыбакъ и Рыбка.

Поймалъ Рыбакъ Рыбку, Рыбка и говоритъ:

«Рыбакъ, пусти меня въ воду: видишь, я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пусишь, да я выросту, тогда поймаешь— тебѣ пользы больше будетъ».

Рыбакъ и говоритъ:

«Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ».

Лисица и Козелъ.

Захотѣлось Козлу напиться; онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

«То-то безтолковый! Коли бы у тебя сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться».

Собака и ея тѣнь.

Собака шла по кладочкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несетъ,— она бросила свое мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

И осталась Собака ни при чемъ.

Журавль и Аистъ.

Мужикъ разставилъ на Журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались Журавли, съ Журавлями одинъ Аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

«Ты меня отпусти: я—не Журавль, а Аистъ; мы самыя почетныя птицы; я у твоего отца на дому живу. И по перу видно, что я не Журавль».

Мужикъ говоритъ:

«Съ Журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу».

Садовникъ и Сыновья.

Хотѣлъ Садовникъ Сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

«Вотъ, дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что тамъ спрятано».

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и, когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ винограднике такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше.

Волкъ и Журавль.

Подавился Волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ Журавля и сказалъ:

«Ну-ка, ты, Журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу».

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

«Давай же награду».

Волкъ заскрипѣлъ зубами да и говоритъ:

«Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?»

Зайцы и Лягушки.

Сошлись разъ Зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. Давайте утопимся!»

И поскакали Зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали Зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ Заяцъ и говоритъ:

«Стойте, ребята! подождемъ топиться: вотъ лягушечье житье, видно, еще хуже нашего: онѣ и насъ боятся».

Отецъ и Сыновья.

Отецъ приказывалъ Сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по пруту. Они поломали.

Отецъ и говоритъ:

«Такъ-то и вы: если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться да все врозь, васъ всякій легко погубитъ».

Лисица.

Попалась Лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть. Созвала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобъ отрубили хвосты. «Хвостъ, говоритъ, совсѣмъ некстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ». Одна лисица и говоритъ: «охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая».

Куцая Лисица смолчала и ушла.

Дикій и ручной Оселъ.

Дикій Оселъ увидалъ ручного Осла, подошелъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ, и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного Осла да какъ сзади сталъ погонщикъ погонять его дубиной; дикій Оселъ и говоритъ: «нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твое житье тебѣ сокомъ достается».

Олень.

Олень подошелъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: «только ноги мои плохи и жидки». Вдругъ выскачи левъ и бросься на Оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришелъ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать Оленю, онъ и говоритъ: «то-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ».

Собака и Волкъ.

Собака заснула за дворомъ. Голодный Волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть ее. Собака и говоритъ: «Волкъ! подожди меня ѣсть, — теперь я костлява, худа. А вотъ, дай срокъ, хозяева будутъ свадьбу играть, тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю—лучше тогда меня съѣсть». Волкъ повѣрилъ и ушелъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ—Собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: «что жъ, была свадьба?» А Собака говоритъ: «вотъ что, Волкъ: коли въ другой разъ застанешь меня сонную предъ дворомъ, не дожидайся больше свадьбы».

Комаръ и Левъ.

Комаръ прилетѣлъ ко Льву и говоритъ: «ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего?. Какъ бы не такъ! Какая въ тебѣ сила? Что царапаешь ногтями и грызешь зубами? — это и бабы такъ-то

съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!» И Комаръ затрубилъ и сталъ кусать Льва въ голыя щеки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь все лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: «сильнаго звѣря, Льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дрянного паука погибаю.

Лошадь и Хозяева.

У садовника была Лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобъ ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ Лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежняго стало работы. И опять стала Лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ Лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала Лошадь на кожевенномъ дворѣ конины шкуры, она и завыла: «охъ, горе мнѣ, бѣдной! лучше бы у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

Старикъ и Смерть.

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понесъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: «эхъ, хоть бы Смерть пришла!» Смерть пришла и говоритъ: «вотъ я, чего тебѣ надо?» Старикъ испугался и говоритъ: «мнѣ вязанку поднять».

Левъ и Лисица.

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростью жить: зашелъ онъ въ пещеру, легъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать, и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула дѣло, стала у входа въ пещеру и говоритъ: «что, Левъ, какъ можешь?»

Левъ говоритъ: «плохо; да ты отчего же не входишь?»

А Лисица говоритъ: «оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу,— входовъ много, а выходовъ нѣтъ».

Олень и Виноградникъ.

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, Олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: «не звѣрь ли тутъ подъ листьями?» — выстрѣлили и ранили Оленя. Олень и говоритъ умираючи: «подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня».

Котъ и Мыши.

Завелось въ одномъ домѣ много Мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить Мышей. Увидали Мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: «давайте, Мыши, не будемъ больше сходить съ потолка, а сюда къ намъ Коту не добраться!» Какъ перестали Мыши сходить внизъ, Котъ и задумалъ, какъ бы ихъ перехитрить. Уцѣпился онъ одною лапой за потолокъ, свѣсился и притворился мертвымъ. Одна Мышь выглянула на него, да и говоритъ: «нѣтъ, братъ, хоть мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду».

Волкъ и Коза.

Волкъ видитъ—Коза пасется на каменной горѣ и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: «пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе, и трава тебѣ для корма много слаще».

А Коза говоритъ: «не за тѣмъ ты, Волкъ, меня внизъ зовешь: ты не о моемъ, о а своемъ кормѣ хлопочешь».

Камышъ и Маслина.

Маслина и Камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышомъ зато, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря. Камышъ шатался, мотался, до земли сгибался — уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра и—сломалась.

Два товарища.

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, взлѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ. Дѣлать ему было нечего: онъ упалъ наземь и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и смѣется: «ну, что, говоритъ, медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ».

Волкъ и Ягненокъ.

Волкъ увидалъ—Ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось Волку съѣсть Ягненка и сталъ онъ къ нему придираться: «ты, говоритъ, мнѣ воду мутишь и пить не даешь».

Ягненокъ говоритъ: «ахъ, Волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ

пью». А Волкъ говоритъ: «ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣтомъ моего отца ругалъ?» Ягненокъ говоритъ: да я, Волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ». Волкъ разсердился и говоритъ: «тебя не переговоришь. Такъ я натощакъ, зато и съѣмъ тебя».

Левъ, Волкъ и Лисица.

Старый, больной Левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри провѣдывать царя, только Лисица не бывала. Вотъ Волкъ обрадовался случаю и сталъ предъ Львомъ оговаривать Лисицу.

«Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ: ни разу не зашла царя провѣдать».

На эти слова и прибѣги Лисица. Она услыхала, что Волкъ говорилъ, и думаетъ: «погоди жъ, Волкъ, я тебѣ вымещу».

Вотъ Левъ зарычалъ на Лисицу, а она говоритъ: «не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосугъ было. А недосугъ было оттого, что по всему свѣту бѣгала, у лѣкарей для тебя лѣкарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибѣжала».

Левъ и говоритъ:

«Какое лѣкарство?»

«А вотъ какое: если живого Волка обдерешь да шкуру его тепленькую надѣнешь...»

Какъ растянулъ Левъ Волка, Лисица засмѣялась и говоритъ:

«Такъ-то, братъ: господъ не на зло, а на добро наводить надо».

Левъ, Оселъ и Лисица.

Левъ, Оселъ и Лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и Левъ велѣлъ Ослу дѣлить. Оселъ раздѣлилъ поровну на три части и говоритъ: «ну, теперь берите!» Левъ разсердился, съѣлъ Осла и велѣлъ Лисицѣ передѣлить. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: «ну, умница! Кто жъ тебя научилъ такъ хорошо дѣлить?»

Она говоритъ: «а съ Осломъ-то что было?»

Мужикъ и Водяной.

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку, съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхалъ, пожалѣлъ Мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ говоритъ: «нѣтъ, не мой».

Водяной вынесъ другой—серебряный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ: «не мой топоръ».

Тогда водяной вынесъ настоящій.

Мужикъ говоритъ: «вотъ это мой топоръ».

Водяной подарилъ Мужику всѣ три топора за его правду

Дома Мужикъ показалъ товарищамъ топоры и разсказалъ, что̀ съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ обрадовался и закричалъ: «мой, мой!»

Водяной не далъ ему золотого топора и его собственнаго назадъ не отдалъ—за его неправду.

Воронъ и Лисица.

Воронъ добылъ мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось Лисицѣ мясца. Она подошла и говоритъ:

«Эхъ, Воронъ, какъ посмотрю на тебя, по твоему росту да красотѣ только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бъ у тебя голосъ былъ».

Воронъ разинулъ ротъ и заоралъ, что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила его и говоритъ:

«Ахъ, Воронъ, коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ».

б) БАСНИ, ПЕРЕДѢЛАННЫЯ СЪ ИНДІЙСКАГО, И ПОДРАЖАНІЯ.

Голова и Хвостъ змѣи.

Змѣиный Хвостъ заспорилъ съ Змѣиной Головой о томъ, кому ходить впереди. Голова сказала: «ты не можешь ходить передомъ — у тебя нѣтъ глазъ и ушей». Хвостъ сказалъ: «а зато во мнѣ сила: я тебя двигаю; если захочу, да обернусь вокругъ дерева, ты съ мѣста не тронешься». Голова сказала: «разойдемся!»

И Хвостъ оторвался отъ Головы и поползъ впередъ. Но только что онъ отползъ отъ Головы, попалъ въ трещину и провалился.

Тонкія нитки.

Одинъ человѣкъ заказалъ пряхѣ тонкія нитки. Пряха спряла тонкія нитки, но человѣкъ сказалъ, что нитки не хороши и что ему нужны нитки самыя тонкія. Пряха сказала: «если тебѣ эти не тонки, такъ вотъ тебѣ другія», и она показала на пустое мѣсто. Онъ сказалъ, что не видитъ. Пряха сказала: «оттого и не видишь, что онѣ очень тонки; я и сама не вижу».

Дуракъ обрадовался и заказалъ себѣ еще такихъ нитокъ, а за эти заплатилъ деньги.

Дѣлежъ наслѣдства.

У одного отца было два сына. Онъ сказалъ имъ: «умру, раздѣлите все пополамъ». Когда отецъ умеръ, сыновья не могли раздѣлиться безъ спора. Они пошли судиться къ сосѣду. Сосѣдъ спросилъ, какъ отецъ велѣлъ имъ дѣлиться. Они сказали: «онъ велѣлъ дѣлить все пополамъ». Сосѣдъ сказалъ: «такъ разорвите пополамъ всѣ платья, разбейте пополамъ всю посуду и пополамъ разрѣжьте всю скотину». Братья послушали сосѣда, и у нихъ ничего не осталось.

Обезьяна.

Одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ, срубилъ дерево и сталъ распиливать. Онъ поднялъ конецъ дерева на пень, сѣлъ верхомъ и сталъ пилить. Потомъ онъ забилъ клинъ въ распиленное мѣсто и сталъ пилить дальше, потомъ вынулъ клинъ и переложилъ еще дальше.

Обезьяна сидѣла на деревѣ и смотрѣла. Когда человѣкъ легъ спать, Обезьяна сѣла верхомъ на дерево и хотѣла то же дѣлать; но когда она вынула клинъ, дерево сжалось и прищемило ей хвостъ. Она стала рваться и кричать. Человѣкъ проснулся, прибилъ Обезьяну и привязалъ на веревку.

Обезьяна и горохъ.

Обезьяна несла двѣ полныя горсти гороху. Выскочила одна горошинка. Обезьяна хотѣла поднять и просыпала двадцать горошинокъ. Она бросилась поднимать и просыпала всѣ. Тогда она разсердилась, разметала весь горохъ и убѣжала.

Дойная Корова.

У одного человѣка была Корова; она давала каждый день горшокъ молока. Человѣкъ позвалъ гостей. Чтобы набрать больше молока, онъ десять дней не доилъ Коровы. Онъ думалъ, что на десятый день Корова дастъ ему десять кувшиновъ молока.

Но въ Коровѣ перегорѣло молоко, и она дала меньше молока, чѣмъ прежде.

Утка и Мѣсяцъ.

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивая рыбу, и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобы поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ Утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужъ не ловила ея, и умерла съ голода.

Волкъ въ пыли.

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашелъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

«Напрасно ты, Волкъ, въ пыли ходишь: глаза заболятъ».

А Волкъ говоритъ:

«То-то и горе, собаченька, что у меня ужъ давно глаза болятъ, а говорятъ, отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ».

Мышь подъ амбаромъ.

Жила одна Мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житье было хорошее, но она захотѣла похвастать своимъ житьемъ. Прогрызла больше дыру и назвала другихъ мышей.

«Идите, — говоритъ, — ко мнѣ гулять, корму на всѣхъ достанетъ». Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ ее.

Самыя лучшія груши.

Одинъ баринъ послалъ слугу купить самыхъ вкусныхъ грушъ. Слуга пришелъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

«Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ».

Купецъ сказалъ:

«Отвѣдай одну: ты увидишь, что онѣ вкусны».

«Какъ я узнаю, — сказалъ слуга, — что онѣ всѣ вкусны, если отвѣдаю только одну?»

Онъ откусилъ понемногу отъ каждой груши и принесъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

Соколъ и Пѣтухъ.

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; Пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ Пѣтуху:

«Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности: видна холопская порода. Вы только когда голодны идете къ хозяевамъ. То ли дѣло мы, дикая птица: въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ, а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами еще ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ».

Пѣтухъ и говоритъ:

«Вы не бѣгаете отъ людей оттого, что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то и дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ».

Шакалы и Слонъ.

Шакалы поѣли всю падаль въ лѣсу и имъ нечего стало ѣсть. Вотъ старый Шакалъ и придумалъ, какъ имъ прокормиться. Пошелъ онъ къ Слону и говоритъ:

«Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить; хотимъ мы другого царя выбрать, — и послалъ меня нашъ народъ просить тебя въ цари. У насъ житье хорошее, — что̀ велишь, все то будемъ дѣлать и почитать тебя во всемъ будемъ. Пойдемъ въ наше царство».

Слонъ согласился и пошелъ за Шакаломъ. Шакалъ привелъ его въ болото. Когда Слонъ завязъ, Шакалъ и говоритъ:

«Теперь приказывай: что̀ велишь, то и будемъ дѣлать».

Слонъ сказалъ:

«Я приказываю вытащить меня отсюда».

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ:

«Хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,—сейчасъ вытащу».

Слонъ говоритъ:

«Развѣ можно меня хвостомъ вытащить?»

А Шакалъ и говоритъ:

«Такъ зачѣмъ же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы перваго царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать».

Когда Слонъ издохъ въ болотѣ, Шакалы пришли и съѣли его.

Цапля, Рыбы и Ракъ.

Жила Цапля у пруда и состарилась; не стало ужъ въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ Рыбамъ: «А вы, Рыбы, и не знаете, что на васъ бѣда собирается; слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ, за горой, хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать». Рыбы стали просить Цаплю, чтобы помогла.

Цапля и говоритъ:

«Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ, только вдругъ не могу, а поодиночкѣ».

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: «меня отнеси, меня отнеси!»

И принялась Цапля носить ихъ: возьметъ, вынесетъ въ поле да и съѣстъ. И переѣла она такъ много Рыбъ.

Жилъ въ пруду старый Ракъ. Какъ стала Цапля выносить Рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

«Ну, теперь, Цапля и меня снеси на новоселье».

Цапля взяла Рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбросить Рака. Но Ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами Цаплю за шею и удавилъ ее, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ Рыбамъ.

Водяной и жемчужина.

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ-устали.

На четвертый день вышелъ изъ моря Водяной и спросилъ:

«Зачѣмъ ты черпаешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ».

Водяной спросилъ:

«А скоро ли ты перестанешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Когда высушу море, тогда перестану».

Тогда Водяной вернулся въ море, принесъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

Слѣпой и молоко.

Одинъ слѣпой отроду спросилъ зрячаго:

«Какого цвѣта молоко?»

Зрячій сказалъ: «цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая».

Слѣпой спросилъ: «а что, этотъ цвѣтъ такъ же шуршитъ подъ руками, какъ бумага?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая».

Слѣпой спросилъ: «а что, онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ-бѣлякъ».

Слѣпой спросилъ: «что же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно, какъ снѣгъ».

Слѣпой спросилъ: «что же, онъ холодный, какъ снѣгъ?»

И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, Слѣпой не могъ понять, какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

Волкъ и лукъ

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошелъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понесъ ее. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, споролъ его до-смерти, да и самъ тутъ же издохъ. Волкъ почуялъ кровь и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человѣкъ и его лукъ. Волкъ обрадовался и подумалъ: «теперь я буду долго сытъ; только я не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ, что пожестче, а потомъ закушу тѣмъ, что помягче и послаще».

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человѣка и сказалъ: «это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ, а прежде дай съѣмъ эти жилы

на лукѣ». И онъ сталъ грызть жилы на лукѣ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ Волка по брюху. Волкъ тутъ же издохъ, а другіе волки съѣли и человѣка, и козу, и кабана, и волка.

Птицы въ сѣти.

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли съ нею. Охотникъ побѣжалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: «и куда бѣжишь? Развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?» Охотникъ сказалъ: «кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню».

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришелъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ, — каждая въ свою сторону: одна — къ лѣсу, другая — къ болоту, третья—въ поле, и всѣ съ сѣтью упали на землю, и охотникъ взялъ ихъ.

Царь и Соколъ.

Одинъ Царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго Сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ Царь нашелъ воду. Только она по каплѣ капала. Вотъ Царь досталъ чашу съ сѣдла и подставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, Царь поднялъ ее ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ Соколъ встрепенулся на рукѣ у Царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять подставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберется вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить ее ко рту, Соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ Царь набралъ полную чашу и сталъ подносить ее къ губамъ, Соколъ опять разлилъ ее. Царь разсердился и, со всего размаху ударивъ Сокола о камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и скорѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принесъ воды: онъ вернулся съ пустою чашкой и сказалъ: «ту воду нельзя пить: въ родникѣ змѣя и она выпустила свой ядъ въ воду. Хорошо, что Соколъ разлилъ воду. Если бы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ».

Царь сказалъ: «Дурно же я отплатилъ соколу: онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его».

Царь и Слоны.

Одинъ индійскій Царь велѣлъ собрать всѣхъ слѣпыхъ и, когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ Слоновъ. Слѣпые пошли на конюшню и стали щупать Слоновъ. Одинъ ощупалъ ногу, другой—хвостъ, третій—рѣпицу [1]), четвертый—брюхо,

---

[1]) Рѣпица—та часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо.

пятый—спину, шестой—уши, седьмой — клыки, восьмой—хоботъ. Потомъ Царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: «каковы мои Слоны?» Одинъ слѣпой сказалъ: Слоны твои похожи на столбы,— этотъ слѣпой щупалъ ноги; другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣники, — этотъ щупалъ хвостъ; третій сказалъ: они похожи на сучья,—этотъ щупалъ рѣпицу; тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: Слоны похожи на кучу земли; тотъ что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на бугоръ; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ: они похожи на толстую веревку.

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

Отчего зло на свѣтѣ.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собой и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать—отчего зло бываетъ на свѣтѣ.

Воронъ сказалъ: «зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь вволю, сядешь себѣ на сукъ, покаркиваешь—все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто и нѣтъ тебѣ покою. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается—такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ-за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «а по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы жили мы по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живемъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ тебѣ покоя— все о ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ пропадешь, — все думаешь, какъ бы ястребъ не унесъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду—либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы,—намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься, тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь,

только шипишь да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Ужъ никого не жалѣешь, отца и мать закусаешь. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «нѣтъ, не отъ злости, и не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большого уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрустни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочетъ, и летишь, что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепещется или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь—звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки, набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и съ размаху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, все слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Тогда пустынникъ сказалъ:

«Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья, а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ».

Волкъ и Охотники.

Волкъ съѣлъ овцу; Охотники поймали Волка и стали его бить. Волкъ сказалъ: «напрасно вы меня бьете: я не виноватъ, что сѣръ,—меня такимъ Богъ сдѣлалъ». А Охотники сказали: «не за то бьютъ Волка, что сѣръ, а за то, что овцу съѣлъ».

Два Мужика.

Одинъ разъ два Мужика ѣхали навстрѣчу и зацѣпились санями. Одинъ кричитъ: «посторонись, — мнѣ скорѣе въ городъ надо!» А другой говоритъ: «ты посторонись,—мнѣ скорѣе домой надо». Они долго спорили. Третій мужикъ увидалъ и сказалъ: «если вамъ скоро надо, такъ осадите назадъ».

Мужикъ и Лошадь.

Поѣхалъ Мужикъ въ городъ за овсомъ для Лошади. Только что выѣхалъ изъ деревни, Лошадь стала заворачивать назадъ къ дому. Мужикъ ударилъ Лошадь кнутомъ. Она пошла и думаетъ про Мужика: «куда онъ, дуракъ, меня гонитъ; лучше бы домой». Не доѣзжая до города, Мужикъ видитъ, что Лошади тяжело по грязи: своротилъ на мостовую, а Лошадь воротитъ прочь отъ мостовой. Мужикъ ударилъ кнутомъ и дернулъ Лошадь; она пошла на мостовую и думаетъ: «зачѣмъ онъ меня повернулъ на мостовую, только копыта обломаешь. Тутъ подъ ногами жестко».

Мужикъ подъѣхалъ къ лавкѣ, купилъ овса и поѣхалъ домой. Когда пріѣхалъ домой, далъ Лошади овса. Лошадь стала ѣсть и думаетъ: «какіе люди глупые! только любятъ надъ нами умничать, а ума у нихъ меньше нашего. О чемъ онъ хлопоталъ? Куда-то ѣздилъ и гонялъ меня. Сколько мы ни ѣздили, а вернулись же домой. Лучше бы съ самаго начала оставаться намъ съ нимъ дома: онъ бы сидѣлъ на печи, а я бы ѣла овесъ».

Двѣ Лошади.

Двѣ лошади везли два воза. Передняя Лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю Лошадь стали перекладывать съ задняго воза: когда все переложили, задняя пошла налегкѣ и сказала передней:

«Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить».

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ:

«Что мнѣ двухъ Лошадей кормить, а на одной возить? Лучше одной дамъ вволю корма, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму».

Такъ и сдѣлалъ.

Топоръ и пила.

Пошли два мужика въ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другого—пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить. Одинъ говоритъ: надо дерево срубить, а другой говоритъ: надо спилить.

Третій мужикъ и говоритъ: «я сейчасъ помирю васъ: если топоръ востеръ, то лучше рубить, а если пила еще вострѣе, то лучше пилить». Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу: пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: «вы подождите спорить: топоръ не рубитъ, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ ужъ спорьте». Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ неточеный топоръ, а у другого пила тупая, и они стали драться.

Собака и Поваръ.

Поваръ готовилъ обѣдъ; Собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ теленка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: «Поваръ хорошій: хорошо стряпаетъ».

Немного погодя, Поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорятъ: «испортился нашъ Поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь никуда не годится».

Но Поваръ не слушался собакъ, а стряпалъ обѣдъ по-своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не Собаки.

Заяцъ и Гончая Собака.

Заяцъ сказалъ разъ Гончей Собакѣ: «для чего ты лаешь, когда гоняешься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ, и онъ забѣгаетъ съ ружьемъ намъ навстрѣчу, убиваетъ насъ и ничего не даетъ тебѣ».

Собака сказала: «я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запахъ, то и сержусь, и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая».

Дубъ и Орѣшникъ.

Старый Дубъ уронилъ съ себя желудь подъ кустъ Орѣшника. Орѣшникъ сказалъ Дубу: «развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты бы ронялъ свои желуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю наземь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ».

«Я живу 200 лѣтъ,—сказалъ на это Дубъ,—и дубокъ изъ этого желудя проживетъ столько же».

Тогда Орѣшникъ разсердился и сказалъ: «такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ трехъ дней». Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ желудя.

Желудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся кверху и сталъ сильнѣе въ тѣни Орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ желудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

Насѣдка и Цыплята.

Насѣдка вывела цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: «полѣзайте опять въ скорлупу; когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ». Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помяли себѣ крылья. Тогда одинъ Цыпленокъ сказалъ матери:

«Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты бы лучше не выводила насъ».

Дергачъ и его Самка.

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо, и въ покосъ еще Самка сидѣла на яйцахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотрѣть, что дѣлаютъ косцы. Когда онъ увидалъ, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю, онъ обрадовался, прилетѣлъ къ Дергачихѣ и сказалъ: «не бойся мужиковъ: они пришли рѣзать

змѣй; намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ». А Дергачиха сказала: «мужики рѣжутъ траву, а съ травой рѣжутъ все, что ни попадется: и змѣю, и дергачиное гнѣздо, и дергачиную голову. Не добро чуетъ мое сердце, а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобы не остудить ихъ».

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ Дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть.

Корова и Козелъ.

У старухи были Корова и Козелъ. Корова и Козелъ вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала Коровѣ и приговаривала: «да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечеръ Козелъ впередъ Коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ, но Козелъ стоялъ, не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба Коровѣ, чтобы стояла смирно. Старуха видитъ, что Козелъ не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда Козелъ отошелъ, старуха опять стала кормить Корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

«Нѣтъ въ людяхъ правды!—подумалъ Козелъ:—я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили».

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

Лисій хвостъ.

Человѣкъ поймалъ Лисицу и спросилъ ее: «кто научилъ лисицъ обманывать хвостомъ собакъ?» Лисица спросила: «какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ что есть силы». Человѣкъ сказалъ: «нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить, вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ, а вы тогда бѣжите въ противную сторону». Лисица засмѣялась и сказала: «мы дѣлаемъ это не для того, чтобы обманывать собакъ, а дѣлаемъ это только для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ насъ и мы видимъ, что не можемъ уйти прямо,—мы поворачиваемъ въ сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ въ одну сторону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую—такъ, какъ вы это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу поворотиться. Это не наша выдумка; это придумалъ самъ Богъ еще тогда, когда Онъ сотворялъ насъ, для того, чтобы собаки не могли переловить всѣхъ лисицъ.

II. Разсказы для дѣтей.

Волкъ.

Былъ одинъ мальчикъ. И онъ очень любилъ ѣсть цыплятъ и очень боялся волковъ.

И одинъ разъ этотъ мальчикъ легъ спать и заснулъ. И во снѣ онъ увидалъ, что идетъ одинъ по лѣсу за грибами, и вдругъ изъ куста выскочилъ волкъ и бросился на мальчика.

Мальчикъ испугался и закричалъ: «ай, ай, онъ меня съѣстъ!»

Волкъ говоритъ: «постой, я тебя не съѣмъ, а я съ тобой поговорю».

И сталъ волкъ говорить человѣчьимъ голосомъ.

И говоритъ волкъ:—Ты боишься, что я тебя съѣмъ. А самъ ты что же дѣлаешь? Ты любишь цыплятъ?

— Люблю.

— А зачѣмъ же ты ихъ ѣшь? Вѣдь они, эти цыплята, такіе же живые, какъ и ты. Каждое утро пойди посмотри, какъ ихъ ловятъ, какъ поваръ несетъ ихъ на кухню, какъ перерѣзаетъ имъ горло, какъ ихъ матка кудахчетъ о томъ, что цыплятъ у нея берутъ. Видѣлъ ты это?—говоритъ волкъ.

Мальчикъ говоритъ:—Я не видѣлъ.

— А не видѣлъ, такъ ты посмотри. А вотъ теперь я тебя съѣмъ. Ты такой же цыпленочекъ,—я тебя и съѣмъ.

И волкъ бросился на мальчика, и мальчикъ испугался и закричалъ: «ай, ай, ай!» Закричалъ и проснулся.

И съ тѣхъ поръ мальчикъ пересталъ ѣсть мясо,—не сталъ ѣсть ни говядины, ни баранины, ни куръ.

Подкидышъ.

У бѣдной женщины была дочь Маша. Маша утромъ пошла за водой и увидала, что у двери лежитъ что-то завернутое въ тряпки. Маша поставила ведра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, изъ нихъ закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидала, что это былъ маленькій красный ребеночекъ. Онъ громко кричалъ: уа! уа! Маша взяла его въ руки и понесла въ домъ, стала съ ложки поить молокомъ. Мать сказала: «что ты принесла?» Маша сказала: «ребеночка, я нашла у нашей двери». Мать сказала: «мы и такъ бѣдны, гдѣ намъ кормить еще ребенка; я пойду къ начальнику, и скажу, чтобы его взяли». Маша заплакала и сказала: «матушка, онъ не много будетъ ѣсть, оставь его. Посмотри, какіе у него красненькіе сморщенные ручки и пальчики». Мать

посмотрѣла: ей стало жалко. Она оставила ребеночка. Маша кормила и пеленала ребеночка и пѣла ему пѣсни, когда онъ ложился спать.

Мужикъ и огурцы.

Пошелъ разъ мужикъ къ огороднику огурцы воровать. Подползъ онъ къ огурцамъ и думаетъ: «вотъ, дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ; на эти деньги курочку куплю. Нанесетъ мнѣ курица яицъ, сядетъ насѣдочкой, выведетъ много цыплятъ. Выкормлю я цыплятъ, продамъ, куплю поросеночка — свинку; напоситъ мнѣ свинка поросятъ. Продамъ поросятъ, куплю кобылку; ожеребитъ мнѣ кобылка жеребятъ. Выкормлю жеребятъ, продамъ; куплю домъ и заведу огородъ. Заведу огородъ, насажу огурцовъ, воровать не дамъ—караулъ буду крѣпкій держать. Найму караульщиковъ, посажу на огурцы, а самъ такъ-то подойду, сторонкой, да крикну: «ей, вы, караульте крѣпче!» Какъ закричитъ во всю глотку. Караульщики услыхали, выскочили, избили мужика.

П о ж а р ъ.

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее садились мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула. Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла[1]). Маша принесла уголья, положила подъ снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла въ избу и привела за руку брата Кирюшку (ему было полтора года, и онъ только что выучился ходить), и сказала: «глянь, Килюска, какую я печку вздула». Снопы уже горѣли и трещали. Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ въ избу. Кирюшка упалъ на порогѣ, расшибъ носъ и заплакалъ; Маша втащила его въ избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старшій мальчикъ, Ваня (ему было восемь лѣтъ), былъ на улицѣ. Когда онъ увидалъ, что изъ сѣней валитъ дымъ, онъ вбѣжалъ въ дверь, сквозь дымъ проскочилъ въ избу и сталъ будить бабушку; но бабушка спросонокъ ошалѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворамъ за народомъ. Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала, только маленькій мальчикъ кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услыхалъ его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ: «бѣги, сгоришь!» Маша побѣжала въ сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжелъ

---

[1]) Соломенные жгуты, чтобы вязать снопы.

и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дотащилъ его къ окну; дверь въ избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ мальчикову голову въ окно и хотѣлъ протолкнуть его; но мальчикъ (онъ очень испугался) ухватился ручонками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ Машѣ: «тащи его за голову!» а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его въ окно на улицу.

Старая лошадь.

У насъ былъ старый старикъ, Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлепалъ губами, и нельзя было понять, что онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата, и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ; ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: «ну, теперь проскачи!»

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ-подъ горы. Онъ еще хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да еще и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ-подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота.

Когда пришелъ мой чередъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а только трусилъ и заворачивалъ все назадъ. Я злился на лошадь, изо всѣхъ силъ билъ ее хлыстомъ и ногами. Я старался бить ее въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ все не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

— Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить!

Я обидѣлся и сказалъ:

— Какъ же, я совсѣмъ не ѣздилъ! Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу. Дай, пожалуйста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ: что его разжигать? Вѣдь ему 20 лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышитъ, да и стара. Вѣдь она такая старая, все равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича, да такъ-то черезъ силу погоняли бы его хлыстомъ—что же, вамъ не жалко бы было?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади, и когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенія за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучатъ лошадей.

Какъ я выучился ѣздить верхомъ.

Когда я былъ маленькій, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: «надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ». Я былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: «а мнѣ можно учиться?» Батюшка сказалъ: «ты упадешь». Я сталъ просить его, чтобы меня тоже учили, и чуть не заплакалъ. Батюшка сказалъ: «ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадешь. Кто ни разу не упадетъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить».

Когда пришла среда, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было не совсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей и лошади стучатъ копытами о деревянныя стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: «вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ». Берейторъ сказалъ: «хорошо».

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «этотъ малъ очень». А дядька сказалъ: «онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадетъ». Берейторъ засмѣялся и ушелъ.

Потомъ привели трехъ осѣдланныхъ лошадей, мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду[1]), а братья ѣздили кругомъ него. Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Ее звали

[1]) Корда—веревка, для того, чтобы по кругу гонять лошадей.

Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «ну, кавалеръ, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобы никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногой въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ, Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: «не тяжелъ баринъ—фунта два, больше не будетъ».

Онъ сначала держалъ меня за руку, но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ: «а не боитесь?» Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончикъ все поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: «ну, смотрите же, не падайте!» и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое, и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: «ну что, утвердились?» Я ему сказалъ: «утвердился». «Ну, теперь рысцой!» и берейторъ защелкалъ языкомъ.

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я все молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: «ай да кавалеръ, хорошо!» я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошелъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобы онъ остановилъ, но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ со своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: «молодецъ кавалеръ». Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: «вотъ-те на! свалился кавалеръ мой», и подошелъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: «дѣтское тѣло мягкое». А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобъ меня опять посадили, и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ.

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо и ничего не боялся.

Лозина.

На Святой мужикъ пошелъ посмотрѣть, оттаяла ли земля.

Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошелъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: «дай обсажу огородъ лозиной; вырастетъ — защита будетъ!» Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ

лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу, подъ землей, выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями,—замерли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялось. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и двѣ только остались. На третью весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала укореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчелы гудьмя-гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной, а ребята лазили на нее и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она все росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина все росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребенка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина все росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили ее—она все росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и все росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить ее на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а все росла, и все каждый годъ прилетали пчелы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ взлѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они все въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; все нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на нее и закричалъ: «что, издохла старая кочерга? Давно пора было».

Булька.

У меня была мордашка. Ее звали Булька. Она была вся черная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые. У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Бульки нижняя челюсть такъ выдавалась впередъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька была смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ, бывало, уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя, и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ піявка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на немъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его и ушелъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то черное и блестящее. Это былъ Булька въ своемъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глоталъ слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ раму и выскочилъ изъ окна и прямо по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ и проскакалъ такъ верстъ 20 въ самый жаръ.

Булька и кабанъ.

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибѣжалъ со мной. Только что гончія погнали, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи тогда бываютъ очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограда, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновника. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ, кабаны отъѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подъ собаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ, и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ, или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то онѣ лаютъ какъ на человѣка и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Ужъ я былъ близко отъ кабана, мнѣ ужъ слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по лаю, что онѣ не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ—зашуршало что-то сзади, и увидалъ Бульку. Онъ, видно, потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и такъ же, какъ я, что было духу катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку по высокой травѣ, и мнѣ отъ

него видна только была его черная голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ. Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ черезъ чащу къ тому мѣсту. Въ самой глухой чащѣ я увидалъ пеструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трехъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно завизжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую; гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ виденъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ. Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ; я по чащѣ ломился за ними. Вдругъ почти у себя подъ ногами я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Булька. Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хватали его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня, онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ почти въ упоръ, такъ что щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ захрипѣлъ, пошатался и всею тушею тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошелъ, кабанъ уже былъ мертвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подергивало. Но собаки, ощетинившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другія локали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошелъ его искать. Онъ ползъ мнѣ навстрѣчу и стоналъ. Я подошелъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоротъ животъ, и цѣлый комокъ кишекъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булькѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ все лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобы вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть и выздоровѣлъ.

Фазаны.

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что они тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *съ кобылкой, съ подсаду* и *изъ-подъ собаки*. Съ кобылкой вотъ

какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ серединѣ рамки сдѣлаютъ перекладину, а въ парусинѣ сдѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этою кобылкой и съ ружьемъ на зарѣ выходятъ въ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собой и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зорямъ кормятся на полянкахъ. Иногда цѣлый выводокъ — насѣдка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не видятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружье въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору.

Съ подсаду охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собачонку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдетъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ взлетитъ на дерево, и тогда собачонка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, если бы фазанъ садился на дерево на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ бы прямо на деревѣ, такъ что его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густыя деревья, въ чащѣ, и какъ завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсмотрѣть его. Когда собака одна лаетъ на фазана, онъ не боится ея: сидитъ на сучкѣ и еще пѣтушится на нее и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а непривычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на свое лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьемъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ-подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ легавую собаку и ходятъ за ней по лѣсу. Собака чутьемъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдетъ послѣдній слѣдъ, выходъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдетъ до того мѣста, гдѣ днемъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она подойдетъ близко, тогда ей будетъ казаться, что фазанъ ужъ тутъ прямо передъ ней, и она все будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдетъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ и охотникъ стрѣляетъ.

Мильтонъ и Булька.

Я завелъ себѣ для фазановъ легавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ; она была высокая, худая, крапчатая по сѣрому, съ длинными брылами и ушами и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ, бывало, только покажетъ свои зубы, и собаки поджи-

мають хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошелъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ прогнать его, но никакъ не могъ. А идти домой, чтобъ отвести его, было далеко. Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошелъ дальше; но только что Мильтонъ почуялъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился впередъ и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана. Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутье у него плохое, и онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шелъ Мильтонъ. Только что Мильтонъ тронется по слѣду, Булька забѣжитъ впередъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался впередъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему впередъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ, повернетъ въ другую сторону и притворится, что онъ ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня, махнетъ хвостомъ и пойдетъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ впередъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведетъ меня прямо, такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣла.

Черепаха.

Одинъ разъ я пошелъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ, искать вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принюхиваться. Я приготовилъ ружье и пошелъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошелъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шелъ за нимъ и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидалъ то, что̀ онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая, темно-сѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута, какъ пестикъ; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ ее и сталъ грызть; но не могъ прокусить ее, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ, только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнялъ черепаху у Мильтона и разсмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина и какая скорлупа и какъ она туда прячется. Когда держишь ее въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то черное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошелъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ ее оставить, а несъ въ зубахъ за мной. Вдругъ Мильтонъ

взвизгнулъ и пустилъ ее. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на нее за это, что сталъ лаять и опять схватилъ ее и понесъ за мной. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнялъ у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землей.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей онѣ выводятъ яйцами и яйца кладутъ на землѣ, и не высиживаютъ ихъ, а яйца сами, какъ рыбья икра, лопаются—и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладетъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи, — это ея ребра. Только у людей и у другихъ животныхъ ребра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи ребра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ ребра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи ребра сверху, а мясо подъ ними.

Булька и Волкъ.

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда еще тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришелъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы предъ моею хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услыхали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросенокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: «это волкъ душитъ поросенка!»

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружье и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросенокъ, и кричали мнѣ: «сюда!» Мильтонъ бросился за мной,—вѣрно, думалъ, что я на охоту иду съ ружьемъ; а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велятъ вцѣпиться... Когда я подбѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора прямо ко мнѣ бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ подбѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отстранился отъ него и приготовилъ ружье. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружье сдѣлало «чикъ» и не выстрѣлило. Волкъ не остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ, не могъ поспѣть. Мы бѣжали что было силы за волкомъ, но и волкъ и собаки скрылись у насъ изъ виду. Только у канавы на

углу станицы мы услыхали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными лицами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой,— онъ, видно, хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на головѣ была маленькая рана. Онъ, видно, догналъ волка предъ канавой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговаривали о томъ, что случилось. Я досадовалъ на то, что ружье мое осѣклось, и все думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остался волкъ, если бъ оно выстрѣлило. Пріятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, а что это была вѣдьма и что она заколдовала мое ружье. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидали на серединѣ улицы предъ нами опять того же волка; но въ этотъ разъ онъ отъ нашего крика такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма, а я подумалъ, что не бѣшеный ли это былъ волкъ, потому что я никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы волкъ, послѣ того какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булькѣ на рану пороху и зажегъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану за тѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюну, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если же попала слюна и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что по крови она разойдется по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылѣчить.

Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ.

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ и тамъ пробылъ два мѣсяца. Мильтона я подарилъ казаку-охотнику, а Бульку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется оттого, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-тау. А бешъ по-татарски значитъ пять, тау — гора. Изъ этой горы течетъ горячая сѣрная вода. Вода эта горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идетъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ, какъ надъ самоваромъ. Все мѣсто, гдѣ стоитъ городъ, очень веселое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течетъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдалекѣ всегда видны большія Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лѣчиться, и

надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка, и народъ пьетъ воду или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ, и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчелы—не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчелы тамъ такъ смирны, что я всегда по утрамъ съ Булькой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчелъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и онѣ его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофе въ палисадникѣ. Булька сталъ чесать себѣ за ушами и гремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчелъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя, я услыхалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и подходилъ все ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкую голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ, какъ ему надо было, и смирно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услыхалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что̀ это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотрѣть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ: «что это такое?» Она сказала: «это колодники изъ острога ходятъ, собакъ бьютъ. Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу».

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадется?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники ужъ подошли къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Предъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собачонку, притянулъ ее на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить ее дубиной. Собачонка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собачонку, и когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючокъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли еще собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника, и закричалъ: «Булька, назадъ!» и кричалъ колодникамъ, чтобъ они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ Бульку и зацѣпилъ его за ляжку. Булька бросился прочь, но колодникъ тянулъ къ себѣ и кричалъ другому: «бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляжкѣ, и

онъ, поджавъ хвостъ, съ красною раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ, и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючокъ.

Конецъ Бульки и Мильтона.

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и то же время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Вмѣсто того, чтобы брать его съ собой только на птицу, онъ сталъ водить его за кабанами. И въ ту же осень сѣкачъ [1]) кабанъ распоролъ его. Никто не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ. Булька тоже не долго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать все, что̀ ему попадалось; онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ, какъ прежде, когда ласкался. Онъ лизалъ долго и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слыхалъ про него.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ, а случилось это съ нимъ шесть недѣль послѣ того, какъ его укусилъ волкъ. Стало-быть, волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушелъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что называется поохотничьи стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшенаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судороги. Бѣшеныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судороги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно, у Бульки начинались эти судороги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку стола.

Я ѣздилъ вездѣ по округѣ и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ издохъ. Если бъ онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшеныя собаки, то я бы услыхалъ про него. А вѣрно, онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умною собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, вываливается по росамъ и сама лѣчится. Видно, Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

Русакъ.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ, потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыг-

---

[1]) Сѣкачъ—двухгодовалый кабанъ съ острымъ, не загнутымъ клыкомъ.

нулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади и скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изо ртовъ и носовъ ихъ шелъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошелъ къ гумну. Собачонка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца задержали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошелъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошелъ дальше. На деревнѣ было все тихо, огни были потушены, только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ да трескъ мороза въ бревнахъ избъ. Заяцъ прошелъ на гумно и тамъ нашелъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на овинъ и черезъ плетень пошелъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и еще гуще морозный паръ поднимался надъ землей. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой, мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ, и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошелъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксеновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Съ молоду Аксеновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксеновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксеновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксеновъ засмѣялся:

— Ну, это къ прибыли. Смотри, какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксеновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, взбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, расчелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши верстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксенову и спрашиваетъ: «кто? откуда?» Аксеновъ все разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: «не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить?» Только чиновникъ все пристаетъ съ разспросами: «Гдѣ ночевалъ прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца поутру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?» Аксеновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ; все разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: «что жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я не воръ, не разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатамъ и сказалъ:

— Я—исправникъ и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Вошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ.

— Это чей ножикъ?

Аксеновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, и испугался.

— А отчего кровь на ножѣ?

Аксеновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я... я не знаю... я... ножъ... я... не мой.

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя, некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя

въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксеновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него только свои 8.000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его со связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксеновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксенова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксеновъ смолоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ее не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и ее привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками, она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать.

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду, не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: «и ты подумала на меня!» закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: «видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости». И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксенова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксеновъ жилъ 26 лѣтъ. Волосы его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, а борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксеновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ, а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ; голосъ у него все еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксенова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксенову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксенову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксеновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что разсказывалъ.

Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ, лѣтъ 60-ти, съ сѣдою стриженою бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю. Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что̀ и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—былъ въ Сибири, да недолго гащивалъ...

— А ты откуда будешь?—спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксеновъ поднялъ голову и спросилъ.

— А что, не слыхалъ ли, Семенычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксеновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы, даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксеновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксеновъ сказалъ: «стало-быть, стоилъ того», и не хотѣлъ больше разсказывать; но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксеновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксенову ножикъ и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксенова, хлопнулъ себя руками по колѣнямъ и сказалъ:

— Ну, чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся и гдѣ онъ видѣлъ Аксенова, но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята, гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксенову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца. Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было: что и слышалъ, то забылъ, — сказалъ Макаръ Семеновъ.

— Можетъ, слыхалъ, кто купца убилъ? — спросилъ Аксеновъ.

Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да, видно, тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ — не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ. Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксеновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксеновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда — маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда — веселымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ, и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

«И все отъ того злодѣя!..» думалъ Аксеновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отомстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксеновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ ночью онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксенова. Аксеновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ, я и тебя выведу. А если скажешь, меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу — убью.

Когда Аксеновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не зачѣмъ и убивать меня нечего — ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ, какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю,—стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать: «кто выкопалъ дыру?» Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксенову. Онъ зналъ, что Аксеновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ, скажи мнѣ предъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: «если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое мученіе. А сказать на него, точно — его засѣкутъ. А что какъ я понапрасну на него думаю? Да и что жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?»

Начальникъ еще разъ сказалъ:

— Ну, что жъ, старикъ, говори правду: кто подкопался?

Аксеновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Не могу сказать, ваше благородіе. Мнѣ Богъ не велитъ сказать. И не скажу. Что хотите со мной сдѣлайте — власть ваша.

Сколько ни бился съ нимъ начальникъ, Аксеновъ ничего больше не говорилъ. Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксеновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксеновъ сказалъ:

— Что тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксеновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксенову и шопотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитричъ, прости меня!

Аксеновъ сказалъ:

— За что тебя прощать?

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко. — Аксеновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ: — Иванъ Дмитричъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ — тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксеновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть... А ты еще пожалѣлъ меня — не сказалъ. Прости меня ради Христа, прости меня, злодѣя окаяннаго! — И онъ зарыдалъ.

Когда Аксеновъ услыхалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— Богъ проститъ тебя; можетъ-быть, я во сто разъ хуже тебя! — И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксенова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться, онъ уже умеръ.

Охота пуще неволи.

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: идти ли теперь отыскивать этого медвѣдя или подождать дня три, пока медвѣдь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиковъ-медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ-медвѣжатникъ говорилъ: «нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней черезъ пять обойти можно, а теперь за нимъ ходить — только напугаешь, онъ и не ляжетъ».

А молодой мужикъ-медвѣжатникъ спорилъ со старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно: «по этому снѣгу, говоритъ, медвѣдь далеко не уйдетъ, — медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню».

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовалъ подождать.

Я и говорю: «да что спорить. Вы дѣлайте, какъ хотите, а я пойду съ Демьяномъ по слѣду. Обойдемъ — хорошо, не обойдемъ — все равно: дѣлать нынче нечего, а еще не поздно».

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокій и праховый. Осадка снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалека былъ виденъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ: а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Демьянъ остановился. «Надо, — говоритъ, — бросать слѣдъ. Должно-быть, здѣсь ляжетъ. Присаживаться сталъ, — на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ. Только тише идти надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пятьсотъ, глядимъ — слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу. Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ — какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно, что пошелъ онъ къ деревнѣ.

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: «теперь смотрѣть нечего на дорогу: гдѣ сойдетъ съ дороги вправо или влѣво, видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь своротитъ, не пойдетъ же въ деревню».

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ впереди слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли — что за чудо! слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: пальцами къ дорогѣ. Я говорю: «это другой медвѣдь». Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. «Нѣтъ, — говоритъ, — это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ». Пошли мы по слѣду — такъ и есть. Видно, медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ: «теперь, вѣрно, обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ».

Пошли мы въ обходъ по частому ельнику. Я ужъ уморился, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловый наѣдешь, зацѣпишь, то промежъ ногъ елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ ужъ я уставать. Снялъ я шубу, и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ — какъ на лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Не зацѣпитъ нигдѣ, не свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ и все меня понукиваетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже отставать сталъ — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впереди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ.

Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: «видишь, сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издалеча его духъ слышитъ. Это онъ».

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ срединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и разстегнулся весь: жарко мнѣ, какъ въ банѣ, и весь, какъ мышь, мокрый. И Демьянъ раскраснѣлся, рукавомъ утирается. «Ну, говоритъ, баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо».

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы; ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. Да верстъ двѣнадцать будетъ. Дойдемъ ночью; а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка шубу, баринъ, а то остудишься».

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обилъ снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы подложили. И самъ не помню я, какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣпко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я — что за чудо, гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надо мной, и столбы бѣлые, и на всемъ блестки блестятъ. Глянулъ вверхъ — разводы бѣлые, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненый и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу и что это деревья въ снѣгу и въ инеѣ мнѣ за палаты показались, а огни — это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ: и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздастся. Одинъ разъ только живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло, — увидали слѣды заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громыхаютъ, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо какъ пушокъ липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно навстрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся, потухнутъ, точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ. Я разбудилъ его. Мы разсказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру собрать загонщиковъ-мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю — товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— А гдѣ Демьянъ?—Онъ ужъ давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ, а теперь повелъ загонщиковъ заводить. Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣли въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнце не видать было; туманъ стоялъ наверху, и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу. Видимъ—въ низочкѣ дымокъ синѣетъ и народъ стоитъ: мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ, картошки жарятъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, тридцать человѣкъ—только по поясъ ихъ видно—зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда—какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсты; смотримъ—ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжитъ на лыжахъ, машетъ рукой, чтобы къ нему шли.

Подошли мы къ нему—показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

Налѣво отъ меня высокій ельникъ; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернѣется мнѣ мужикъ-загонщикъ. Противъ меня частый молодой ельникъ въ ростъ человѣка. И на ельникѣ сучья повисли и слиплись отъ снѣга. Въ серединѣ ельника дорожка засыпана снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. Направо отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня, въ трехъ шагахъ, большая сосна. Дай стану у сосны и ружье другое къ ней прислоню. Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое со взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу—кричитъ въ лѣсу Демьянъ: «пошелъ, въ ходъ пошелъ! пошелъ!» И какъ закричалъ Демьянъ, на кругу закричали мужики разными голосами: «пошелъ! У-у-у-у!» кричали мужики. «Ай! И-ихъ!» кричали бабы тонкими голосами.

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли, молчали и не шевелились—ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучитъ. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочитъ, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ... Вдругъ налѣво слышу я въ снѣгу обваливается что-то, только далеко. Глянулъ я въ высокій ельникъ: шаговъ на 50 за деревьями стоитъ что-то черное

большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю—шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Съ боку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище! Нацѣлился я сгоряча—хлопъ! Слышу, шлепнулась объ дерево моя пуля. Смотрю изъ-за дыма—медвѣдь мой назадъ катитъ въ обкладъ и скрылся за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло, теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а ужъ не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричатъ мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу—не путемъ кричитъ какая-то баба: «Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой-ой! Ай-ай-ай!»

Видно—на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя и гляжу направо на товарища. Смотрю—Демьянъ съ палочкой, безъ лыжъ по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу, присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу—товарищъ вскинулъ ружье, цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ! — выпалилъ. Ну, думаю, убилъ. Только смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. Видно, промахъ или плохо попалъ. Уйдетъ, думаю, теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ ужъ не выскочитъ. Что такое? Впереди себя слышу вдругъ—какъ вихрь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ, и пыхтитъ. Поглядѣлъ я передъ собой, а онъ прямехонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катитъ стремглавъ, и видно—со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти, весь мнѣ виденъ—грудь черная и головища огромная, съ рыжинкой. Летитъ прямехонько на меня лбомъ и сыплетъ снѣгъ во всѣ стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катитъ благимъ матомъ куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, выстрѣлилъ, а ужъ онъ еще ближе. Вижу — не попалъ, пулю пронесло, а онъ и не слышитъ, катитъ на меня и все не видитъ. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него, въ голову, — хлопъ! Вижу — попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, осклабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою, ужъ онъ налетѣлъ на меня, сбилъ съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ. Ну, думаю, хорошо, что онъ бросилъ меня. Сталъ я подниматься, слышу — давитъ меня что-то, не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всею грудью. Слышу я—лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ и слышу—забираетъ онъ въ пасть все лицо мое, носъ мой ужъ у него во рту и чую я—жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди изъ пасти, носъ и глаза выворачиваю. А онъ норовитъ какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу—зацѣпилъ онъ зубами, верхнею челестью, въ лобъ подъ волосами, а нижнею челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ

ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ—жамкнетъ-жамкнетъ. Я вывернусь, онъ опять забираетъ. Ну, думаю, конецъ мой пришелъ. Слышу, вдругъ полегчало мнѣ. Смотрю, нѣту его, соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбилъ меня въ снѣгъ и грызетъ, они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть, да ошибся: вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптанной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ, какъ былъ безъ ружья, съ одною хворостинкой, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ: «барина заѣлъ! барина заѣлъ!» Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: «ахъ ты, баламутный! Что дѣлаетъ! Брось, брось!»

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо, а сгоряча больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотрятъ мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я и забылъ про рану, спрашиваю: «гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?» Вдругъ слышимъ: «вотъ онъ, вотъ онъ!» Видимъ—медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить—ужъ онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ, хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ, что народу много, испугался. По слѣду мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли идти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучелу, и она лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

Кавказскій плѣнникъ.

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха-мать: «стара я ужъ стала и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ невѣсту пріискала: и умная, и хорошая, и имѣніе есть. Полюбится тебѣ, можетъ, и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался. И въ самомъ дѣлѣ, плоха ужъ старуха стала; можетъ, и не придется увидать. Поѣхать, а если невѣста хороша—и жениться можно.

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости, татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идутъ солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо: то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ—дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь: ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ къ нему обозъ. Слышитъ, сзади на рожкѣ заиграли—опять стоять. Жилинъ и подумалъ: «а не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, — если и нападусь на татаръ, ускачу. Или не ѣздить?»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми.—А Костылинъ—мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ—не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью, разговариваютъ да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье, Жилинъ и говоритъ:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть, а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ горы и не увидишь.

А Костылинъ говоритъ:

— Что смотрѣть? Поѣдемъ впередъ.—Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣтъ, говоритъ, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь налѣво на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ и самъ выѣздилъ), какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ,—глядь, а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами, человѣкъ тридцать. Онъ уви-

далъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чехловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— Вынимай ружье!—а самъ думаетъ на лошадь на свою: «матушка, вынеси, не зацѣпись ногой; споткнешься—пропалъ. Доберусь до ружья, а имъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ—закатился что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другого. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ—дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одною шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ, къ солдатамъ—думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерѣзъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь—не удержишь, прямо на нихъ летитъ. Видитъ—близится къ нему съ красною бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье наготовѣ.

«Ну, — думаетъ Жилинъ, — знаю васъ, чертей: если живого возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...»

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ—выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужъ на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ,—да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили—деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь. Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами,—до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная—на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать,—она все бьется; онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась—и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красною бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло, а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собой

здоровенную татарскую спину да шею жилистую, да бритый затылокъ изъ-подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки. Пріѣхали въ аулъ [1]). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай, толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ, полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ—въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога—подъ гору идетъ, направо сакля татарская, два дерева подлѣ нея. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходятъ, хвостиками подергиваютъ. Видитъ—изъ-подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарчонка ведетъ бритаго въ одной рубашонкѣ. Прошла татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красною бородой въ бешметѣ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ, безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь, только колѣнки голыя блестятъ.

---

[1]) Аулъ—татарская деревня.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ—отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый, синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе, толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то, точно ругается, и сталъ; облокотился на притолоку, кинжаломъ пошеве-ливаетъ, какъ волкъ исподлобья косится на Жилина. А черноватый—быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ—подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: «корошо урусъ, корошо урусъ!»

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «пить, воды пить дайте».

Черный смѣется: «корошъ урусъ», все по-своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобы пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка—тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати, и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже—глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась, такъ что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, какъ на звѣря какого.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба прѣснаго на дощечкѣ круглой и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять двери.

Погодя немного приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— Айда, хозяинъ, айда!

Тоже не знаетъ по-русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ идти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя—такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Ви-

дитъ — деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобы къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по-своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Въ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки,—всѣ въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая, вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское—буза — въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками, и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на коверъ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ; смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ, голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потомъ одинъ изъ гостей-татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говоритъ по-русски.

— Тебя, говоритъ, взялъ Кази-Мугамедъ, — самъ показываетъ на краснаго татарина, — и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату, — показываетъ на черноватаго.—Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ.

Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ и все показываетъ на Жилина, и смѣется, и приговариваетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ». Переводчикъ говоритъ: «онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобы за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ:

— А много ли онъ хочетъ выкупа?

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ Жилинъ, — я этого заплатить не могу.

Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говорить Жилину — все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: «сколько же ты дашь?» Жилинъ подумалъ и говоритъ: «500 рублей». Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ говоритъ:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь—въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ,—думаетъ Жилинъ,—съ ними что робѣть, то хуже».

Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копейки жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказалъ переводчикъ; опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину:

— Урусъ, говоритъ, джигитъ, джигитъ урусъ!

Джигитъ, по-ихнему, значитъ «молодецъ». И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ:

— Тысячу рублей дай!

Жилинъ сталъ на своемъ: «больше 500 рублей не дамъ. А убьете—ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то толстый, босикомъ и ободранный, на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ — узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— Вотъ, — говоритъ Жилину, — ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный: онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо и обижать не будутъ.

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ: онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я,—говоритъ,—какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите—убивайте,—пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ какъ вскочитъ Абдулъ, досталъ сундучокъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди еще, — говоритъ Жилинъ переводчику, — скажи ты ему, чтобы онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ, обулъ какъ слѣдуетъ, чтобы держалъ вмѣстѣ, намъ веселѣе будетъ, и чтобы колодку снялъ.—Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говоритъ:

— Одежду самую лучшую дамъ: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ,

пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять, — уйдутъ. На ночь только снимать буду. — Подскочилъ, треплетъ по плечу: — твоя хорошъ, моя хорошъ!

Написалъ Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ, — чтобы не дошло. Самъ думаетъ: «я уйду».

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно, съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется: «твоя, Иванъ, хорошъ, — моя, Абдулъ, хорошъ», А кормилъ плохо—только и давалъ что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другого не писалъ.

«Гдѣ,—думаетъ, — матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что я посылалъ ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ; Богъ дастъ — и самъ выберусь».

А самъ все высматриваетъ, выпытываетъ, какъ ему бѣжать.

Ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ—или изъ глины куколъ лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу. Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ: что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутами красными убрала и качаетъ какъ ребенка, сама по-своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше, отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ — вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко. «Хорошо!» говоритъ. Какъ взрадуется Дина.

— Хорошо, Иванъ, хорошо! — и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сыр-

ныя и сушатъ ихъ на крышахъ, такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то разъ рѣзалъ хозяинъ барана, такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый какъ изъ ведра лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвчонки лоскутковъ; одѣлъ онъ куколъ: одна—мужикъ, другая—баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куклы прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, починю.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать—взялъ: и то годится прикрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать—кто замокъ на ружье или пистолетъ починить принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ. Заболѣлъ разъ татаринъ. Пришли къ Жилину: «поди, полѣчи». Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: «авось, поздоровѣетъ самъ». Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастіе татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли къ нему, когда нужно, кличутъ: Иванъ, Иванъ, а которые все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ, жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ, только когда онъ въ мечеть проходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены, бѣлые, какъ пухъ, а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ — только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору — посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ — садикъ, ограда каменная;

изъ-за ограды черешни, шепталы и избушка съ плоскою крышкой. Подошелъ онъ поближе, видитъ—улья стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся—какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— Я, говоритъ, ему худого не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ.—Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего, но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, и не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ. Хозяинъ и говоритъ:

— Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку—Богу молиться, отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить, — я за тебя деньги заплатилъ; да я тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то что убить, — я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ.—Смѣется, самъ приговариваетъ по-русски: «твоя, Иванъ, хорошъ,—моя, Абдулъ, хорошъ!»

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что впору пролѣзть. «Только бы, — думаетъ, — мнѣ мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ, на гору, — хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду — только на ту гору поднимусь: мнѣ траву нужно найти — вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору—не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ, шелъ насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора—еще круче; за той горой—еще гора. Промежъ горъ лѣсъ синѣется, а тамъ еще горы—все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ—бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. «Ну, думаетъ, это все ихняя сторона». Сталъ смотрѣть въ русскую сторону; подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ—какъ куклы маленькія, видно — бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ далеко-далеко точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ — тамъ точно, въ этой долинѣ, должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ алыя, въ черныхъ горахъ потемнѣло; изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться — маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ и думается ему, что это самое—крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно — мулла прокричалъ. Стадо гонятъ — коровы ревутъ. Малый все зоветъ: «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну,—думаетъ Жилинъ,—теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя, — ущербъ мѣсяца. На бѣду къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они — гонятъ съ собой скотину и пріѣзжаютъ веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, положили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла! (значитъ Богъ). — Сказалъ это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидятъ—не шевелятся.

Опять поднялъ голову мулла.

— Алла!—и всѣ проговорили: «Алла!» и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ не шелохнется, они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно — на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ; яма вырыта не простая, подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сровняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— «Алла, Алла!»—Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ—ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручищи здоровыя,—вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ, задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать — кулачищами шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили — покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрали и поѣхали человѣкъ десять, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился—ночи еще темныя были.

«Ну, — думаетъ Жилинъ, — нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какъ же бѣжать? мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ — въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Что жъ ты будешь сидѣть? Хорошо—пришлютъ денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые за то, что русскіе ихняго убили. Поговариваютъ—насъ убить хотятъ.

Подумалъ, подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

V.

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобы и Костылину пролѣзть; и сидятъ они—ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была пестрая собака и злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ

уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ—забрехалъ и кинулся, а за нимъ и другія собаки. Жилинъ чуть свистнулъ, кинулъ лепешки кусокъ,—Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайть, гайть, Уляшинъ».

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно—овца перхаетъ въ закутѣ да низомъ вода по камешкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ, какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: «ну, братъ, айда!»

Тронулись; только отошли, слышатъ—запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ—пойдетъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— Ну, съ Богомъ!—Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги неловки—стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камешка на камешекъ да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, говоритъ, иди: сапоги проклятые всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ—еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь—заживутъ, а догонятъ—убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ—покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ—вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ! говоритъ, ошиблись мы—вправо забрали. Тутъ аулъ чужой, я его съ горы видѣлъ; назадъ надо влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть: у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ и влѣво, въ гору, въ лѣсъ.

Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть лѣсъ. Вошли въ лѣсъ, по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— Стой!—Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало, какъ лошадь, и остановилось. Тронулись они—

опять затопало. Они остановятся—и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ—стоитъ что-то: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло—слышитъ. «Что за чудо!» Свистнулъ Жилинъ потихоньку,—какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу, точно буря летитъ, сучья ломаетъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь, какъ рогами лѣсъ ломитъ. Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли—не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли и что до своихъ верстъ десять еще будетъ, а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду: у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ,—говоритъ,—не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду; прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ; ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышатъ—впереди топаетъ лошадь. Слышно—подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть—сюда, къ намъ, конный ѣдетъ.

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ—верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычитъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ; вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, ей-Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны,—онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, услышитъ.—А самъ думаетъ: «онъ и вправду разслабъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится».

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки—снесу, коли ужъ идти не можешь.

Посадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину; ноги тоже въ крови и уморился. Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобы повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно, услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ—ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по-своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ,—не попалъ, завизжалъ по-своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

— Ну, — говоритъ Жилинъ, — пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три—пропали.—А самъ думаетъ на Костылина: «и чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ».

Костылинъ говоритъ:

— Иди одинъ, за что тебѣ изъ-за меня пропадать?

— Нѣтъ, не пойду: не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ и не видать выхода. А туманъ ужъ расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали—не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ у дороги родничокъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говоритъ, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно-быть, не далеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ—затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышатъ—голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравляютъ. Слышатъ—трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары—тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три, встрѣчаетъ ихъ Абдулъ-хозяинъ съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ.

Абдулъ ужъ не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ-подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Одни говорятъ: «надо ихъ дальше въ горы услать», а старикъ говоритъ: «надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «я за нихъ деньги отдалъ; я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить—и кончено».

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать, я тебя, какъ собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвезли за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пять—и спустили ихъ въ эту яму.

VI.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріунылъ: видитъ—дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выдраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ о вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣни лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ кверху, а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: «не поможетъ ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ; думаетъ: «какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ—затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли, и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ—зашуршало что-то наверху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ ямой, глазенки такъ и блестятъ, какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ:

— Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На вотъ!—Сталъ ей швырять по одной.

А она головой мотаетъ, не смотритъ.

— Не надо!—говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ:—Иванъ! тебя убить хотятъ.—Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ, ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ, что нельзя. Онъ сложилъ руки, молится ей.

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя,—говоритъ,—увидятъ, всѣ дома.—И ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «что будетъ?»—Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ.

Мулла прокричалъ; затихло все. Сталъ уже Жилинъ дремать, думаетъ: «побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; глянулъ кверху—шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ—шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ: звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ.

— Иванъ, Иванъ!—А сама руками у лица все машетъ, что «тише, молъ».

— Что?—говоритъ Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слышать не хочетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—ужъ мнѣ, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

— Ну, такъ прощай, не поминай лихомъ.—Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать и полѣзъ. Раза два онъ обрывался,—колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ,—выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ ручонками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся,—прибьютъ тебя.—Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень острый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій, никакъ не собьетъ, да и неловко. Слышитъ—бѣжитъ кто-то съ горы, легко подпрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно, опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да ручонки тонкія, какъ прутики, ничего силы нѣтъ. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ—налѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну,—думаетъ,—до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ, да надо идти. Прощай,—говоритъ,—Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ, куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— Спасибо,—говоритъ,—умница. Кто тебѣ безъ меня куколъ дѣлать будетъ?—И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина, закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ, слышно, монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ; ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ идти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку,— побѣлѣлъ ужъ свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и направо засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу, выбрался и мѣсяцъ изъ-за горъ—бѣло, свѣтло, совсѣмъ, какъ днемъ. На деревьяхъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ; какъ вымерло все. Только слышно, внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу,—никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ—ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остановится. «Нечего дѣлать,—думаетъ,—буду тащиться, пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ, лягу въ лѣсу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами, да Жилинъ издалека ихъ услыхалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. «Ну,—думаетъ,—еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ 30 шаговъ, видитъ—лѣсъ кончается. Вышелъ на край—совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, а налѣво, близехонько подъ горой, огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся, видитъ: ружья блестятъ—казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «избави Богъ тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ: хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ—глядь: налѣво на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его, пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы, выручай!.. братцы!..

Услыхали наши. Выскочили казаки верховые, пустились къ нему—наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣднею силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится, кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!..

Казаковъ человѣкъ пятнадцать было.

Испугались татары,—не доѣзжаючи, стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: кто онъ, что за человѣкъ, откуда? А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы, братцы!..

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина—кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ. Еле живого привезли.

Ермакъ.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгановы, и жили они въ Перми, на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хорошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные, отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, и по рѣкѣ озера рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только захаживаютъ татары.

Строгановы написали царю письмо: «отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберемъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу татарамъ».

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгановы послали приказчиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгановы отводили землю, лѣсъ, давали скотину и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ двадцать. Строгановы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 верстъ. Захотѣли они еще больше земли. Верстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы Уральскія и за этими горами, прослышали они, есть хорошая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этою землею сибирскій князекъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился царю русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить строгановскіе городки.

Вотъ Строгановы и написали царю: «отдалъ ты намъ землю, мы ее подъ твою руку покорили; теперь воровской царекъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведемъ». Царь согласился и отписалъ: «если сила у васъ есть,

отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте».

Вотъ Строгановы, какъ получили отъ царя письмо, послали приказчиковъ еще собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дона. А въ то время по Волгѣ и по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали приказчики на Волгу и стали спрашивать, какіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимоѳеича, атамана. У того человѣкъ 1.000 народа, и его не только народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступиться не смѣетъ».

И поѣхали приказчики къ Ермаку-атаману и стали его уговаривать идти къ Строганову. Ермакъ принялъ приказчиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ прійти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгановымъ казаки, человѣкъ 600, съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгановъ на ближнихъ татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгановъ Ермака и говоритъ: «я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ говоритъ: «я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь—набаловались. Дай намъ работу». Строгановъ и говоритъ: «идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землею. Васъ и царь наградитъ». И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

— Вы меня срамите передъ хозяиномъ, — все безъ-толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа.

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строганову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошелъ Ермакъ къ Строганову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ—татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ—мастеровъ ружейныхъ.

Строгановъ думаетъ: «хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся — разорятъ меня». Согласился Строгановъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было двадцать человѣкъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и

выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и верстъ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ и выгрузили всю снасть; и струги побросали, а наладили телѣги, уложили все и пошли сухопутьемъ—черезъ горы. Мѣста все были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они десять дней сухопутьемъ, попали на Жаровню на рѣку. Тутъ опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озера. И рыбы и звѣря много, и звѣрь непуганый. Проплыли еще день, выплыли въ Туру-рѣку. Тутъ по Турѣ-рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, — что за городокъ и много ли въ немъ силы. Пошли двадцать казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьемъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьею рукою живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ, поумнѣе, взялъ съ собой, чтобъ они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится; а мѣста что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почетнаго стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что онъ за человѣкъ. Онъ и говоритъ: «я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ все разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ — первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь — самый большой городъ въ свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума-царя счету нѣтъ: его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ».

А Ермакъ говоритъ: «мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять, русскому царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ — счету имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки и стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололось, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ и все къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ — на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ — узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ— Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьетъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошелъ, вернулся и говоритъ: «тутъ живетъ Кучумовъ слуга Атикъ-Мурза-Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

— Ну, ребята, если не возьмемъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ». Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ и, какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и меду много. Похоронили мертвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Недалеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки, стали думать. Собралъ Ермакъ кругъ. «Ну, что, ребята, какъ быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завелъ сюда? Вотъ перебили уже изъ насъ сколько да переранили, и всѣ мы тутъ пропадемъ». Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью Ивану Кольцо: «ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?» А Кольцо и говоритъ: «а я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра, а не завтра, такъ даромъ на печи помремъ. По мнѣ — выйти на берегъ да и валить прямо лавой на татаръ—что Богъ дастъ».

Ермакъ и говоритъ: «ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно, бѣлужину ловить да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти — перебьютъ; мимо плыть — перебьютъ; здѣсь стоять — перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, — послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везетъ и по ровному везетъ, а какъ придется въ гору—заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ, легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ, возилъ ее коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ ее батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось—прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно, ты, Тимоѳеичъ, умнѣе нашего; насъ, дураковъ, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать». Ермакъ и говоритъ: «ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они еще насъ всѣхъ не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ, выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьемъ, ужъ бояться некого,— царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили — справа Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ-атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошелъ въ самый городъ Сибирь. И засѣлъ тамъ Ермакъ—все равно какъ царемъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири; а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: «Маметкулъ опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ».

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ, и самого Маметкула забралъ живьемъ и привезъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, и по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдешь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгановымъ и письмо: «я, говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ и весь здѣшній народъ подъ свою руку привелъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ».

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ все держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи все не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ ногайцы обижаютъ, — пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ еще меньше стало.

Послали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь-городъ товары везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собою 50 человѣкъ и пошелъ очистить дорогу бухарцамъ. Пришелъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, не нашелъ бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку,—только его и видѣли. И тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и татары замирились.

III. Разсказы изъ физики.

Магнитъ.

I.

Въ старину былъ пастухъ, звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошелъ въ горы искать. Пришелъ на одно мѣсто, гдѣ одни голые камни. Онъ пошелъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой — камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ. Пошелъ опять — опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

Тронетъ кожей и подошвой, не прилипаетъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Онъ тронулъ камень деревомъ — не прилипаетъ; тронулъ желѣзомъ — прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень, видитъ, что похожъ на желѣзо, и принесъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

II.

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо.

Если положить кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ да подержать подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой — отворачиваться. И еще разруби, то же будетъ; и еще руби, сколько хочешь, все то же будетъ: одинакіе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другого втягиваетъ. И какъ его ни разломи, все съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другого — втягивать. Все равно какъ еловую шишку — гдѣ ни разломи, все будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другого — чашечкой. Съ того ли, съ другого ли конца — чашечка съ пупомъ сойдется, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

III.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить ее серединкой на шпенекъ такъ, чтобъ она ходила вольно на шпенькѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку — какъ пустишь, она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ — на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несетъ вѣтромъ и занесетъ на камни и разобьетъ.

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобы она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ. Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная веревка съ узлами на концѣ корабля. И веревка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что, когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ, на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

Сырость.

I.

Отчего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода. Если паукъ сидитъ, забившись въ серединѣ паутины, и не выходитъ, — это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины, то это къ погодѣ.

Какъ можетъ паукъ знать впередъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнетъ только собираться сырость, мы этой сырости не слышимъ и для насъ погода еще ясная, — для паука уже идетъ дождь.

Точно такъ же какъ и человѣкъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идетъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

II.

Отчего зимой двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимой дерево насытится водой, какъ губка, и его разопретъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ, и оно съежится.

Отчего слабое дерево — осина — больше разбухаетъ, а дубъ — меньше?

Оттого, что въ крѣпкомъ деревѣ—дубѣ—пустого мѣста меньше, и водѣ некуда набраться, а въ слабомъ деревѣ — осинѣ — пустого мѣста больше, и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустого мѣста, и оттого гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчелъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилого дерева: самые лучшіе ульи бываютъ изъ гнилой лозины. Отчего это? — оттого, что чрезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ и для пчелъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отчего доски коробятся?

Оттого, что не ровно сохнутъ. Если приставить сырую доску одною стороною къ печкѣ, вода выйдетъ и дерево сожмется съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой сторонѣ сжаться нельзя, потому что въ ней вода, — и вся доска погнется.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски и куски эти вываривaютъ въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

Разная связь частицъ.

Отчего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колеса точатъ не изъ дуба, а изъ березы?

Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже березы.

Оттого, что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Оттого, что дубъ хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ береза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а береза не расходится.

Отчего колеса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ березы и липы?

Оттого, что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а береза и липа на всѣ стороны мочалятся.

Все оттого же, что частицы дерева въ дубѣ и березѣ иначе связаны.

Кристаллы.

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдется въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать еще и еще соли, то подъ конецъ соль ужъ перестанетъ распускаться, а сколько ты ее ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше уже принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ еще; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если еще насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдетъ паромъ и соли еще больше останется. Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды

есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускаетъ больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но все же какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдетъ паромъ.

Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать еще селитры лишней, все согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберется вся шестигранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика. Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ и поставить въ тепломъ мѣстѣ, то вода уйдетъ паромъ, а селитра лишняя такъ же сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и такъ же дать уйти паромъ, то лишняя соль сложится тоже не порошкомъ, а кубиками. Если насытить воду селитрой съ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, а сложатся каждая по-своему: селитра — столбиками, а соль — кубиками.

Если насытить воду известкой, или другою солью, или еще чѣмъ-нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ паромъ, сложится по-своему: какая — въ трехгранные столбики, какая въ восьмигранные, какая—кирпичиками, какая—звѣздочками, каждая по-своему. Эти-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку; такіе находятъ камни въ землѣ. Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберешь ихъ, но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на то же мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть — шестигранными столбиками. То же самое и съ солью и со всякою другою вещью. Всѣ маленькія порошинки сами ворочаются и приставляются тою стороною, какою надо.

Когда замерзаетъ ледъ, то дѣлается то же самое.

Летитъ снѣжинка — въ ней не видать никакой фигуры; но какъ только она сядетъ на что-нибудь темное и холодное, на сукно, на мѣхъ, — въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку или шестиугольную дощечку. На окнахъ паръ примерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзать, такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что́ такое ледъ? — Это холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры и изъ нея выходитъ тепло. То же самое дѣлается съ селитрой: когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія фигуры, изъ нея выходитъ тепло. То же съ солью, то же съ плавленымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда какая-нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкою, изъ нея выходитъ тепло, и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкая, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ, и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленаго желѣза и дай ему остывать; принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси извести гашеной и дай ей остывать—будетъ тепло. Принеси льду и тай его—станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая въ водѣ расходится, и распускай ее въ водѣ—станетъ холодно. Чтобы заморозить мороженое, сыплютъ соль въ воду.

Вредный воздухъ.

Въ селѣ Никольскомъ въ праздникъ народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодецъ былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась о стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говоритъ старостѣ:

— Александръ! слазай, батюшка, въ колодецъ, — я бадью упустила.

Александръ сказалъ:

— Ты упустила, ты и доставай.

Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ, только чтобъ онъ спускалъ ее.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— Ну, пойдемъ. Ты теперь натощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать.

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодецъ, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «еще, что ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодецъ и увидалъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодецъ.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, со старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца, всякій кричалъ свое, но никто не зналъ, что дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодецъ, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!» и Ивана вытащили.

Онъ, какъ мертвый, висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый, но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось, и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали разсматривать колодецъ, то узнали, что точно внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Воздухъ этотъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человѣкъ и никакое животное жить не можетъ. Спустили въ колодецъ кошку, и какъ она дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ дурной воздухъ, она сейчасъ умерла. Мало того, что животное жить не можетъ, — свѣча тамъ не можетъ горѣть. Спустили свѣчку, и какъ она дошла до того мѣста, сейчасъ потухла.

Бываютъ мѣста подъ землей, гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы и, прежде чѣмъ человѣку идти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если лампа тухнетъ, то и человѣку нельзя идти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть.

Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стоитъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше — хорошій воздухъ. Человѣкъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего не сдѣлается; а собака какъ войдетъ, такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? — Онъ дѣлается изъ того самаго хорошаго воздуха, какимъ мы дышимъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна, такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодцѣ, и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ на войнѣ индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ и заперли ихъ въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться, и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не приходило, — сдѣлался дурной воздухъ, похожій на тотъ, что былъ въ колодцѣ, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберется много людей? Оттого, что люди когда дышатъ, то забираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

Какъ дѣлаютъ воздушные шары.

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно такъ же если кипятить чугунъ воды, то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется немножко водяного газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ наверхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая; тогда вода *кипитъ*.

Такъ же какъ изъ воды выскакиваютъ наверхъ пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды, такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь, надутый газомъ *водородомъ* или горячимъ воздухомъ, потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ воздуха того, который тяжелѣе водорода. А когда выскочитъ наверхъ въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ, и въ горлышкѣ придѣлываютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы—братья Монгольфьеры—выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ лодочку и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду; полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали шары наполнять водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шарѣ, подвязываютъ подъ него лодочку и въ эту лодочку садятся по-двое, по-трое и даже по восьми человѣкъ и берутъ съ собой питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, въ шарѣ сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется и, кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ—газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того, на шару всегда есть мѣшки съ

пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче и онъ пойдетъ кверху. Если кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу неладно—или рѣка, или лѣсъ, то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

Гальванизмъ.

Былъ одинъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что̀ такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шишечку, укрѣпленную въ стеклѣ, и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра и отъ сургуча и отъ янтаря. Показывалъ, какъ перышки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отчего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ ее лѣчить. Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столъ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ электрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталъ присматриваться и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнутъ ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ, что какъ пуститъ искру, такъ мертвыя лягушки станутъ, какъ живыя, шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не оттого ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ, и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытать, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ подъ желѣзный желобъ. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ и онѣ начнутъ шевелиться.

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились. Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да снимаючи тронулъ лягушечьею ногой о желобъ—и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу—и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что всѣ животныя живы только оттого, что въ нихъ электричество и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо, и отъ этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и всѣ повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый, Вольта, сталъ пробовать по-своему и показалъ всѣмъ, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальвани,—не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзною проволокой, а либо мѣдною проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзною съ желѣзнымъ крючкомъ, — и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзною проволокой, связанною съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведешь вмѣстѣ желѣзо и мѣдь, такъ и дѣлается электричество, а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталъ пробовать—какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали... Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ — серебра, платины, цинка, олова, желѣза — онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости—воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что уже не нужно, какъ прежде дѣлали, тереть, чтобы было электричество, а стоитъ только положить въ одну чашку кусковъ разнаго металла и налить жидкостей—и въ этой чашкѣ будетъ электричество и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрическій и придумали электричествомъ на дальнемъ разстояніи съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ въ землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокѣ; такъ это электричество не переставая ходитъ кругомъ, какъ въ кольцѣ—по проволокѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокѣ, и опять по землѣ. Электричество можетъ ходить въ одну и другую сторону, какъ захочешь пустить его: оно можетъ идти сначала по проволокѣ и возвращаться по землѣ, или сначала по землѣ и возвращаться по проволокѣ. Надъ проволокой—въ томъ мѣстѣ, куда подаютъ знаки—придѣлана магнитная стрѣлка, и стрѣлка эта поворачиваетъ въ *одну* сторону, если

электричество пустить туда по проволокѣ и назадъ по землѣ и въ *другую*, если электричество пустить *туда по землѣ и назадъ по проволокѣ*. По этой стрѣлкѣ уговорены знаки, и по этимъ знакамъ на телеграфахъ пишутъ съ одного мѣста на другое.

Солнце—тепло.

Выдь зимой въ тихій морозный день въ поле или въ лѣсъ и посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣки замерзли, сухія травки торчатъ изъ-подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ, свистятъ, поютъ; мухи, комары вьются, жужжатъ; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозь чугунъ съ водой,—онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ на огонь: станетъ ледъ трескаться, таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть, загудитъ, завертится. То же дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла—все мертво; есть тепло—все движется и живетъ. Мало тепла—мало движенія, больше тепла—больше движенія, много тепла—много движенія, очень много тепла—и очень много движенія.

Откуда берется тепло на свѣтѣ?—Тепло отъ солнца.

Ходитъ солнце низко зимой, стороной, не упираетъ лучами въ землю—и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами, станетъ свѣтить въ припоръ къ землѣ—отогрѣется все на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать ледъ на рѣкахъ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака—пойдетъ дождь. Кто все это сдѣлаетъ?—Солнце. Оттаютъ сѣмечки, выпустятъ ростки, зацѣпятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ?—Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчелы, выведутся комары; выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ?—Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ—поднимется, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе—станетъ вѣтеръ. Кто это сдѣлалъ?—Солнце.

Поднимутся облака, станутъ сходиться и расходиться—ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь?—Солнце.

Вырастутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугунки, города. Кто все приготовилъ?—Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ?—Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ. Деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастилъ дрова?—Солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто вырастилъ?—Солнце.

Ѣстъ человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ?—Травы. А травы вырастило солнце.

Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и известки. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что людямъ нужно, что идетъ прямо на пользу, все это заготовляется солнцемъ и во все идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣстъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много тепла. Кто закупитъ дровъ на зиму, тотъ закупитъ солнечнаго тепла, и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и пуститъ тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то есть и движеніе. Какое ни на есть движеніе—все отъ тепла: либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ, что ихъ *двигаетъ*?—Тепло. А откуда они взяли тепло?—Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтряныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ?—Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ?—Тепло. А воду кто гонитъ?—Тепло же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ,—ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ? — Дрова. А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движеніе, а изъ движенія—тепло. И тепло и движеніе—отъ солнца.

IV. Разсказы изъ зоологіи.

Сова и Заяцъ.

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу—высматривать добычу.

Выскочилъ на поляну большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говоритъ: «Что жъ ты зайца не ловишь?» Старая говоритъ: «Не по силамъ,—великъ русакъ: ты въ него вцѣпишься, а онъ тебя уволочетъ въ чащу». А молодая сова говоритъ: «а я одною лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь».

И пустилась молодая сова за зайцемъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другой лапой за дерево и думала: «не уйдетъ». Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него на спинѣ были заросшіе совиные когти.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей.

Я шелъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ-пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ—по полю бѣгутъ два волка: одинъ матерой, другой молодой. Молодой несъ на спинѣ зарѣзаннаго ягненка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягненка, перекинулъ себѣ на спину, и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягненка, зарѣзалъ его и понесъ.

Навстрѣчу выбѣжалъ волчонокъ и бросился къ ягненку. Старый отдалъ нести ягненка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягненка.

Зайцы.

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые—озимями и травой, гуменники—хлѣбными зернами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокій, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость, и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро, враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу и начинаетъ отъ страха метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего-нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Еще услышитъ что-нибудь и со всего размаху прыгнетъ въ сторону и проскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь,—опять заяцъ повернется назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далекимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится.

Чутье.

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другого хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ. У одного чутье сильнѣе, и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ, издалека, а другой и нюхаетъ гнилое яйцо, а не чуетъ. Одинъ ощупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего наощупь не узнаетъ, не разберетъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возьметъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберетъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутье сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ, когда захочетъ узнать вещь, посмотритъ ее, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку, для того чтобы узнать вещь, нужнѣе всего ее пощупать.

А для звѣрей, почти для всѣхъ, нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока ее не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуять, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина—испугается, не узнаетъ и начнетъ лаять, до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узнаетъ, что то, что ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и все не понимаютъ, что такое дѣлается. Но стоитъ коровѣ или быку найти на мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ пойметъ, начнетъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошелъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной шаговъ на 20. Когда незнающій охотникъ хочетъ навесть собаку на слѣдъ звѣря и ткнетъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберетъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ, и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ то же, что мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдемъ и тогда издали только разберемъ, что говорятъ. Или когда слишкомъ близко отъ насъ то, что мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутье у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ; червякъ ползетъ къ своему листу; клопъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ.

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъ же малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутье насѣкомыхъ.

Осязаніе и зрѣніе.

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетенными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобъ онъ катался промежъ обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза,—увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее чистое зеркало: тебѣ покажется, что это—окно или дверь и что тамъ, сзади, что-то есть. Ощупай пальцемъ,—увидишь, что это—зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

Шелковичный червь.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать

шелкъ. Сѣмена эти темно-сѣрыя и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ.

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ. Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовикѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были ужъ не темно-сѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтло-сѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они, видно, почувствовали въ своихъ скорлупахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно ихъ было разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто такъ, какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги и протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги всѣ червяки собрались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползли по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изо рта выпустить паутинку и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится и если хочетъ спуститься,—спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлыя сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ десять разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на пятый день, точно, одинъ, старшій червякъ, прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что вырастаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по перемѣнкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!» Я пришелъ и увидалъ, что точно—этотъ червякъ прицѣпился старою шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову и тужится, извивается—какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ—для того чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я, вѣрно, разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они всѣ такъ же выбирались изъ своихъ рубашекъ; только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти хотя и долго мучились, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они уже были ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать. Старшіе взлѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ, чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной,—онъ весь обмотался шелкомъ и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ

иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть сколько разъ надо мотнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы пустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300.000 разъ. Значитъ, онъ, не переставая, дѣлаетъ каждую секунду по обороту. Зато уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми восковыми—мертвецами внутри должны выйти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все-таки я на 20-день сталъ смотрѣть, что будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день, я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ—что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ—на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но потомъ подумалъ: не такъ ли начинается? и сталъ смотрѣть, что будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая, и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ—мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ, задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

V. Разсказы изъ ботаники.

Яблони.

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года, весною и осенью, окапывалъ ихъ и на зиму завертывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошелъ снѣгъ, я пошелъ смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцевитая и налитая; сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самою землей, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину—какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши; я развернулъ другую яблоню—и на другой было то же самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлою. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолой съ воскомъ: но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ же спали. Вышли маленькіе листики, тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъ сотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ полоскахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то все дикіе.

Кора у деревьевъ—тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку, и черезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листья и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить; но если кора пропадетъ—дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умретъ, во-первыхъ, потому, что кровь вытечетъ, а во-вторыхъ, потому, что крови не будетъ уже хода по тѣлу.

Такъ и береза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали оттого, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ.

Старый тополь.

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами и самъ сталъ работать съ ними въ саду.

Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь, и лишніе кусты, и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья, тополь и черемуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный, въ два обхвата, тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось, чтобы мѣсто было веселѣе, а главное—мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что, я думалъ, всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землей ихъ сочные коренья, какъ потомъ вчетверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно, нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда было поздно, я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло наоборотъ: когда я рубилъ ихъ, старый тополь уже умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ то же лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить—и побилъ всѣхъ его дѣтей.

Черемуха.

Одна черемуха выросла на дорожкѣ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я—рубить или не рубить ее: мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, ужъ онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба», подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать: весело рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и какъ будто заплакало, затрещало

въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«Эхъ, штука-то важная!—сказалъ мужикъ.—Живо жалко!» А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

Какъ ходятъ деревья.

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку. Много нарубили шиповника, лозины, тополя, потомъ пришла черемуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше десяти лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять, какъ могла тутъ вырасти такая старая черемуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черемуха, даже еще потолще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старою липой. Липа своими сучьями заглушала ее, и черемуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ, а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень. Когда я срубилъ ее, мы съ мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли ее сдвинуть; она какъ будто прилипла. Я сказалъ: «посмотри, не зацѣпили ли гдѣ». Работникъ подлѣзъ подъ нее и закричалъ: «да у ней другой корень; вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это была правда.

Черемуха, чтобъ ее не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новый былъ свѣжій. Она почуяла, видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черемуха на дорогѣ. Она то же, вѣрно, сдѣлала, но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

VI. Попытки соединенія разныхъ варіантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ.

Святогоръ-богатырь.

Выѣзжа́лъ ли Святогоръ гулять въ чистò поле,
Никогò-то Святогоръ онъ не нахàживалъ,
Съ кѣмъ бы сѝлой богатырскою помѣряться;
А самъ чу́етъ въ себѣ силу онъ велѝкую,
Чуетъ—жѝвчикомъ по жилкамъ разливàется,
Грузно съ сѝлы Святогору, какъ отъ брѐмени.
И промòлвилъ Святогоръ свѣтъ похваля́ючись:
«По моѐй ли да по силѣ богаты́рской
Кабъ держа̀ву мнѣ найти, всю землю пòднялъ бы».
Со тѣхъ слòвъ увидѣлъ Святогоръ прохòжаго,
Сдалека̀ въ степи идѐтъ прохожій съ су́мочкой,
И поѣхалъ Святогоръ къ тому прохòжему.
Ѣдетъ ры́сью, всё прохожій идѐтъ пѐредомъ,—
Во всю пры́ть не можетъ онъ догнать прохòжаго.
Закрича̀лъ тутъ Святогоръ да громкимъ гòлосомъ:
«Гой, прохòжій человѣкъ, подожди немнòжечко,
«Не могу́ догнать тебя я на добрòмъ конѣ».
Сдалека̀ прохожій Святогора слу́шался,
Становѝлся, съ плечъ на землю бросалъ су́мочку.
Наѣзжа̀етъ Святогоръ на эту су́мочку,
Своей плѣточкой онъ сумочку пощупывалъ,—
Какъ урòслая та сумочка не трòнется.
Святогòръ съ коня перстомъ ее потрòгивалъ,—
Не сворòхнется та су́мка, не шевѐльнется.
Святогòръ съ коня хваталъ рукой, потя́гивалъ,—
Какъ урòслая та сумка не подни́мется.
Слѣзъ съ коня́ тутъ Святогоръ, взялся за сумочку,
Онъ прила̀дился, взялся руками обѣими,
Во всю сѝлу богатырскую принату́жился,—
Отъ нату́ги по бѣлу лицу ала крòвь пошла,
А поднялъ суму отъ земли только на̀ волосъ,
По колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю̀ угрязъ.
Взговорѝтъ ли Святогоръ тутъ громкимъ гòлосомъ:
«Ты скажи́ же мнѣ, прохожій, правду-йстинну,
«А и что̀, скажи ты, въ сумочкѣ, накла̀дену?
Взговорѝтъ ему прохожій да на тѣ слова:
«Тяга въ су́мочкѣ отъ матери сырòй земли».

Взговорѝтъ тутъ Святогоръ да ко прохо̀жему:
«А ты са̀мъ кто есть, какъ звать тебя по ѝмени?»
Взговорѝтъ ему прохожій ли на тѣ слова:
«Я Микѹ̀ла есмь, мужикъ я, Селянѝновичъ,
«Я Микѹ̀ла,—меня любитъ мать сыра̀ земля».

Сухманъ.

Какъ у ласкова князь-Владимѝра
Пированье шло, шелъ почестенъ пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодцевъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конемъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владимѝръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ подряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
«Что не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
«Бѣлой лебеди ты не рушаешь,
«И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?»
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«Если хвастать мнѣ ты приказываешь,
«Привезу жъ тебѣ я, похвастаю,
«Лебедь бѣлую, не кровавлену
«И не ранену, а живьемъ въ рукахъ».
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свово добраго,
Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,
Ко синю морю, къ тихимъ заводямъ.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи,
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,
Не нахаживалъ гусей-лебедей.
И у третіей тихой заводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Тутъ Сухмантьюшка призадумался:
«Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ,
«Что̀ сказать будетъ князь-Владимѝру?»
И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ-рѣкѣ.
Глядь—течетъ Нѣпра не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,

А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру-рѣку Сухманъ спрашивалъ:
«Что течешь ты такъ, мать Нѣпра-рѣка,
«Не по-старому, не по-прежнему,
«А вода съ пескомъ помутилася?»
Испровѣщится мать Нѣпра-рѣка:
«Я затѣмъ теку не по-старому,
«Не по-прежнему, по-старинному,
«Что стоятъ за мной, за Нѣпрой-рѣкой,
«Сорокъ тысячей злыхъ татаровей.
«Они мостъ мостятъ съ утра до ночи:
«Что намостятъ днемъ, то въ ночь вырою,
«Да изъ силъ ужъ я выбиваюся».
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«То не честь-хвала молодецкая—
«Не отвѣдать мнѣ силъ татарскіихъ».
И пустилъ коня свово добраго,
Чрезъ Нѣпру-рѣку перескакивалъ,—
Не мочилъ копытъ его добрый конь.
Подъѣзжалъ Сухманъ ко сыру дубу,
Ко сыру дубу кряковистому,
Дубъ съ кореньями выворачивалъ,
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубиночку за вершину бралъ
И пустилъ коня на татаровей.
Сталъ Сухмантьюшка поворачивать,
Той дубиночкой сталъ помахивать.
Какъ махнетъ впередъ—станетъ улица,
Отвернетъ назадъ—переулочекъ.
Всѣхъ побилъ татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало лишь три татарченка,—
Подъ кусточками, подъ ракитовыми
У Нѣпры-рѣки схоронилися.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ мать Нѣпрѣ-рѣкѣ;
Изъ-подъ кустиковъ въ Одихмантьевича
Три татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ Сухмантьюшка стрѣлки выдернулъ
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкивалъ
И споролъ ножомъ трехъ татарченковъ.
Пріѣзжалъ Сухманъ къ князь-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,
Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ:
«Что жъ, Сухмантьюшка, не привезъ ты мнѣ
«Лебедь бѣлую, не кровавлену?»

Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«Гой, Владиміръ-князь, за Нѣпрой-рѣкой
«Доходило мнѣ не до лебедей:
«Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой-рѣкой
«Сила ратная въ сорокъ тысячей.
«Шли во Кіевъ-градъ злы татаровья,
«Съ утра до ночи мосты ладили,
«А Нѣпра-рѣка вырывала въ ночь
«Да изъ силъ она выбивалася.
«Я пустилъ коня на татаровей
«И побилъ ихъ всѣхъ до единаго».
Володиміръ-князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ.
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ
Брать Сухмантія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ
Про Сухмантьевы свѣдать заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свово добраго,
Выѣзжалъ въ поле, къ мать Нѣпрѣ-рѣкѣ.
Увидалъ—лежитъ сила ратная
Въ сорокъ тысячей, вся побитая,
И валяется дубъ съ кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.
Дубъ Добрынюшка поднималъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру.
Такъ Добрынюшка выговаривалъ:
«Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
«За Нѣпрой-рѣкой я видалъ—лежатъ
«Сорокъ тысячей злыхъ татаровей.
«И дубиночка Одихмантьича
«На лучиночки вся исщепана».
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ-князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговаривалъ:
«За услуги тѣ за великія
«Добра молодца буду миловать,
«Буду жаловать его до люби
«Городами ли съ пригородками,
«Еще селами да съ приселками,
«Золотой казной да безсчетною»
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
«Выходи, Сухманъ, ты изъ погреба:
«Володиміръ-князь тебя милуетъ,

«За твои труды за великіе
«Хочетъ, солнышко, тебя жаловать
«Городами ли съ пригородками,
«Еще селами да съ приселками,
«Золотой казной да безсчетною».
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:
«Гой Владиміръ-князь, ласково солнышко,
«Не умѣлъ меня въ пору миловать,
«Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
«А теперь тебѣ не видать будетъ,
«Не видать меня во ясны очи».
И выдергивалъ Одихмантьевичъ
Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,
Свѣтъ Сухмантьюшка приговаривалъ:
«Потеки, рѣка, отъ моей крови,
«Отъ моей крови отъ горючія,
Отъ горючія, отъ напрасныя.
«Потеки, Сухманъ, ахъ Сухманъ-рѣка,
«Будь Нѣпрѣ-рѣкѣ ты родна сестра».

Вольга-богатырь.

Что не мелки, часты звѣздочки
Разсажалися подъ небесью.
Что не ясенъ, свѣтѣлъ мѣсяцъ
Просвѣтилъ въ небѣ высокоемъ,
Освѣтило красно солнышко
Нашу землю Святорусскую;
На святой Руси на матушкѣ
Народился удалъ мо́лодецъ,
Свѣтъ Вольга̀—сударь Буслаевичъ.
Отъ рожденья богатырскаго
Потряслася мать сыра земля,
Море сине всколыбалося,
Рыбы въ глубь моря забилися,
Звѣри въ чащи схоронилися,
Потрялось царство Турецкое.
Выросталъ Вольга̀ семи годовъ—
Захотѣлъ онъ много мудрости,
Къ мудрецамъ задался въ выучку,
И въ наукъ пошло ученіе.
Понималъ Вольга̀ всѣ мудрости:
Обучился первой мудрости—
Оборачиваться птицею;
Обучился другой мудрости—
Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости—
Сѣрымъ волкомъ ся обертывать.

Какъ и сталъ Вольга̀ въ пятнадцать лѣтъ,
Подбиралъ Вольга̀ дружинушку,
И собралъ онъ себѣ ровнюшекъ,
Удалыхъ ли добрыхъ мо́лодцевъ—
Тридцать братьевъ безъ единаго,
Становился самъ въ тридцатыихъ.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга́ я во тридцатыихъ,—
«Вы большо̀го брата слушайте,
Повелено дѣло дѣлайте:
«Повяжите сѣти шелковы,
«Опускайте въ море синее».
Тутъ Вольгу́ дружина слушалась—
Повязала сѣти шелковы,
Опускала въ море синее.
Рыбой Вольга ся обертывалъ,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплылъ глубокіе,
Распугалъ всю рыбу красную,
Загонялъ рыбу во часты̀ сѣти.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга̀ я во тридцатыихъ,—
«Брата бо̀льшаго вы слушайте,
«Повелено дѣло дѣлайте:
«Вейте шелковы веревочки,
«Разстанавливайте по лѣсу
«На звѣриныхъ ли на тропочкахъ».
Тутъ Вольгу́ дружина слушалась—
Вила шелковы веревочки,
Разстанавливала по лѣсу.
Звѣремъ Вольга ся обертывалъ,
Сѣрымъ волкомъ голенастыимъ,
Поскакалъ въ лѣса дремучіе,
Во глухи ломы, во чащицы,
Распугалъ онъ звѣря куннаго,
Загонялъ звѣря во петельки.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Половили мы всю рыбушку
«Изъ синя моря глубокаго,

«Половили звѣря куннаго
«Изъ темныхъ лѣсовъ дремучіихъ·
«А и будетъ ли тотъ мòлодецъ,
«Чтобъ сходилъ въ царство Турецкое
«Ко царю Салтанъ-Бекетычу,—
«Свѣдать думу его царскую».
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большой да за середняго,
А середній что за мѣньшаго,—
А отвѣта нѣтъ отъ мѣньшаго.
Говоритъ Вольгà Буслаевичъ:
«Вольгѣ будетъ самому идти».
Птицей Вольга ся обертывалъ,
Высоко взвился подъ небесью;
Прилеталъ въ царство Турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ царь Салтанъ-Бекетовичъ
Со царицею Давыдьевной,
Разговоры разговарива(е)тъ;
Говоритъ Салтанъ-Бекетовичъ:
«Ты жена моя возлюбленна,
«Молода ли свѣтъ-Давыдьевна,
«Воевать хочу святую Русь,
«Хочу взять я славный Кіевъ-градъ,
«Подарить хочу по городу
«Девяти сынамъ по русскому,
«Да привезть хочу я шубоньку
«Дорогую, соболиную».
Взговоритъ ему Давыдьевна:
«Гой ты, царь Салтанъ-Бекетовичъ!
«Ты напрасно снаряжаешься
«Воевать на землю Русскую;
«Али ты того не вѣдаешь—
«На Руси все не по-старому,
«Освѣтило красно солнышко
«Славну землю Святорусскую:
«Народился удалъ мòлодецъ,
«Богатырь Вольгà Буслаевичъ;
«Онъ теперь, Вольгà Буслаевичъ,
«На окнѣ сидитъ и слушаетъ
«Наши рѣчи съ тобой тайныя.
«Не возьмешь ты славный Кіевъ-градъ,
«Не подаришь ты по городу
«Девяти сынамъ по русскому,
«А пропасть твоей головушкѣ
«Отъ того Вольги Буслаевича».
Тѣмъ словамъ Салтанъ не вѣровалъ,
На царицу царь прогнѣвался—
По лицу ударилъ бѣлому,

Прогонялъ онъ съ глазъ Давыдьевну.
Догадался Вольгъ Буслаевичъ,
Горностаемъ ся обертывалъ,
Въ погреба бѣжалъ глубокіе;
Онъ тетивочки шелковыя
На лукахъ тугихъ накусывалъ,
Съ каленыхъ-отъ стрѣлъ желѣзочки
Онъ повынималъ—закапывалъ.
Оборачивался птицею,
Прилеталъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружинушку,
Подходилъ къ царству Турецкому.
Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою;
Во стѣнѣ ворота крѣпкія,
По булату золоченыя;
А засовы—крюки мѣдные,
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана;
По мудренымъ, мелкимъ вырѣзамъ
Въ пору ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:
«Какъ пройти намъ стѣны каменны,—
«Погубить ли добрымъ молодцамъ
«Намъ головушки напрасныя?»
Догадался Вольгъ Буслаевичъ:
Мурашемъ себя обертывалъ,
Добрыхъ молодцевъ мурашками,—
Пролѣзалъ съ своей дружиною
Въ подворотню зуба рыбьяго;
За стѣной Вольга Буслаевичъ
Оборачивалъ мурашиковъ—
Молодцами съ сбруей ратною.
Взговоритъ ли Вольгъ Буслаевичъ:
«Вы большого брата слушайте,
«Повелено дѣло дѣлайте:
«Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
«Вырубайте старъ и малаго,
«Изведите всѣхъ до кореня,
«Оставляйте только лучшіихъ
«Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ».
Тутъ Вольгу дружина слушалась:
Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
Вырубала старъ и малаго,
Изводила всѣхъ до кореня,
Не оставила на сѣмена;
Оставляла только лучшіихъ
Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.
Самъ Вольга царя отыскивалъ,

Библіотека

Во палатахъ его каменныхъ—
Двери заперты желѣзныя,
Во дверяхъ засовы крѣпкіе.
Взговоритъ ли Вольгъ Буслаевичъ:
«Хоть нога сломать, а выставить!»
Пнулъ ногой двери желѣзныя,
Поломалъ засовы крѣпкіе:
Царя славнаго турецкаго
Бралъ Вольга за ручки бѣлыя.
Говорилъ Вольга Буслаевичъ:
«А не бьютъ царей, не казнятъ васъ».
Царя хлопнулъ о кирпищатъ полъ
И расшибъ Салтана вдребезги
Тутъ дружину свою храбрую
Вольга поровну одѣливалъ:
Табуновъ коней по тысячѣ,
По боченку красна золота,
Да по дѣвушкѣ на мòлодца.

Микулушка Селяниновичъ.

Выѣзжалъ ли Вольга свѣтъ съ дружиною
По селамъ, городамъ за получкою—
Съ мужиковъ выбирать дани-выходы;
Выѣзжалъ ли сударь во чисто поле,—
Услыхалъ во чистомъ полѣ пахаря:
Слышно—пашетъ мужикъ да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,—
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
И поѣхалъ Вольга къ тому пахарю—
Цѣлый день ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга пахаря.
День, другой ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга пахаря.
Слышно—пашетъ мужикъ да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
Третій день Вольга ѣхалъ до побѣдья—
Наѣзжаетъ Вольга въ полѣ пахаря:
Въ полѣ пашетъ мужикъ да понукива(е)тъ,
Съ края въ край онъ бороздку отвалива(е)тъ,
Камни, корни сохой выворачива(е)тъ;
Какъ заѣдетъ мужикъ-отъ въ одинъ конецъ,
Со другого конца и не виднушко.
А у пахаря сошка кленовенька,
Сошники въ той сошкѣ булатные,
Захлестнуты гужочки шелковеньки,

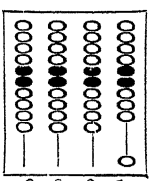
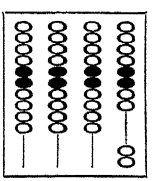
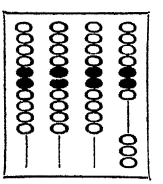
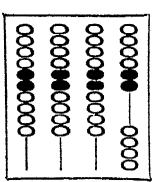
А кобылка во сошкѣ соловенька
Взговоритъ ли Вольгà тому пахарю:
«Гой, мужикъ-пахарекъ, Божья помощь те,—
«Божья помощь пахать да крестьянствовать.
«Широку борозду отворачивать
«Да коренья, каменья вывертывать!»
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А спасибо, Вольгà, благодарствуемъ,—
«Божья помощь, подитка, намъ надобна,
«Божья помощь—пахать да крестьянствовать.
«Самъ далеко ль ѣдешь со дружинушкой?
«Далеко ль Богъ несетъ—куда путь держишь?»
Взговоритъ ли Вольгà таковы слова:
«А я ѣду, мужикъ, со дружинушкой
«По селамъ, городамъ за получкою—
«Выбирать съ мужиковъ дани-выходы.
«Ай, поѣдемъ со мной во товарищахъ!»
Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,
Онъ гужочки шелковы взялъ выстегнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ òхлѣпью,
Со Вольгòю поѣхалъ въ товарищахъ.
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А не ладно, Вольгà: я въ бороздочкѣ
«Свою сошку оставилъ не убранну:
«Какъ бы сошка съ земельки повыдернуть,
«Съ сошничковъ какъ бы землю повытряхнуть,
«А и бросить сошка за ракитовъ кустъ».
Посылалъ тутъ Вольгà десять молодцевъ:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ мòлодцы,
Соскочили въ бороздку съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовеньку,—
Отъ земли этой сошки поднять нельзя,
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
А и шлетъ ли Вольгà всю дружинушку:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинушка,
Разомъ брàлась за сошку кленовую,—
Только сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,

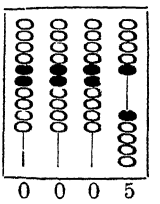
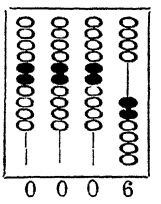
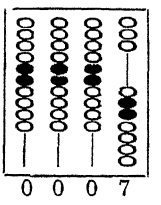
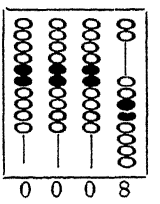
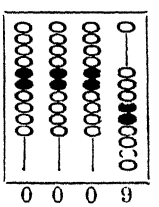
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ-деревенщина:
Онъ слѣзалъ со кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попехивалъ,
Изъ земельки онъ сошку выдергивалъ,
Съ сошничковъ онъ земельку вытряхивалъ,
Онъ палицей камлыжки соскребывалъ,
А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.
На добрыхъ коней сѣли, поѣхали.
Выѣзжаютъ они на дороженьку:
Мужикова кобылка ходой идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцой пошла,
А Вольгинъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.
Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется,—
Во всю прыть Вольга ѣдетъ сугоною.
Мужику тутъ Вольга сталъ покрикивать,
Мужику колпакомъ сталъ помахивать:
«Ты, мужикъ-пахарекъ, ты постой, подожди,—
«За тобою, мужикъ, не угонишься».
На Вольгу тутъ мужикъ пріоглянулся,
Сталъ кобылку свою укорачивать,—
И поѣхали шагомъ дорожкою.
Взговоритъ ли Вольга таковы слова.
«У тебя ли, мужикъ, лошадь добрая;
«Кабы лошадь твоя да конькомъ была,—
«За лошадку цѣна бы пятьсотъ рублей».
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А и глупъ ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь,—
«Я кобылочку взялъ изъ-подъ матери.
«За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;
«А конькомъ бы была—ей и смѣты нѣтъ»
Взговоритъ ли Вольга таковы слова:
«А и какъ тя, мужикъ, звать по имени,
«Величать тебя какъ по изотчеству?»
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А я ржи напашу, во скирды сложу,
«Домой выволоку, дома вымолочу,
«Да и пива сварю, мужиковъ созову;
«И почнутъ мужики тутъ покликивать:
«Гой, Микула-свѣтъ, ты Микулушка
«Свѣтъ-Микулушка, да Селяниновичъ!»

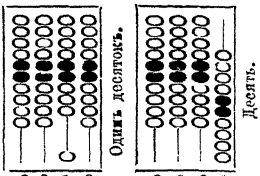
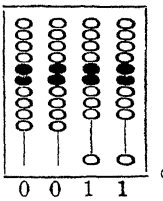
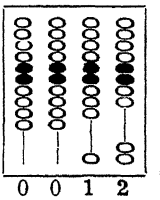
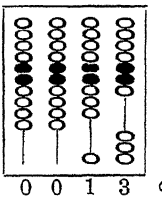
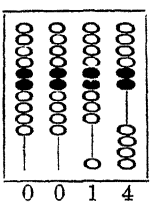
АРИѲМЕТИКА.

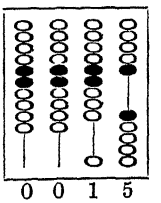
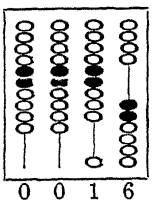
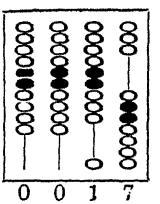
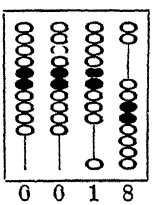
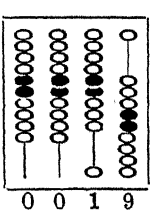
Часть I. Четыре правила.

СЧЕТЪ.

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія.
Ничего и одинъ. Два безъ одного.	Одинъ.	а	I	 0 0 0 1	1
Одинъ и одинъ. Три безъ одного.	Два.	в	II	 0 0 0 2	2
Два и одинъ. Четыре безъ одного.	Три.	г	III	 0 0 0 3	3
Три и одинъ. Пять безъ одного.	Четыре.	д	IIII или IV Пятокъ безъ одного.	 0 0 0 4	4

Названія.		Славянскія.	Римскія.	Насчетахъ.	Арабскія
Четыре и одинъ. Шесть безъ одного.	Пять.	ѕ	V Пятокъ	 0 0 0 5	5
Пять и одинъ. Семь безъ одного.	Шесть.	ѕ	VI Пятокъ и одинъ.	 0 0 0 6	6
Шесть и одинъ. Восемь безъ одного.	Семь.	ѕ	VII Пятокъ и два.	 0 0 0 7	7
Семь и одинъ. Девять безъ одного.	Восемь.	ѕ	VIII Пятокъ и три.	 0 0 0 8	8
Восемь и одинъ. Девять безъ одного.	Девять.	ѕ	VIIII Пятокъ и четыре. или IX Десятокъ безъ одного.	 0 0 0 9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.		На счетахъ.	Арабскія. Десятки	Арабскія. Простыя.
Девять и одинъ. Одиннадцать безъ одного.	Десять.	і	X	Десятокъ.		1	0
Десять и одинъ. Двѣнадцать безъ одного.	Одиннадцать.	аі	XI	Десятокъ и одинъ.		1	1
Десять и два Тринадцать безъ одного.	Двѣнадцать.	ві	XII	Десятокъ и два.		1	2
Десять и три. Четырнадцать безъ одного.	Тринадцать.	гі	XIII	Десятокъ и три.		1	3
Десять и четыре. Пятнадцать безъ одного.	Четырнадцать.	ді	XIIII или XIV	Десятокъ и пятокъ безъ одного. / Десятокъ и четыре.		1	4

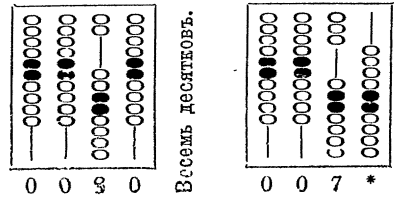
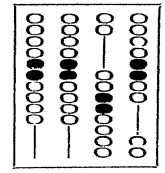
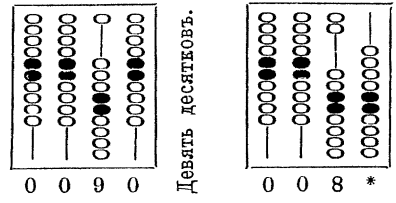
Названія.		Славянскія	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Десять и пять. Шестнадцать безъ одного.	Пятнадцать.	і҃е	XV Десятокъ и пятокъ.	 0 0 1 5 Одинъ десятокъ и пять.	1	5
Десять и шесть. Семнадцать безъ одного	Шестнадцать.	і҃ѕ	XVI Десятокъ, пятокъ и одинъ.	 0 0 1 6 Одинъ десятокъ и шесть.	1	6
Десять и семь. Восемнадцать безъ одного.	Семнадцать.	і҃з	XVII Десятокъ, пятокъ и два.	 0 0 1 7 Одинъ десятокъ и семь.	1	7
Десять и восемь Девятнадцать безъ одного.	Восемнадцать.	і҃и	XVIII Десятокъ, пятокъ и три.	 0 0 1 8 Одинъ десятокъ и восемь.	1	8
Десять и девять. Двадцать безъ одного	Девятнадцать.	і҃ѳ	XIX Десятокъ и десятокъ безъ одного	 0 0 1 9 Одинъ десятокъ и девять.	1	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія.	
					Десятки.	Просто числа.
Девятнадцать и одинъ.	Двадцать.	к	XX	Два десятка. 0 0 2 0 Одинъ десятокъ и десять. 0 0 1 *	2	0
Двадцать одинъ безъ одного.						
Двадцать семь и одинъ.	Двадцать восемь.	кн	XXVIII	Два десятка и восемь. 0 0 2 8	2	8
Двадцать девять безъ одного.						
Двадцать восемь и одинъ.	Двадцать девять.	кѳ	XXIX	Два десятка и девять. 0 0 2 9	2	9
Тридцать безъ одного.						

НАЗВАНІЯ.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Двадцать девять и одинъ.	Тридцать.	XXX	Три десятка. 0 0 3 0 — Два десятка и десять. 0 0 2 *	3	0
Тридцать одинъ безъ одного.					
Тридцать шесть и одинъ	Тридцать семь.	XXXVII	Три десятка и семь. 0 0 3 7	3	7
Тридцать восемь безъ одного.					
Тридцать восемь и одинъ	Тридцать девять.	XXXIX	Три десятка и девять. 0 0 3 9	3	9
Сорокъ безъ одного.					

НАЗВАНІЯ.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простая.
Тридцать девять и одинъ.	М	XXXX или IX Полсотни безъ десятка.	Четыре десятка. 0 0 4 0 Три десятка и десятка. 0 0 3 *	4	0
Сорокъ одинъ безъ одного.					
Сорокъ девять и одинъ.	Н	L Полсотни.	Пять десятковъ. 0 0 5 0 Четыре десятка и десятка. 0 0 4 *	5	0
Пятьдесятъ одинъ безъ одного.					
Пятьдесятъ восемь и одинъ.	НѲ	LIX Пятьдесятъ девять.	Пять десятковъ и девять. 0 0 5 9	5	9
Шестьдесятъ безъ одного.					

НАЗВАНІЯ.	Славян.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Араб. Десят.	Араб. Простая
Пятьдесять девять и одинъ. Шестьдесять безъ одного.	ѯѯѧ	LX Полсотни и десятокъ.	Шесть десятковъ. 0 0 6 0 Пять десятковъ и десять. 0 0 5 *	6	0
Шестьдесять три и одинъ. Шестьдесять пять безъ одного.	ѯѳ	LXIV Шесть десятковъ и четыре. 0 0 6 4		6	4
Шестьдесять девять и одинъ. Семьдесять безъ одного.	ѯѕ	LXX Семь десятковъ. 0 0 7 * Шесть десятковъ и десять.		7	0

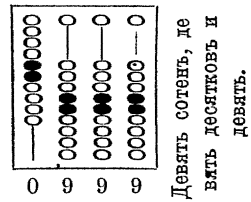
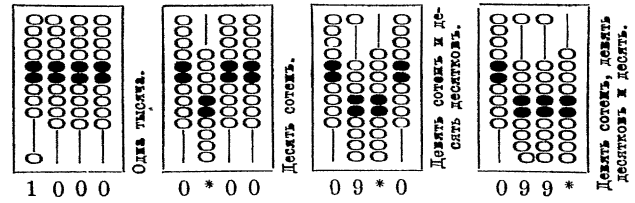
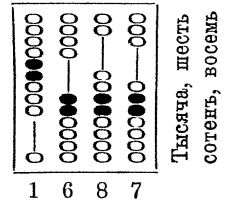
НАЗВАНІЯ.		Славянскія	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятк.	Арабскія. Простыя.
Семьдесятъ девять и одинъ. Восемьдесятъ одинъ безъ одного.	Восемьдесятъ.	ѧ П	LXXX	 0 0 8 0 Восемь десятковъ. 0 0 7 * Семь десятковъ и десять.	8	0
Восемьдесятъ одинъ и одинъ. Восемьдесятъ три безъ одного.	Восемьдесятъ два.	ѧ ПВ	LXXXII	 0 0 8 2 Восемь десятковъ и два.	8	2
Восемьдесятъ девять и одинъ. Девяносто одинъ безъ одного.	Девяносто.	ѧ Ч	LXXXX Полсотни и четыре десятка. или XC Сотня безъ десятка.	 0 0 9 0 Девять десятковъ. 0 0 8 * Восемь десятковъ и десять.	9	0

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія.		
				Сотни.	Десятки.	Простые.
Девяносто четыре и одинъ. Девяносто шесть безъ одного.	Девяносто пять.	XCV	Девять десятковъ и пять. 0 0 9 5		9	5
Девяносто восемь и одинъ. Сто безъ одного.	Девяносто девять.	XCIX	Девять десятковъ и девять. 0 0 9 9		9	9
Девяносто девять и одинъ. Сто одинъ безъ одного.	Сто.	C сотня.	Одна сотня. 0 1 0 0 Десять десятковъ. 0 0 * 0 Девять десятковъ и десять. 0 0 9 *	1	0	0

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НАСЧЕТАХЪ.	Арабскія. Сотни.	Десятки.	Простая
Сто девяносто восемь и одинъ. Двѣсти безъ одного.		CXCIX или CLXXXXVIIII	Сто девяносто девять.	1	9	9
Сто девяносто девять и одинъ. Двѣсти одинъ безъ одного.		CC	Двѣсти сотни.	2	0	0
Двѣсти девяносто восемь и одинъ. Триста безъ одного.		CCXCIX	Двѣсти девяносто девять сотенъ, девять десятковъ и девять.	2	9	9

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НАСЧЕТАХЪ.	Арабскія.
Двѣсти девяносто девять и одинъ. Триста одинъ безъ одного.	Триста.	ССС Триста.	Двѣсти девяносто девять и одинъ. Триста одинъ безъ одного.	3 9 9
Четыреста девяносто семь и одинъ. Пятьсотъ безъ одного.	Четыреста девяносто девять.	CCCCXCIX или CDXCIX	Четыре сотни, девять десятковъ и девять.	4 9 9
Четыреста девяносто девять и одинъ. Пятьсотъ одинъ безъ одного.	Пятьсотъ.	D Полтысячи.	Пять сотенъ. Четыре сотни и десять десятковъ. Четыре сотни, девять десятковъ и десять.	5 0 0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НАСЧЕТАХЪ.	Арабскія.	
					Сотни.	Про-стыя
Шестьсотъ девяносто восемь и одинъ. Семьсотъ безъ одного.	Шестьсотъ девяносто девять.	ѱ҃ѳ҃	DCXCIX	Шесть сотенъ, девять десятковъ и девять. 0 6 9 9	6	9
Шестьсотъ девяносто девять и одинъ. Семьсотъ одинъ безъ одного.	Семьсотъ.	ѱ҃	DCC	Семь сотенъ. 0 7 0 0	7	0
			Полтысячи и двѣ сотни.	Шесть сотенъ и десять десятковъ. 0 6 * 0		
				Шесть сотенъ, девять десятковъ и десять. 0 6 9 *		
Восемьсотъ четырнадцать и одинъ. Восемьсотъ шестнадцать безъ одного.	Восемьсотъ пятнадцать.	ѱ҃ѥ҃	DCCCXV	Восемь сотенъ, одинъ десятокъ и пять. 0 8 1 5	8	1 5

Названія.	Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Тысячи.	Сотни	Десятки	Простыя.
Девятьсотъ девяносто восемь и одинъ. Тысяча безъ одного. — Девятьсотъ девяносто девять.	ЦЧѢ.	DCCCCXCIX или CMXCIX	 0 9 9 9 Девять сотенъ, девять десятковъ и девять.		9	9	9
Девятьсотъ девяносто девять и одинъ. Тысяча одинъ безъ одного. — Тысяча.	҂а	M	 1 0 0 0 Одна тысяча. 0 * 0 0 Десять сотенъ. 0 9 * 0 Девять сотенъ и десять десятковъ. 0 9 9 * Девять сотенъ, девять десятковъ и десять.	1	0	0	0
Тысяча шестьсотъ восемьдесятъ семь.	҂аХПЗ	MDCLXXXVII	 1 6 8 7 Тысяча, шесть сотенъ, восемь десятковъ и семь.	1	6	8	7

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НАСЧЕТАХЪ.	Арабскія.			
				Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простые.
Двѣ тысячи три.	×кг	MMIII	2 0 0 3 Двѣ тысячи и три.	2	0	0	3
			1 * 0 3 Одна тысяча, десять сотень и три.				
			1 9 * 3 Одна тысяча, девять сотень, десять десятковъ и три.				
Тысяча сто.	×ар	MC	1 1 0 0 Одна тысяча и одна сотня.	1	1	0	0
			1 0 * 0 Одна тысяча и десять десятковъ.				
			1 0 9 * Одна тысяча, девять десятковъ и десять.				
Три тысячи шестьдесятъ три.	×гзг	MMMLXIII	3 0 6 3 Три тысячи, шесть десятковъ и три.	3	0	6	3
			2 * 6 3 Двѣ тысячи, десять сотенъ, шесть десятковъ и три.				

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НАСЧЕТАХЪ	Арабскія.
Три тысячи восемьсотъ пять.	ѯѳѵ	MMMDCCCV	Три тысячи, семь сотенъ, десять восемь сотенъ и пять.	3 8 0 5
Четыре тысячи сто пять.	ѧѵ	MMMMCV	Четыре тысячи, одна сотня и пять.	4 1 0 5

ЦИФРЫ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

217, двѣсти семнадцать.
314, триста четырнадцать.
5011, пять тысячъ одиннадцать.
718, семьсотъ восемнадцать.
3019, три тысячи девятнадцать.
40, сорокъ; 90, девяносто.
200, двѣсти; 300, триста.
190, сто девяносто.
8040, восемь тысячъ сорокъ.
595, пятьсотъ девяносто пять.
643, шестьсотъ сорокъ три.
147, сто сорокъ семь.
298, двѣсти девяносто восемь.
196, сто девяносто шесть.
414, четыреста четырнадцать.
1241, тысяча двѣсти сорокъ одинъ.
2362, двѣ тысячи триста шестьдесятъ два.
390, триста девяносто.
240, двѣсти сорокъ.

5486 можно выговаривать: 5,486—пять тысячъ, четыреста восемьдесятъ шесть простыхъ. И можьо выговаривать: 54,86—пятьдесятъ четыре сотни и восемьдесятъ шесть простыхъ. И еще можно выговаривать: 548,6—пятьсотъ сорокъ восемь десятковъ и шесть простыхъ.

3,121 = 31,21 = 312,1. 8,965 = 89,65 = 896,5.

СЧЕТЪ СЛАВЯНСКИМИ ЦИФРАМИ.

Десять и пять = пятнадцать . . . . . $\overline{\text{і}}+\overline{\text{є}}=\overline{\text{єі}}$.
Двадцать и семь = двадцать семь . . . . . $\overline{\text{к}}+\overline{\text{з}}=\overline{\text{кз}}$.
Тридцать и девять = тридцать девять . . . . . $\overline{\text{л}}+\overline{\text{ѳ}}=\overline{\text{лѳ}}$.
Сто и сорокъ = сто сорокъ . . . . . $\overline{\text{р}}+\overline{\text{м}}=\overline{\text{рм}}$.
Триста и семьдесятъ и еще восемь = триста семьдесятъ восемь. . . . . $\overline{\text{т}}+\overline{\text{о}}+\overline{\text{и}}=\overline{\text{тои}}$.
Тридцать и пятьдесятъ = восемьдесятъ. . . . . $\overline{\text{л}}+\overline{\text{н}}=\overline{\text{н}}$.
Сорокъ пять и семнадцать = шестьдесятъ два . $\overline{\text{мє}}+\overline{\text{зі}}=\overline{\text{сзв}}$.
Триста и двѣсти = пятьсотъ . . . . . $\overline{\text{т}}+\overline{\text{с}}=\overline{\text{ф}}$.
Сто девяносто девять и одинъ = двѣсти. . . . $\overline{\text{р}}\overline{\text{ч}}\overline{\text{ѳ}}+\overline{\text{а}}=\overline{\text{с}}$.
Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два = тысяча. . . . . $\overline{\text{у}}\overline{\text{кв}}+\overline{\text{ф}}\overline{\text{ов}}=\overline{\text{х}}\overline{\text{а}}$.

Славянскія цифры помогаютъ въ счетѣ только тогда, когда къ десяткамъ присчитываешь простыя или къ сотнямъ десятки.

Тогда только пишутся тѣ же буквы. Напр. к + б = кб. А какъ только станешь считать простыя съ простыми, или десятки съ десятками, или сотни съ сотнями,—такъ на каждое число пишутся другія буквы. Напр. м + н = ч.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ БЕЗЪ СОКРАЩЕНІЯ.

Десять и пять = пятнадцать . . . . . X + V = XV.
Восемь и шесть = четырнадцать . . . . . VIII + VI = XIIII.
Тридцать пять и тринадцать = сорокъ восемь. . . . . XXXV + XIII = XXXXVIII.
Сто тридцать семь и двадцать два = сто пятьдесятъ девять. . . . . CXXXVII + XXII = CLIX.
Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два = тысяча . . . . . CCCCXXVIII + DLXXII = M.

Чтобы считать римскими цифрами, надо только списывать вмѣстѣ: тысячи M съ тысячами M; полтысячи D съ полтысячами D; сотни C съ сотнями C; полсотни L съ полсотнями L; десятки X съ десятками X; пятки V съ пятками V, и единицы I съ единицами I. И потомъ счесть сколько выйдетъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ, пятковъ, единицъ.

DCCLXXXVIII + DCCCLXXVIII = DDCCCCCLLXXXXXVVIIIII.

Когда написалъ — что вышло, тогда своди единицы въ пятки, пятки въ десятки, десятки въ полсотни, полсотни въ сотни, сотни въ полтысячи, полтысячи въ тысячи:

IIII = V.
VV = X.
XXXXX = L.
LL = C.
CCCCC = D.
DD = M.

Было написано: DDCCCCCLLXXXXXVVIIIII.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXVVVI.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXXVI.
Все равно: DDCCCCCLLLXVI.
Все равно: DDCCCCCCLXVI.
Все равно: DDDCLXVI.
Все равно: MDCLXVI.

LVI + XXXXIIII = LXXXXVIIIII = LXXXXVV = LXXXXX = LL = C.
CLXXXIIII + XVI = CLXXXXVIIIII = CLXXXXVV = CLXXXXX = CLL = CC.
CCCXXXXIII + DCLVII = DCCCCLXXXXVIIIII =
DCCCCLXXXXVV = DCCCCLXXXXX = DCCCCLL =
DCCCCC = DD = M.

ПРИМѢРЫ ДЛЯ СЧЕТА РИМСКИМИ ЦИФРАМИ.

CCLIII + CCCLXXVI
CCCCXXII + DXVIII.
DCLXXXXVIII + DLVI.
DCCLXXXII + XXV
LXIIII + DCLXVI.
DCCCCXIII + CXII.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ СЪ СОКРАЩЕНІЯМИ.

Для того, чтобы меньше писать римскими цифрами, пишутъ тоже и такъ: четыре пишутъ не четыре палочки — IIII, а пишутъ пять и передъ пятью ставятъ одинъ,—значитъ пять безъ одной; четыре—IV. И девять пишутъ не пять и четыре — VIIII, а десять безъ одной—IX. И сорокъ пишутъ не четыре десятка — XXXX, а полсотни безъ десятка—XL. И девяносто пишутъ не полсотни и четыре десятка — LXXXX, а сотню безъ десятка — XC. И четыре сотни пишутъ не четыре сотни—CCCC, а полтысячи безъ сотни—CD. И девятьсотъ пишутъ не полтысячи и четыре сотни—DCCCC, а тысячу безъ сотни—CM.

XXIX + XIV = XLIII.
CXLIII + LIV = CXCVII.
XCV + XLIV = CXXXIX.
CXCIX + CDXCIX = DCXCVIII.
CDXXIX + CCCLXXVI = DCCCV.

Чтобы считать сокращенными цифрами, надо точно такъ же списывать вмѣстѣ тысячи, полтысячи, сотни, полсотни, десятки, пятки, единицы и потомъ сличать, сколько выходитъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ.

Считать надо такъ: если надо счесть IV + IV, то выйдетъ два пятка, десятокъ; изъ десятка надо взять два, — останется восемь, и напиши VIII. Если надо счесть IV и V, то два пятка—десять; и изъ десяти надо взять одинъ; такъ и оставь одинъ, будетъ — IX. Если надо счесть IV + VI, то въ одномъ пяткѣ надо взять I, а къ другому прибавить; значитъ—ни прибавлять, ни убавлять,— будетъ X. Если счесть IX и IV, то надо изъ XV взять два, будетъ — XIII. Если счесть IX + XI, то у одного взять, къ другому прибавить по одному, будетъ—XX.

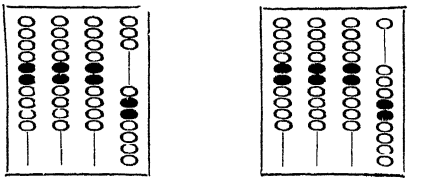
Такъ же надо считать полсотни и сотни безъ десятковъ, и тысячи и полтысячи безъ сотенъ.

CXLIII + LIV = CXLLIVIII = CXLLVII = CXCVII.
CXCIX + CDXCIV = CDCXCXCIXIV = CDCXCXCXIII =
= CDCCLXXXXIII = CDCCLXLIII = CDCCXCIII = DCXCIII.

Считать сокращенными римскими цифрами трудно. Чтобы скорѣе считать надо переводить сокращенныя на несокращенныя.

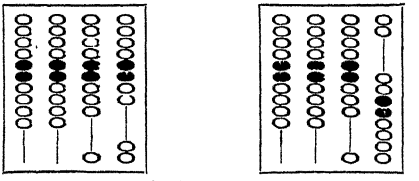
СЧЕТЪ НА СЧЕТАХЪ И АРАБСКИМИ.

7 и 2. Положи на *простыхъ* 7 костей и еще 2. Сочти, сколько выйдетъ, и запиши подъ простыми 9.



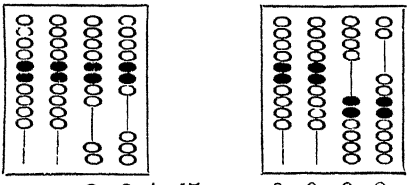
7 + 2 = 0 0 0 9

12 и 6. Положи одинъ десятокъ и двѣ простыхъ. Къ простымъ приложи 6. Сочти и запиши подъ простыми 8, подъ десятками 1.



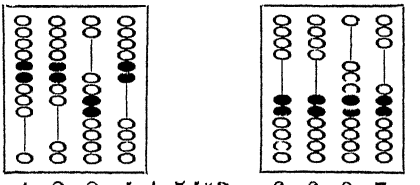
1 2 + 6 = 0 0 1 8

23 и 45. Положи 2 десятка и 3 простыхъ. Къ десяткамъ приложи 4. Сочти и запиши подъ десятками 6. Къ простымъ приложи 5; сочти и запиши подъ простыми 8.



2 3 + 45 = 0 0 6 8

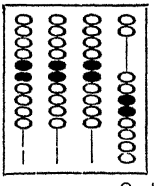
1284 + 5413 =



1 2 8 4 + 5413 = = 6 6 9 7

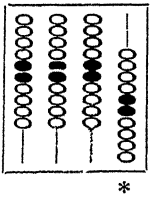
8 и 6.

Положи 8 простыхъ и прикладывай 6 по одной.



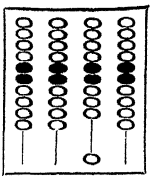
8 + 2

Двѣ приложишь, — будетъ всего десять, а 4-хъ недостанетъ.



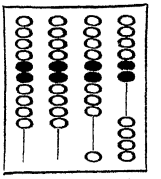
*

Скинь назадъ десять простыхъ, а на мѣсто ихъ положи одинъ десятокъ.



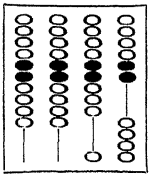
1 0 + 4

Положи въ простыхъ 4. Вышло 14.

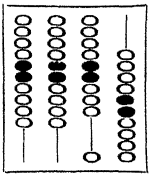


1 4

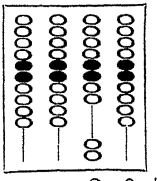
14 + 7 =



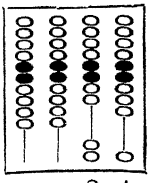
1 4 + 6 =



1 *

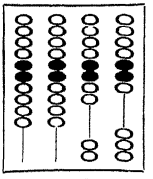


2 0 + 1 =

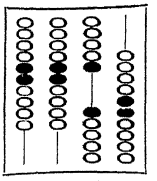


2 1

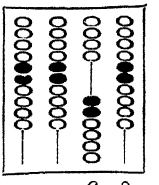
23 + 37 =



2 3 + 37 =

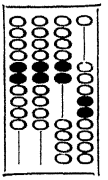


5 * =

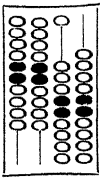


6 0

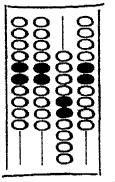
49 + 58 =



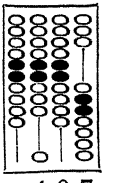
49 + 51 =



9 * =

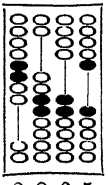


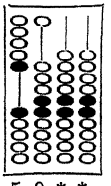
* 0 + 7 =



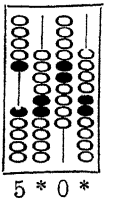
1 0 7

2865 + 3147 = 6012

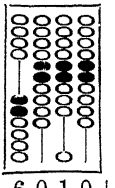




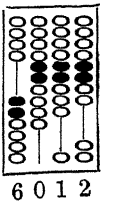
2 8 6 5 + 3145 = 5 9 * *



5 * 0 * =



6 0 1 0 + 2 =



6 0 1 2

ТАБЛИЦА АРАБСКИХЪ ЧИСЕЛЪ ДО МИЛЛІОНА.

Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя
9	3	4	1	0	5	2
7	8	0	4	8	3	7
3	0	7	6	3	2	9
	1	2	0	5	4	8
		6	9	5	3	2
			6	4	1	0

Милліоны	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
3	2	9	6	3	8	6
4	5	2	7	8	9	1
1	3	7	4	3	5	2
			3	6	0	8
	7	4	2	5	9	0
				1	8	3

5624328 можно выговаривать: пять *милліоновъ*, шестьсотъ двадцать четыре тысячи, триста двадцать восемь простыхъ.

56,24328 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть *сотенъ тысячъ*, и двадцать четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

562, 4328 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ два *десятка тысячъ*, и четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

5624,328 можно еще выговаривать: пять тысячъ, шестьсотъ двадцать четыре *тысячи*, и триста двадцать восемь простыхъ.

56243,28 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть тысячъ двѣсти сорокъ три *сотни*, и двадцать восемь простыхъ.

562432,8 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ двѣ тысячи четыреста тридцать два *десятка*, и восемь простыхъ.

1382516 можно выговаривать: одинъ милліонъ, и триста восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 13,82516 можно выговаривать: тринадцать сотенъ тысячъ, и восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 138,2516 можно выговаривать: сто тридцать восемь десятковъ тысячъ, и двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 1382,516 можно выговаривать: тысяча триста восемьдесятъ двѣ тысячи, и пятьсотъ шестнадцать. Еще 13825,16 можно выговаривать: тринадцать тысячъ восемьсотъ двадцать пять сотенъ, и шестнадцать простыхъ. Еще 138251,6 можно выговаривать: сто тридцать восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ одинъ десятокъ, и шесть простыхъ.

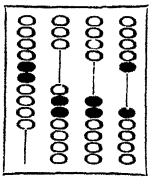
СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ

Если считаешь такъ: два и три будетъ пять, $2+3=5$; четыре и шесть будетъ десять, $4+6=10$; сто тридцать два и двѣсти тридцать семь будетъ триста шестьдесятъ девять, $132+237=369$,—то дѣлаешь *сложеніе*.

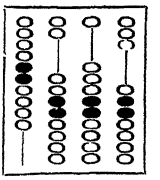
Если считаешь такъ: пять безъ двухъ останется три, 5—2=3; десять безъ шести останется четыре, 10—6=4; триста шестьдесятъ девять безъ ста тридцати двухъ останется двѣсти тридцать семь, 369—132=237,—то дѣлаешь *вычитаніе*.

Сложить:

765+132



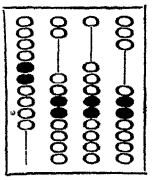
7 6 5+132=



8 9 7

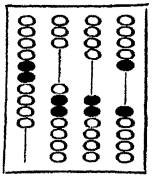
Вычесть:

897—132. Положи на счеты восемь сотенъ, девять десятковъ, семь простыхъ.



8 9 7

Скидывай со счетовъ 1 изъ сотенъ, 3 изъ десятковъ, 2 изъ простыхъ. Осталось:



897—132= 7 6 5

Сложить:

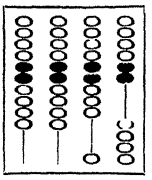
3331+2348. 45+21. 6084+1311. 56+43. 47821+2147.

Вычесть:

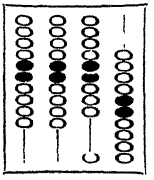
5679—2348. 5679—3331. 67—21. 67—45. 7395—6084.
7395—1311. 99—56. 99—43. 49969—47821. 39969—2147.

Сложить:

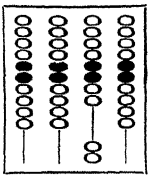
14+6



1 4+6=



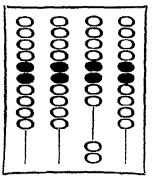
1 * =



2 0

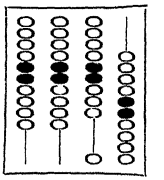
Вычесть:

20 — 6. Положи на счеты два десятка.



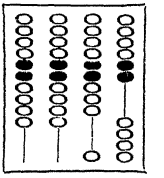
2 0

Скидывай шесть простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ; положи два десятка такъ, чтобы были простыя.



1 *

Изъ простыхъ скинь шесть; вышло:



20 — 6 = 1 4

Сложить:

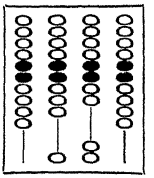
15 + 5. 38 + 12. 49 + 31. 89 + 1.

Вычесть:

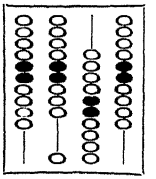
20 — 5. 20 — 15. 50 — 38. 50 — 12. 80 — 31. 81 — 49. 90 — 89. 90 — 1.

Сложить:

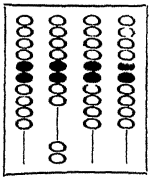
120 + 80



1 2 0 + 80 =



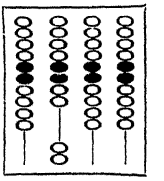
1 * 0 =



2 0 0

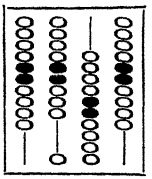
Вычесть:

200 — 80. Положи на счеты двѣ сотни.



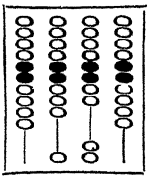
2 0 0

Скидывай восемь десятковъ изъ десятковъ. Десятковъ нѣтъ. Положи двѣ сотни такъ, чтобы были десятки.



1 * 0

Изъ десятковъ скинь восемь. Сочти, сколько осталось.



200 — 80 = 1 2 0

Сложить:

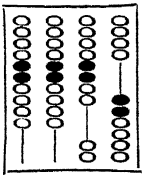
110 + 90. 220 + 80. 330 + 70. 440 + 60. 150 + 50. 770 + 30. 890 + 10.

Вычесть:

200 — 90. 200 — 110. 300 — 80. 300 — 220. 500 — 60. 500 — 440. 600 — 50. 600 — 550. 800 — 30. 800 — 770. 900 — 10. 900 — 890.

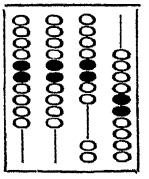
Сложить:

26 + 7. Положи на счетахъ два десятка и шесть простыхъ.



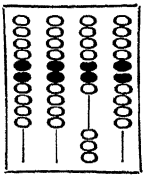
2 6

Прикладывай семь простыхъ къ простымъ. Приложишь четыре — будетъ десять простыхъ, и трехъ недостанетъ.



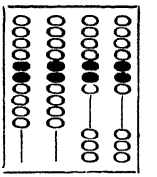
2 *

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



3 0

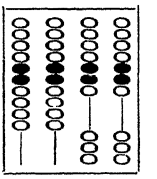
Приложи три простыхъ. Вышло три десятка и три простыхъ.



26 + 7 = 3 3

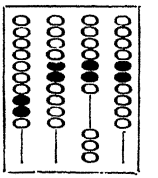
Вычесть:

33 — 7. Положи на счетахъ три десятка и три простыхъ.



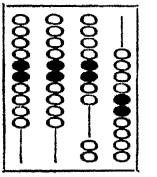
3 3

Скидывай семь простыхъ изъ простыхъ. Три скинешь,—четырехъ недостанетъ.



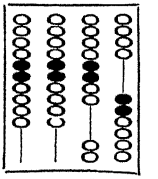
3 0

Переложи изъ трехъ десятковъ одинъ на десять простыхъ.



2 *

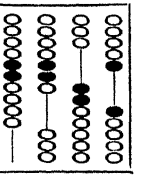
Теперь скинь то, что недостало.—четыре простыхъ. Останется два десятка и шесть простыхъ.



33 — 7 = 2 6

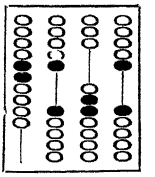
Сложить:

375 + 246. Положи на счеты три сотни, семь десятковъ и пять простыхъ.

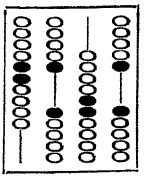


3 7 5

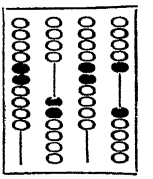
Прикладывай двѣ сотни къ тремъ сотнямъ, — будетъ пять сотенъ.



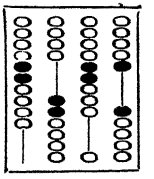
Прикладывай четыре десятка къ семи десяткамъ. Приложи три, — будетъ десять десятковъ, а одного недостанетъ.



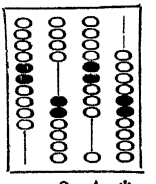
Переложи десять десятковъ на одну сотню.



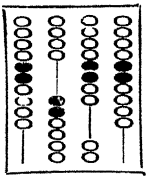
Теперь приложи то, что недостало, — одинъ десятокъ.



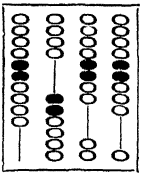
Прикладывай шесть простыхъ къ пяти простымъ. Приложишь пять простыхъ.—будетъ десять, а одной недостанетъ.



Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



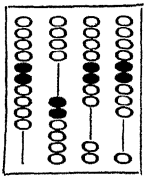
Приложи то, что недостало,—одну простую. Вышло.



375 + 246 = 6 2 1

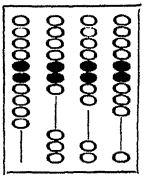
Вычесть:

621 — 375. Положи на счеты шесть сотенъ, два десятка, одну простую.



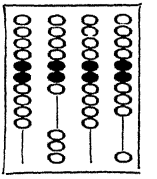
6 2 1

Скидывай изъ шести сотенъ три сотни; останется:



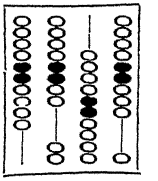
3 2 1

Изъ двухъ десятковъ скидывай семь; два скинешь,—пяти недостанетъ; останется:



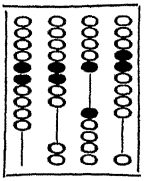
3 0 1

Переложи изъ трехъ сотенъ одну такъ, чтобы были десятки.



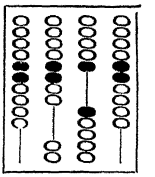
2 * 1

Скидывай то, что недостало, — пять десятковъ; останется:



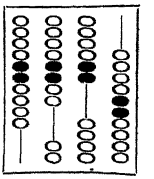
2 5 1

Скидывай пять простыхъ изъ одной простой. Скинешь одну,—четырехъ недостанетъ.



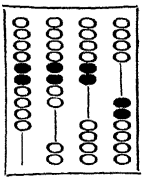
2 5 0

Переложи пять десятковъ такъ, чтобы было десять простыхъ.



2 4 *

Скидывай сколько недостало,—четыре простыхъ; останется:



621 — 375 = 2 4 6

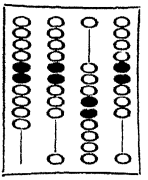
Сложить:

397 + 145. 428 + 387. 613 + 298.

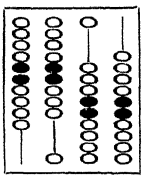
Вычесть:

542 — 397. 542 — 145. 815 — 357. 911 — 613. 911 — 298

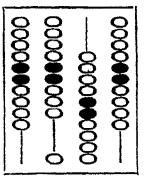
Сложить: 191 + 9.



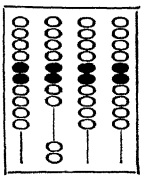
1 9 1 + 9 =



1 9 * =



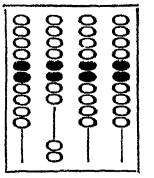
1 * 0 =



2 0 0

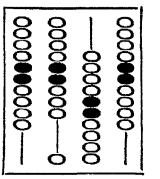
Вычесть:

200—9. Положи на счеты двѣ сотни.



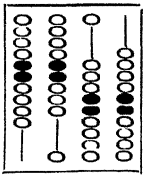
2 0 0

Скидывай девять простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ, и десятковъ нѣтъ. Переложи сотню на десять десятковъ



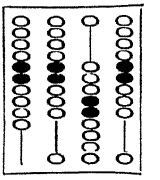
1 * 0

Переложи десять десятковъ такъ, чтобы были простыя.



1 9 *

Скидывай изъ десяти простыхъ девять простыхъ; останется:



200 — 9 = 1 9 1

Сложить:

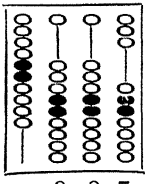
293 + 7. 496 + 4. 792 + 8. 985 + 15. 1837 + 163. 3799 + 1.

Вычесть:

300 — 7. 300 — 293. 500—4. 500 — 496. 800—8. 800—792. 1000—15. 1000 — 985. 2000 — 163. 2000 — 1837. 4000 — 3799. 4000 — 1.

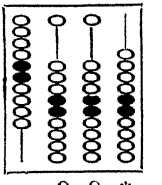
Сложить:

997 + 8. Положи 997.



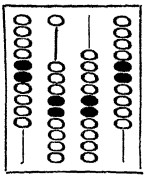
9 9 7

Прикладывай къ семи простымъ восемь простыхъ. Приложишь три, а пяти недостанетъ. Выйдетъ:



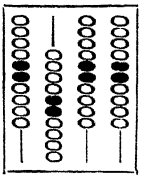
9 9 *

Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ; будетъ:



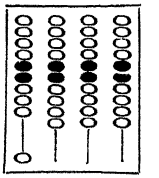
9 * 0

Переложи десять десятковъ на одну сотню; будетъ:



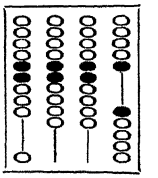
* 0 0

Переложи десять сотенъ на одну тысячу; будетъ:



1 0 0 0

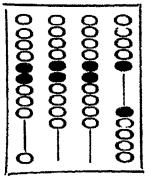
Приложи теперь, что недостало,—пять простыхъ; будетъ:



997 + 8 = 1 0 0 5

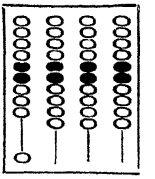
Вычесть:

1005 — 8. Положи на счеты одну тысячу и пять простыхъ.



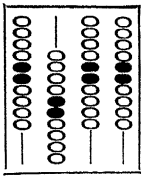
1 0 0 5

Скидывай изъ пяти простыхъ восемь. Пять скинешь, трехъ недостанетъ.



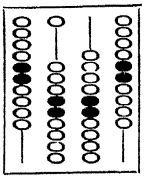
1 0 0 0

Простыхъ нѣтъ, десятковъ нѣтъ, сотенъ нѣтъ; положи тысячу на десять сотенъ.



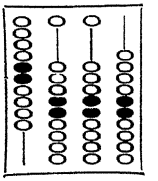
* 0 0

Изъ десяти сотенъ одну положи такъ, чтобы были десятки.



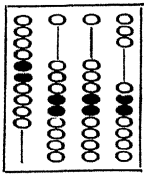
9 * 0

Изъ десяти десятковъ положи одинъ такъ, чтобы были простыя.



9 9 *

Изъ десяти скинь, что недостало,—три простыхъ. Осталось:



1005—8= 9 9 7

Сложить:

999 + 1. 3992 + 8. 998 + 7. 6000 + 4000. 9800 + 200. 9950 + 50. 9993 + 7. 100097 + 1498. 9999 + 30005.

Вычесть:

1000 — 1. 1000 — 999. 4000 — 8. 4000 — 3992. 1005 — 998. 1005 — 7. 10000 — 4000. 10000 — 6000. 10000 — 50. 10000 — 9950. 10000 — 9993. 10000 — 7. 101595 — 100097. 101595 — 1498. 40004 — 9999. 40004 — 30005.

БЕЗЪ СЧЕТОВЪ СЧИТАТЬ СЛѢВА.

Сложить: 565 + 839.

Сочти, сколько сотенъ, и запиши... 1300, тринадцать сотенъ, а 5 и 8 сотенъ зачеркни . . . . 565 + 839.

Сочти, сколько десятковъ, и запиши подъ 13 сотнями 1300

90, девять десятковъ, а 6 и 3 десятка зачеркни . . . . . 565 + 839.

Сочти простыя и запиши подъ 9 десятками. 1300

90

14 простыхъ.

а 9 и 5 зачеркни . . . . . 565 + 839.

Сочти, сколько сотенъ, десятковъ и простыхъ . . . . . 13*4.

Десять десятковъ—все равно, что одна сотня; вышло . 1404.

987 + 654 =	876 + 329
1500	1100
130	90
11	15
1641	11*5 = 1205

Вычесть: 1404 — 565.

1) Скидывай сотни изъ сотенъ. Недостанетъ. Разложи одну тысячу на сотни и запиши такъ . . . . . $\overset{*}{4}04$

Изъ 14 сотенъ скинь 5 сотенъ . . . . . $\overset{*}{4}04 - 500$

Останется 9 сотенъ; запиши 904

2) Скидывай десятки отъ десятковъ . . . . . 904 — 60

Десятковъ нѣтъ Разложи 9 сотенъ такъ, чтобы были десятки . . . . . $904 = 8\overset{*}{0}4$

Скинь 6 десятковъ изъ 10; останется . . . . . 844.

3) Скидывай простыя изъ простыхъ. Недостанетъ. Разложи 4 десятка такъ, чтобы были простыя . . . . $844 = 83\overset{*}{4}$

Скинь 5 простыхъ; останется . . . . . 839.

1404 — 839.

1404	$(=\overset{*}{4}04) - 800 = 604$
604	$(=5\overset{*}{0}4) - 30 = 574$
574	$(=56\overset{*}{4}) - 9 = 565$

1641 — 987.

1641	$(=\overset{*}{6}41) - 900 = 741$
741	$(=6\overset{*}{4}1) - 80 = 661$
661	$(=65\overset{*}{1}) - 7 = 654$

1205 — 876.		1205 — 329.	
1205	(= 2̇05) — 800 = 405	1205	(= 2̇05) — 300 = 905
405	(= 3̇05) — 70 = 335	905	(= 8̇05) — 20 = 885
335	(= 32̇5) — 6 = 329	885	(= 87̇5) — 9 = 876

Сложить:

8248 + 735. 2981 + 19. 8736 + 3574.

Вычесть:

8983 — 8248. 8983 — 735. 3000 — 19. 3000 — 2981. 12310 — 8736. 12310 — 3574.

СЧИТАТЬ СПРАВА.

Сложить: 789 + 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ, — простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями. 789
693

Сочти простыя и подпиши; зачеркни 9 и 3. 789
693
12

Сочти десятки и подпиши; зачеркни 8, 9 и 1 789
693
12
180

Сочти сотни и подпиши; зачеркни 7, 6 и 1 789
693
12
180
1400

Прочти все, что вышло 1482

Сложить: 9873 + 3657.

9873
3657
10
130
1500
13000
13530

Вычесть: 1482 — 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ,—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями.

1) Вычитай простыя изъ простыхъ. Простыхъ недостанетъ. Переложи восемь десятковъ на семь десятковъ и десять простыхъ.

Вычитай 3 изъ 12,—останется 9; напиши 9 и зачеркни простыя.

2) Вычитай десятки изъ десятковъ. Десятковъ недостанетъ. Переложи 4 сотни на 3 сотни и 10 десятковъ. 9 изъ 17 будетъ 8. Напиши 8 и зачеркни десятки.

3) Вычитай сотни изъ сотенъ. Сотенъ недостанетъ. Разложи тысячу на 10 сотенъ. Будетъ 13 сотенъ. 6 изъ 13 будетъ 7. Напиши 7 и зачеркни сотни.

1482				
693				
	1472*			
	693			
	1472*			
	693			
	9			
	1372**			
	693			
	89			
	372***			
	693			
	789			

1482 — 789.	13530 — 9873.	13530 — 3657.
**	***	***
37*	242*	242*
1482	13530	13530
789	9873	3657
693	3657	9873

Сложить:

$$736 + 2453 + 196 + 9 + 38.$$

Напиши всѣ числа—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и тысячи подъ тысячами и складывай такъ же, какъ два числа.

736	
2453	
196	
9	
38	
32	простыхъ.
230	десятковъ.
1400	сотенъ.
3000	тысячъ.
3432	

Сложить:

7893 + 3657 + 85 + 10 + 11 + 20056.
5005 + 5050. 7896 + 3659. 6701 + 8928.

Вычесть:

9009—190. 5689—657. 10101—9876. 8765—3298. 560751—98765.

ЗАДАЧИ.

I.

1) Нынче 1872 годъ. Мнѣ 43 года отроду, а дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ. Въ какомъ году родился дѣдъ?

Дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ, а мнѣ 43 года; сколько же дѣду лѣтъ? 43 да 48 будетъ 91. Значитъ, онъ 91 годъ тому назадъ родился. Какой былъ годъ 91 годъ тому назадъ? Надо вычесть 91 изъ 1872.

Если мнѣ въ 1872 году 43 года, то, значитъ, я 43 года тому назадъ родился. Надо вычесть 43 изъ 1872; узнаешь, въ которомъ году я родился, — въ 1829. А когда я родился, дѣду ужъ было 48 лѣтъ. Стало-быть, онъ родился 48 лѣтъ прежде 1829 года. Надо вычесть 48 изъ 1829.

---

2) Купецъ пріѣхалъ на ярмарку и купилъ сукна на 5687 рублей да бархату на 6898 рублей и хотѣлъ еще купить ситцу на 365 рублей, да недостало у него на ситецъ 58 рублей. Сколько у купца было денегъ?

У купца достало денегъ на сукно—5687 рублей и на бархатъ—6898 (сложить),—всего 12585; да на ситецъ достало 365 безъ 58. Вычесть 58 изъ 365, — узнаешь сколько достало на ситецъ; а приложить къ 12585, — узнаешь сколько всѣхъ было денегъ.

Если бы достало купцу денегъ на все, то вышло бы всѣхъ денегъ 5687 + 6898 + 365. Сложи все вмѣстѣ и вычти сколько недостало; узнаешь сколько всѣхъ было денегъ.

ЗАДАЧИ.

II.

1) Отецъ оставилъ въ наслѣдство тремъ дѣтямъ 59075 рублей: старшему сыну 20000 руб., дочери—13289 руб., а другому сыну—остальное.

На сколько сестра получила меньше противъ старшаго и противъ младшаго брата?

2) Тремъ нищимъ дали вмѣстѣ 7 копеекъ: одному 1 копейку, другому 4, а третьему остальныя.

На сколько первому дали меньше противъ другихъ?

ЗАДАЧИ.

III.

1) У двухъ мужиковъ 35 овецъ. У одного на 9 овецъ больше, чѣмъ у другого. Сколько у каждаго овецъ?

2) У одного мужика 23 овцы, а у другого на 7 овецъ больше. Сколько у нихъ овецъ вмѣстѣ?

3) У одного мужика 26 овецъ, а у другого на 5 овецъ меньше. Сколько у нихъ вмѣстѣ овецъ?

4) У двухъ мужиковъ 40 овецъ, а у одного меньше противъ другого на 6 овецъ. Сколько у каждаго?

5) У двухъ мужиковъ 50 овецъ, а у одного 15. На сколько овецъ у него меньше противъ другого?

УМНОЖЕНІЕ и ДѢЛЕНІЕ.

Если считать такъ: $5+3=8$; это — *сложеніе*. Если считать такъ: $8-5=3$; это—*вычитаніе*. Если считать такъ: пять троекъ—сколько будетъ?—пятнадцать ($3\times5=15$); это — *умноженіе*. Если считать такъ: три пятка—сколько будетъ?—пятнадцать ($5\times3=15$); это тоже—умноженіе.

Если считать такъ: въ пятнадцати сколько будетъ троекъ?—пять ($15:3=5$); это—*дѣленіе*. Если считать такъ: въ пятнадцати чего будетъ три?—три пятка; это тоже—дѣленіе.

Умноженіе.

Три раза два (три пары)—сколько будетъ?

$$2\times3=6$$

Два раза три (двѣ тройки)—сколько будетъ?

$$3\times2=6$$

Восемь разъ пять (восемь пятковъ)?

$$5\times8=40$$

Пять разъ восемь (пять восьмериковъ)?

$$8\times5=40$$

Семь разъ двѣнадцать (семь дюжинъ)?

$$12\times7=84$$

Двѣнадцать разъ семь (двѣнадцать семериковъ)?

$$7\times12=84$$

Шесть разъ пятьдесятъ (шесть полусотенъ)?

$$50\times6=300$$

Пятьдесятъ разъ шесть (пятьдесятъ шестериковъ)?

$$6\times50=300$$

Три раза сорокъ (три сорока)—сколько будетъ?

$$40\times3=120$$

Сорокъ разъ три (сорокъ троекъ)?

$$3\times40=120$$

Дѣленіе.

Въ шести сколько разъ два?
(Въ шести сколько паръ?)
Въ шести по скольку будетъ два раза?
(Въ шести чего будетъ два?)

$$6:2=3$$

Въ сорока сколько разъ будетъ восемь?
(Въ сорока сколько восьмериковъ?)
Въ сорока по скольку будетъ восемь разъ?
(Въ сорока чего будетъ восемь?)

$$40:8=5$$

Въ восьмидесяти четырехъ сколько разъ будетъ двѣнадцать?
(Въ восьмидесяти четырехъ сколько дюжинъ?)
Въ восьмидесяти четырехъ по скольку будетъ двѣнадцать разъ?
(Въ восьмидесяти четырехъ чего будетъ двѣнадцать?)

$$84:12=7$$

Въ трехъ стахъ сколько разъ будетъ пятьдесятъ?
(Въ трехъ стахъ сколько полусотенъ?)
Въ трехъ стахъ по скольку будетъ пятьдесятъ разъ?
(Въ трехъ стахъ чего будетъ пятьдесятъ?)

$$300:50=6$$

Въ ста двадцати сколько разъ будетъ сорокъ?
(Въ ста двадцати сколько будетъ сороковъ?)
Въ ста двадцати по скольку будетъ сорокъ разъ?
(Въ ста двадцати чего будетъ сорокъ?)

$$120:40=3$$

Умноженіе.

4×8 — значитъ узнать: восемь четвериковъ (восемь разъ четыре) — сколько будетъ? Или узнать: четыре восьмерика (четыре раза по восьми)—сколько будетъ?

Чтобы узнать, надо 4 сложить 8 разъ, или 8 сложить 4 раза.

4 сложить 8 разъ:

1-й разъ $4 = 4$.
2-й разъ $4 + 4 = 8$.
3-й разъ $4 + 8 = 12$.
4-й разъ $4 + 12 = 16$.
5-й разъ $4 + 16 = 20$.
6-й разъ $4 + 20 = 24$.
7-й разъ $4 + 24 = 28$.
8-й разъ $4 + 28 = 32$.

8-мь разъ $4 = 32$.

$4 \times 8 = 32$.

8 сложить 4 раза:

1-й разъ 8 = 8.
2-й разъ 8 + 8 = 16.
3-й разъ 8 + 16 = 24.
4-й разъ 8 + 24 = 32.

4-ре раза 8 = 32.
$8 \times 4 = 32$.

Помножить: 7×5, 9×5, 6×7, 5×4, 7×8, 6×5, 5×7, 3×9, 7×6, 4×5, 8×7, 5×6.

Дѣленіе.

32 : 4 — значитъ узнать: въ 32-хъ сколько будетъ четвериковъ? (сколько разъ по четыре?) Или узнать: въ 32-хъ чего будетъ четыре? (четыре раза по скольку?)

Чтобы узнать, сколько будетъ четвериковъ въ 32-хъ, надо изъ 32-хъ вычитать по одному четверику, и счесть, сколько разъ вычтется.

1-й разъ 32 — 4 = 28.
2-й разъ 28 — 4 = 24.
3-й разъ 24 — 4 = 20.
4-й разъ 20 — 4 = 16.
5-й разъ 16 — 4 = 12.
6-й разъ 12 — 4 = 8.
7-й разъ 8 — 4 = 4.
8-й разъ 4 — 4 = 0.

8-мь разъ изъ 32-хъ вычесть 4 — ничего не останется. Сталобыть, изъ 32-хъ 4 вычтется ровно 8 разъ.

32 : 4 = 8.

Раздѣлить 32 : 4.

Чтобы узнать въ 32-хъ по скольку будетъ 4 раза, надо раздѣлить 32 на 4 равныхъ части. Сколько будетъ въ каждой части, по стольку и будетъ 4 раза въ 32-хъ.

Изъ 32-хъ разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, останется: 28
Изъ 28-ми разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, останется: 24
Изъ 24-хъ разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, останется: 20
Изъ 20-ти разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, останется: 16
Изъ 16-ти разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, останется: 12
Изъ 12-ти разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, останется: 8

8
Изъ 8-ми разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4, 4
останется: 4
Изъ 4-хъ разложи на 4 части по 1 ($1 \times 4 = 4$), вычти 4 4
останется: 0

32 разложится на 4 части по 8 ($8 \times 4 = 32$), и ничего не останется.
Стало-быть, въ 32-хъ будетъ 4 раза по восьми. $32 : 4 = 8$.

Раздѣлить: $42 : 7$, $20 : 4$, $56 : 8$, $35 : 7$, $27 : 9$, $42 : 6$, $20 : 5$, $56 : 7$, $30 : 5$.

Умноженіе.

2×50 — значитъ 2 сложить 50 разъ или 50 сложить 2 раза.— будетъ 100.

3×80—сложить 80 разъ 3 или 3 раза 80.

500×4. 138×2. 574×5. 898×6. 517×4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Дѣленіе.

100 : 2—значитъ изъ 100 вычитать по 2 до тѣхъ поръ, пока ничего не останется; или узнать, чего будетъ 2 въ 100-тѣ?

(Въ 100-тѣ 2 раза будетъ по скольку?)

Будетъ двѣ полусотни.

90 : 3—вычитать по 3 или найти, чего будетъ 3 въ 90?

(Въ 90-тѣ 3 раза будетъ по скольку?)

2000 : 4. 800 : 2. 500 : 5. 276 : 2. 936 : 3. 1000 : 4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Умноженіе.

9×8. Надо 9 сложить 8 разъ.

1-й разъ $9 = 9$.
2-й разъ $9 + 9 = 18$.
3-й разъ $9 + 18 = 27$.
4-й разъ $9 + 27 = 36$.
5-й разъ $9 + 36 = 45$.
6-й разъ $9 + 45 = 54$.
7-й разъ $9 + 54 = 63$.
8-й разъ $9 + 63 = 72$

8-мь разъ $9 = 72$. $9 \times 8 = 72$.

Вмѣсто того, чтобы складывать по одному разу 9, можно складывать по два и по четыре раза вмѣстѣ.

Вотъ такъ:

2 раза $9 = 18$.
2 раза $9 = 18$.

4 раза $9 = 36$.

4 раза 9 = 36.
4 раза 9 = 36.

8 разъ 9 = 72.

Если сложить 8 девять разъ, то выйдетъ то же самое

Помножить:

22×2. 10×8. 45×4. 33×8. 71×4.

Дѣленіе.

72 : 9. Надо 9 вычитать изъ 72-хъ, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ?

(Въ 72-хъ 9 разъ будетъ по скольку?)

Вычитай 9 изъ 72-хъ.

1-й разъ 72 — 9 = 63
2-й разъ 63 — 9 = 54.
3-й разъ 54 — 9 = 45.
4-й разъ 45 — 9 = 36.
5-й разъ 36 — 9 = 27.
6-й разъ 27 — 9 = 18.
7-й разъ 18 — 9 = 9.
8-й разъ 9 — 9 = 0.

8-мь разъ изъ 72 вычесть 9, — ничего не останется.

Раздѣлить 72 : 9.

Узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ (въ 72-хъ 9 разъ по скольку?).

Разложи 72 на 9 равныхъ частей.

Вмѣсто того, чтобы раскладывать по одной, раскладывай по двѣ и по четыре.

Изъ 72-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2 \times 9 = 18$), вычти 18, 72 − 18 = останется: 54

Изъ 54-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2 \times 9 = 18$), вычти 18, 54 − 18 = останется: 36

Изъ 36 разложи на 9 частей по 4 ($4 \times 9 = 36$), вычти 36, 36 − 36 = останется: 00

72 разложится на 9 частей по 8 ($8 \times 9 = 72$), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 72-хъ будетъ 8 разъ по 9. $72 : 8 = 9$.

Раздѣлить: 60 : 15, 44 : 11, 80 : 10, 180 : 45, 284 : 71, 3692 : 71.

Умноженіе.

17×9. Надо 17 сложить 9 разъ или 9 сложить 17 разъ. 17 сложить 9 разъ:

$$17 \times 17 = 34 = 2 \times 17 = 34.$$

2 раза 17 = 34.
2 раза 17 = 34.
4 раза 17 = 68.

4 раза 17 = 68.
4 раза 17 = 68.
8 разъ 17 = 136.

8 разъ 17 = 136.
1 разъ 17 = 17.
9 разъ 17 = 153.

Если сложить 9-ть 17 разъ, то будетъ то же самое.

26×11. $26 + 26 = 52$.

2 раза 26 = 52.
2 раза 26 = 52.
4 раза 26 = 104.

4 раза 26 = 104.
4 раза 26 = 104.
8 разъ 26 = 208.

8 разъ 26 = 208.
2 раза 26 = 52.
10 разъ 26 = 260.

10 разъ 26 = 260.
1 разъ 26 = 26.
11 разъ 26 = 286. $26 \times 11 = 286$.

26 разъ 11 будетъ то же самое.

35×12

1 разъ 35 = 35.
1 разъ 35 = 35.
2 раза 35 = 70.
2 раза 35 = 70.
4 раза 35 = 140.
4 раза 35 = 140.
8 разъ 35 = 280.
4 раза 35 = 140.
12 разъ 35 = 420.

$35 \times 12 = 420$.

35 сложить 12 разъ, будетъ то же самое.

14×7

1 разъ 14 = 14.
1 разъ 14 = 14.

2 раза 14 = 28.
2 раза 14 = 28.

4 раза 14 = 56.
2 раза 14 = 28.
1 разъ 14 = 14.

7 разъ 14 = 98.

Можно сдѣлать еще такъ:

1 разъ 14 = 14.
1 разъ 14 = 14.

2 раза 14 = 28.
2 раза 14 = 28.

4 раза 14 = 56.
4 раза 14 = 56.

8 разъ 14 = 112; вычесть 1 разъ 14,
1 разъ 14 = 14.

7 разъ 14 = 98. $14 \times 7 = 98$.

36×15.

1 разъ 36 = 36.
1 разъ 36 = 36.

2 раза 36 = 72.
2 раза 36 = 72.

4 раза 36 = 144.
4 раза 36 = 144.

8 разъ 36 = 288.
4 раза 36 = 144.
2 раза 36 = 72.
1 разъ 36 = 36.

15 разъ 36 = 540.

Можно сдѣлать еще такъ:

1 разъ 36 = 36.
1 разъ 36 = 36.

2 раза 36 = 72.
2 раза 36 = 72.

4 раза 36 = 144.
4 раза 36 = 144.

8 разъ 36 = 288.
8 разъ 36 = 288.

16 разъ 36 = 576.

16 разъ 36 = 576; вычесть 1 разъ 36.
1 разъ 36 = 36.

15 разъ 36 = 540.
$36 \times 15 = 540$.

Помножить: 48×7, 56×9, 73×15, 183×3, 35×31.

Дѣленіе.

153 : 9. Надо 9 вычитать изъ 153-хъ и считать, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по скольку?

Разложи 153 на 9 равныхъ частей.

153
Изъ 153-хъ разложи на 9 частей по 2 (2 × 9 = 18), вычти 18, 18
останется: 135

135
Изъ 135-ти разложи на 9 частей по 2 (2 × 9 = 18), вычти 18, 18
останется: 117

117
Изъ 117-ти разложи на 9 частей по 4 (4 × 9 = 36), вычти 36, 36
останется: 81

81
Изъ 81-го разложи на 9 частей по 8 (8 × 9 = 72), вычти 72, 72
останется: 9

9
Изъ 9-ти разложи на 9 частей по 1 (1 × 9 = 9), вычти 9, 9
останется: 0

153 разложится на 9 частей по 17 (9 × 17 = 153), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по 17. 153 : 9 = 17.

286 : 26. Вычитать 26 изъ 286 и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 286-ти 26 разъ будетъ по скольку?

286
Изъ 286-ти разложи на 26 частей по 2 (2 × 26 = 52), вычти 52, 52
останется: 234

234
Изъ 234-хъ разложи на 26 частей по 2 (2 × 26 = 52), вычти 52, 52
останется: 182

182
Изъ 182-хъ разложи на 26 частей по 4 (4 × 26 = 104), вычти 104, 104
останется: 78

78
Изъ 78-ми разложи на 26 частей по 2 (2 × 26 = 52), вычти 52, 52
останется: 26

26
Изъ 26-ти разложи на 26 частей по 1 (1 × 26 = 26), вычти 26, 26
останется: 00

286-ть разложится на 26 частей по 11 (11 × 26 = 286), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 286-ти 26 разъ будетъ по 11-ти. 286 : 26 = 11.

420 : 35. Вычитать 35 изъ 420, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 420-ти 35 разъ будетъ по скольку?

420
Изъ 420-ти разложи на 35 частей по 2 ($2 \times 35 = 70$), вычти 70, 70
останется: 350
350
Изъ 350-ти разложи на 35 частей по 2 ($2 \times 35 = 70$), вычти 70, 70
останется: 280
280
Изъ 280-ти разложи на 35 частей по 4 ($4 \times 35 = 140$), вычти 140, 140
останется: 140
140
Изъ 140-ка разложи на 35 частей по 4 ($4 \times 35 = 140$), вычти 140, 140
останется: 000

---

240 разложится на 35 частей по 12 ($12 \times 35 = 420$), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 420-ти 35 разъ будетъ по 12-ти. $430 : 35 = 12$.

98 : 14. Вычитать 14 изъ 98-ми и счесть, сколько разъ вычтется или узнать, чего будетъ 14 въ 98-ми.

98
Изъ 98-ми разложи на 14 частей по 2 ($2 \times 14 = 28$), вычти 28, 28
останется: 70
70
Изъ 70-ти разложи на 14 частей по 2 ($2 \times 14 = 28$), вычти 28, 28
останется: 42
42
Изъ 42-хъ разложи на 14 частей по 2 ($2 \times 14 = 28$), вычти 28, 28
останется: 14
14
Изъ 14-ти разложи на 14 частей по 1 ($1 \times 14 = 14$), вычти 14, 14
останется: 00

---

98 разложится на 14 частей по 7 ($7 \times 14 = 98$), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 98-ми 14 семериковъ. $98 : 14 = 7$.

Раздѣлить: 54 : 9, 198 : 22, 2352 : 112, 5292 : 756, 5796 : 9, 38142 : 3.

Помножить:

3×48. Сорокъ восемь надо сложить три раза. Вмѣсто того, чтобы складывать 48 и 48, складывай десятки особенно и простыя особенно, такъ: три раза 4 десятка будетъ 12 десятковъ — 120. Три раза 8 будетъ 24. Сложи вмѣстѣ $120 + 24 = 144$.

$$3 \times 40 = 120$$
$$3 \times 8 = 24$$
$$3 \times 48 = 144.$$

Помножить: 63×5, 74×8, 36×4, 24×3, 5×49, $83 + 6$.

Раздѣлить:

144 : 3. Надо 3 вычитать изъ 144-хъ и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 144-хъ будетъ три раза по скольку?

Чтобы узнать, въ 144-хъ по скольку будетъ три раза, надо раздѣлить 144 на 3 части. Вмѣсто того, чтобы откладывать на каждую часть по одной и вдвое, можно откладывать сразу на часть по десятку и вдвое, пока выйдутъ всѣ десятки, а потомъ откладывать простыя, сколько останется.

144
Изъ 144-хъ разложи на 3 части по 10 ($3 \times 10 = 30$), вычти 30, 30
останется: 114
Изъ 114-ти разложи на 3 части по 10 ($3 \times 10 = 30$), вычти 30, 30
останется: 84
Изъ 84-хъ разложи на 3 части по 20 ($3 \times 20 = 60$), вычти 60, 60
останется: 24
Изъ 24 разложи на 3 части по 1 ($1 \times 3 = 3$); изъ 24 вычесть 3, 3
останется: 21
Изъ 21 разложи на 3 части по 2 ($2 \times 3 = 6$); изъ 21 вычесть 6, 6
останется: 15
Изъ 15 разложи на 3 части по 3 ($3 \times 3 = 9$); изъ 15 вычесть 9, 9
останется: 6
Изъ 6 разложи на 3 части по 2 ($2 \times 3 = 6$); изъ 6 вычесть 6, 6
останется: 0

144
Изъ 144 разложи на 3 части по 40 ($40 \times 3 = 120$); изъ 144 вычесть 120, останется: 120 / 24
Изъ 24 разложи на 3 части по 8 ($8 \times 3 = 24$); изъ 24 вычесть 24, 24
останется: 00

144 разложится на 3 части по 48 ($3 \times 48 = 144$), и ничего не останется.

Въ 144, стало-быть, 3 раза будетъ по 48. $144 : 3 = 48$.

Раздѣлить:

153 : 9. 284 : 4. 378 : 7. 180 : 6. 452 : 2. 100 : 5. 285 : 5. 177 : 3.

Помножить:

37×45. Надо помножить 30 на 40 и на 5, да 7 на 40 и на 5, и все сложить.

30×40. Тридцать разъ четыре десятка будетъ 120 десятковъ 1200
30×5. Тридцать разъ пять будетъ 150
7×40. Семь разъ четыре десятка будетъ 280
7×5. Семь разъ пять будетъ 35
Сложить 1665

Помножить.

49×72. 85×16. 38×95. 49×25. 51×65.

Раздѣлить 1665 : 37.

		1665
Изъ 1665 разложи	на 37 ч. по 10 ($10 \times 37 = 370$).	370
	Изъ 1665 вычти 370, останется:	1295
Изъ 1295 разложи	на 37 ч. по 10 ($10 \times 37 = 370$).	370
	Изъ 1295 вычти 370, останется:	925
Изъ 925 разложи	на 37 ч. по 20 ($20 \times 37 = 740$).	740
	Изъ 925 вычти 740, останется:	185
Изъ 185 разложи	на 37 ч. по 2 ($2 \times 37 = 74$).	74
	Изъ 185 вычти 74, останется:	111
Изъ 111 разложи	на 37 ч. по 2 ($2 \times 37 = 74$).	74
	Изъ 111 вычти 74, останется:	37
Изъ 37 разложи	на 37 ч. по 1 ($1 \times 37 = 37$).	37
	Изъ 37 вычти 37, останется:	00

		1665
Изъ 1665 разложи	на 37 ч. по 40 ($40 \times 37 = 1480$).	1480
	Изъ 1665 вычти 1480, останется:	185
Изъ 185 разложи	на 37 частей по 5 ($5 \times 37 = 185$).	185
	Изъ 185 вычти 185, останется:	000

1665 разложится на 37 частей по 45 ($45 \times 37 = 1665$), и ничего не останется.

Раздѣлить:

3528 : 72. 3528 : 49. 1360 : 16. 1360 : 85. 3315 : 51. 3315 : 65.

Помножить 352×674.

Надо помножить 300 на 600, на 70 и на 4; 50 помножить на 600, на 70 и на 4; 2 помножить на 600, на 70 и на 4.

300×600. Триста разъ шесть простыхъ будетъ тысяча восемьсотъ простыхъ; триста разъ шестьсотъ будетъ тысяча восемьсотъ сотенъ 180000

300×70. Триста разъ семь простыхъ будетъ двѣ тысячи сто простыхъ; триста разъ семь десятковъ будетъ двѣ тысячи сто десятковъ 21000

300×4. Триста разъ четыре будетъ 1200

50×600. Пятьдесятъ разъ шесть будетъ триста; пятьдесятъ разъ шестьсотъ будетъ триста сотенъ 30000

50×70. Пятьдесятъ разъ семь будетъ триста пятьдесятъ; пятьдесятъ разъ семь десятковъ будетъ триста пятьдесятъ десятковъ. 3500

50×4. Пятьдесятъ разъ четыре будетъ 200
2×600. Два раза шестьсотъ будетъ двѣнадцать сотъ. 1200
2×70. Два раза семь десятковъ будетъ четырнадцать десятковъ 140
2×4. Два раза четыре 8

Сложить—выйдетъ 237248

Помножить:

156×382. 595×435. 898×111. 205×178.

Раздѣлить 237248 : 674.

Въ 237248-ми 674 раза по скольку?

Вмѣсто того, чтобы класть по 10-ти на часть, можно раскладывать по 100, по 1000 и больше.

Въ 237248 много ли десятковъ?—23724. Можно класть десятками.

Въ 237248 много ли сотенъ?—2372. Можно класть сотнями.

Въ 237248 много ли тысячъ?—237. По тысячѣ нельзя положить: потому что, если положить по 1000 на 674 части, то всѣхъ выйдетъ 674000. А 674000 больше, чѣмъ 237248. Стало-быть, надо класть сперва сотнями, потомъ десятками, а потомъ простыми.

	237248
Изъ 237248 разложи на 674 части по 100	67400
(100×674=67400); изъ 237348 вычти 67400, останется:	169848
Изъ 169848 разложи на 674 части по 100	67400
(100×674=67400); изъ 169848 вычти 67400, останется:	102448
Изъ 102448 разложи на 674 части по 100	67400
(100×674=67400); изъ 102448 вычти 67400, останется:	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 10	6740
(10×674=6740); изъ 35048 вычти 6740, останется:	28308
Изъ 28308 разложи на 674 части по 10	6740
(10×674=6740); изъ 28308 вычти 6740, останется:	21568
Изъ 21568 разложи на 674 части по 20	13480
(20×674=13480); изъ 21568 вычти 13480, останется:	8088
Изъ 8088 разложи на 674 части по 10	8740
(10×674=6740); изъ 8088 вычти 6740, останется:	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 1	674
(1×674=674); изъ 1348 вычти 674, останется:	674
Изъ 674 разложи на 674 части по 1	674
(1×674=674); изъ 674 вычти 674, останется:	000

	237248
Изъ 237248 разложи на 674 части по 300	202200
(300×674=202200); изъ 237248 вычти 202200, останется:	35048

	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 50	33700
(50×674=33700); изъ 35048 вычти 33700, останется:	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 2	1348
(2×674=1348); изъ 1348 вычти 1348, останется:	0000

237248 разложится на 674 части по 352 (352×674=237248), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 237248-ми 674 раза по 352. 237248:674=352.

Раздѣлить:

468750:5. Въ 468750-ти 5 разъ по скольку? Десятковъ будетъ 46875; сотенъ будетъ 4687; тысячъ 468; десятковъ тысячъ 46. Сотенъ тысячъ 4. Сотнями тысячъ нельзя класть; по 100000 на 5 частей вышло бы 500000,—лишнее. Стало-быть, надо класть десятками тысячъ

	468750
Изъ 468750 разложи на 5 частей по 10000	50000
(5×10000=50000); изъ 468750 вычти 50000, останется:	418750
Изъ 418750 разл. на 5 ч. по 10000 (5×10000=50000);	50000
вычти, останется:	368750
Изъ 368750 разл. на 5 ч. по 20000	100000
(5×20000=100000); вычти, останется:	268750
Изъ 268750 разл. на 5 ч. по 20000	100000
(5×20000=100000); вычти, останется:	168750
Изъ 168750 разл. на 5 ч. по 20000	100000
(5×20000=100000); вычти, останется:	68750
Изъ 68750 разл. на 5 ч. по 10000	50000
(5×10000=50000); вычти, останется:	18750
Изъ 18750 разложи на 5 ч. по 1000	5000
(5×1000=5000); вычти, останется:	13750
Изъ 13750 разложи на 5 ч. по 2000	10000
(5×2000=10000); вычти, останется:	3750
Изъ 3750 разложи на 5 частей по 100	500
(5×100=500); вычти, останется:	3250
Изъ 3250 разложи на 5 частей по 200	1000
(5×200=1000); вычти, останется:	2250
Изъ 2250 разложи на 5 частей по 200	1000
(5×200=1000); вычти, останется:	1250
Изъ 1250 разложи на 5 частей по 200	1000
(5×200=1000); вычти, останется:	250
Изъ 250 разложи на 5 частей по 20	100
(5×20=100); вычти, останется:	150

	150
Изъ 150 разложи на 5 частей по 20	100
(5×20=100); вычти, останется:	50
Изъ 50 разложи на 5 по 10	50
(5×10=50); вычти, останется:	00

468750 разложится на 5 частей по 93750, и ничего не останется.

Стало-быть, въ 468750-ти 5 разъ по 93750. 468750 : 5=93750.

Раздѣлить:

809712 : 815. 68950 : 45. 56709 : 23. 608121 : 9. 308924 : 826. 308924 : 374. 578034564 : 3.

Умножить:

48×37.

Можно множить сначала десятки, а потомъ простыя:

40 на 30 и на 7 и
8 на 30 и на 7.

$$\begin{array}{r} 40\times 30 = 1200 \\ 40\times\ 7 = \ 280 \\ 8\times 30 = \ 240 \\ 8\times\ 7 = \ \ 56 \\ \hline 1776 \end{array}$$

А можно множить сначала простыя, а потомъ десятки:

7 на 8 и на 40, и
30 на 8 и на 40.

$$\begin{array}{r} 7\times\ 8 = \ \ 56 \\ 7\times 40 = \ 280 \\ 30\times\ 8 = \ 240 \\ 30\times 40 = 1200 \\ \hline 1776. \end{array}$$

Чтобы дѣлать скорѣе умноженіе, надо сначала множить простыя, а потомъ десятки, и писать такъ:

$$\begin{array}{r} 48 \\ 37 \\ \hline \end{array}$$

Семь разъ восемь—пять десятковъ и шесть простыхъ. Пиши подъ простыми 6, и помни, что къ десяткамъ надо приложить 5,0.

$$\begin{array}{r} 48 \\ 37 \\ \hline 6 \end{array}$$

Семь разъ четыре десятка—двѣ сотни и восемь десятковъ, и еще пять десятковъ,—вышло: три сотни, три десятка.

48
37
336

Тридцать разъ восемь—двѣ сотни, четыре десятка и ни одной простой. Пиши подъ простыми 0, подъ десятками четыре, и помни, что къ сотнямъ надо приложить 2,00

48
37
336
40

Тридцать разъ сорокъ—одна тысяча и двѣ сотни. Приложи двѣ сотни. Пиши одна тысяча и четыре сотни.

48
37
336
1440

Сложи все вмѣстѣ:

48
37
336
1440
1776

$687 \times 325 =$

687
325
3435
13740
206100
223275

$715 \times 201 =$

715
201
715
143000
143715

$702 \times 204 =$

702
204
2808
140400
143208

Библиотека

Помножить:

$735 \times 48.$ $561 \times 798.$ $615 \times 105.$ $281 \times 107.$

Раздѣлить:

$1680 : 35$

Чтобы дѣлать скорѣе дѣленіе, надо раскладывать не по одному десятку, а сразу столько десятковъ, сколько выйдетъ; потомъ вычесть десятки изъ десятковъ и раскладывать не по одной простой, а сразу столько сколько выйдетъ, и писать такъ:

1680|35

Изъ ста шестидесяти восьми десятковъ разложи на 35 частей по 4 десятка. Пиши 40 подъ чертой:

1680|35
 |40

Помножить тридцать пять на четыре десятка—выйдетъ 1400. Подпиши 1400 подъ 1680.

1680|35
1400|40

Вычти 1400 изъ 1680 и подпиши, что останется:

1680|35
1400|40
 280

Изъ 280-ти разложи на 35 частей по восьми простыхъ. Пиши 8 подъ 40.

1680|35
1400|40
 280 8

Помножь 35 на 8,—выйдетъ 280. Подпиши 280 подъ 280.

1680|35
1400|40
 280 8
 280

Вычти 280 изъ 280 и подпиши что останется. Сложи 40 и 8, будетъ 48.

1680|35
1400|40
 280 8
 280|48
 000

$1680 : 35 = 48.$

837 : 75.

Разложи по 10 на 75 частей.
Помножить 10 на 75, выйдетъ 750.
Вычти 750 изъ 837, останется 87.

837	75
750	10
87	

Разложи по 1 на 75 частей.
Помножь 1 на 75, выйдетъ 75.
Вычти 75 изъ 87, останется 12.
Сложи 10 и 1, выйдетъ 11 и осталось 12.

837 : 75=11. Осталось 12.

5145	49
4900	100
245	5
245	105
000	

5145 : 49 = 105.

817263	839
755100	900
62163	70
58730	4
3433	974
3356	
77	

817263 : 839 = 974. Осталось 77.

Раздѣлить:

5101 : 25. 382 : 16. 641 : 52. 21078 : 516.

ЗАДАЧИ.

I.

1) Купецъ купилъ лѣсъ за 3700 рублей. Срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 531 сажень дровъ.

Купецъ продалъ дрова по 8 рублей за сажень. Получилъ ли купецъ барышъ или убытокъ и сколько барыша или убытка?

Сколько купецъ выручилъ за всѣ 531 сажень дровъ по 8 рублей?

531 × 8 = 4248.

А сколько онъ заплатилъ?—3700.
Что больше, 3700 или 4248?—4248.
На сколько больше?
4248—3700=548. На 548 рублей.

---

2) Купецъ купилъ лѣсъ за 8650 рублей. Онъ срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 796 саженъ дровъ.

Купецъ продалъ дрова всѣ по одной цѣнѣ, получилъ на лѣсѣ барыша 106 рублей.

По чемъ купецъ продавалъ дрова за каждую сажень?

Купецъ выручилъ за дрова свои деньги 8650, да еще 106 рублей. Стало-быть, всѣхъ 8756 рублей. 8756 рублей онъ получилъ за 796 саженъ. По чемъ продавалъ за сажень? 8756 : 796.

---

3) Купецъ купилъ лѣсъ, заплатилъ 10000, срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, продалъ дрова по 11 рублей за сажень и получилъ барыша 1000 рублей.

Сколько было саженъ дровъ? Купецъ выручилъ всѣхъ 11000 за дрова по 11 рублей за сажень. Сколько было саженъ?
11000 : 11=1000.

---

4) Купецъ купилъ лѣсъ. Срѣзалъ весь въ дрова. Вышло 693 сажени дровъ. Продавалъ дрова по 17 рублей и получилъ убытку 86 рублей. За сколько онъ купилъ лѣсъ?

За дрова купецъ выручилъ 693×17=11781.

А заплатилъ купецъ за лѣсъ 86 рублями больше. Стало-быть, онъ заплатилъ 11781+86=11867 рублей.

ЗАДАЧИ.

II.

1) На два человѣка на три дня давали 18 фунтовъ хлѣба. Прибавилось три человѣка. На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно хлѣба.

18 фунтовъ давали на двухъ на три дня. На одного человѣка на три дня много ли? 18 : 2=9.

Девять фунтовъ давали на одного человѣка на три дня. На день сколько? 9 : 3=3. Три фунта на день на человѣка.

На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно? На каждаго человѣка на день 3 фунта; на 6 дней—3×6=18 фунтовъ на человѣка. На 5 человѣкъ на каждаго по 18 фунтовъ—5×18=90 фунтовъ. Изъ сорока фунтовъ выходитъ пудъ; много ли пудовъ? 90 : 40=2 пуда и 10 фунтовъ.

2) На 62 человѣка въ недѣлю выдавали по 43 пуда и по 16 фунтовъ хлѣба. Прибавилось еще 15 человѣкъ; сколько на всѣхъ нужно хлѣба на годъ?

На 62 человѣка въ надѣлю выходило по 43 пуда и 16 фунтовъ. (Сколько фунтовъ въ 43 пудахъ 16 фунтахъ? 43×40=1720. При-

ложи 16. Выйдетъ 1736 фунтовъ). На одинъ день на 62 человѣка много ли нужно хлѣба?

(Въ недѣлѣ 7 дней) $1736 : 7 = 248$.

На одного человѣка на одинъ день много ли нужно хлѣба? $248 : 62 = 4$.

Прибавилось 15 человѣкъ къ 62-мъ. Всѣхъ стало: $15 + 62 = 77$.

Много ли на день нужно хлѣба 77 человѣкамъ? $77 \times 4 = 308$

77 человѣкамъ на день нужно 308 фунтовъ. Много ли нужно въ годъ? (Въ году 365 дней).

$308 \times 365 = 112420$ фунтовъ. Много ли тутъ пудовъ?

$112420 : 40 = 2810$ пудовъ и 20 фунтовъ.

ЗАДАЧИ.

III.

1) Пять братьевъ раздѣлили послѣ отца наслѣдство поровну. Въ наслѣдствѣ было три дома. Три дома нельзя было дѣлить, ихъ взяли старшіе три брата. А меньшимъ за то выдѣлили деньги. Каждый изъ старшихъ заплатилъ по 800 рублей меньшимъ.

Меньшіе раздѣлили эти деньги между собою, и тогда у всѣхъ 5 братьевъ стало поровну. Много ли стоили дома?

Три старшіе брата дали двумъ меньшимъ три раза по восьмисотъ — $3 \times 800 = 2400$. Меньшіе раздѣлили 2400 на 2 части — $2400 : 2 = 1200$, и у всѣхъ стало поровну, по 1200.

Стало-быть, дома стоили по 2000 рублей. А всего наслѣдства было на 6000 въ домахъ.

2) Мужикъ вышелъ пѣшкомъ изъ Тулы въ Москву въ 5 часовъ утра. Въ 12 часовъ выѣхалъ баринъ изъ Тулы въ Москву. Мужикъ идетъ 5 верстъ въ каждый часъ, а баринъ ѣдетъ 11 верстъ въ каждый часъ. На какой верстѣ баринъ догонитъ мужика?

До тѣхъ поръ, пока баринъ выѣхалъ изъ Тулы, сколько мужикъ ушелъ? Когда баринъ выѣхалъ и мужикъ шелъ. Сколько баринъ въ часъ наверстывалъ на мужикѣ? На сколько онъ приближался къ мужику въ каждый часъ?

Во сколько же часовъ баринъ нагонитъ мужика?

Когда узнаешь во сколько часовъ нагонитъ, тогда сочти, сколько часовъ ѣхалъ баринъ по 11 верстъ въ часъ.

ЗАДАЧИ.

IV.

1) Одинъ мужикъ нанялъ 70 десятинъ земли, заплатилъ по 8 рублей за десятину помѣщику и посѣялъ пшеницы всѣ 70 десятинъ. За сѣмена заплатилъ по 1 р. 30 к. за пудъ, сѣялъ на десятину по 9 пудовъ. За работу заплатилъ по 8 рублей за десятину. Родилось пшеницы по 13 копенъ на десятинѣ. Изъ каждой

копны вымолотилъ по 6 пудовъ пшеницы. За молотьбу по 7 копеекъ съ пуда. За провозъ въ городъ заплатилъ по 11 копеекъ съ пуда.

Продалъ пшеницу по 1 р. 40 копеекъ за пудъ. Много ли мужикъ получилъ барыша или убытку?

Выдалъ мужикъ за землю . . . . . 70 × 8 =	560,00
Сѣмянъ высѣялъ мужикъ по 9 пудовъ на десятину, на 70 десятинъ 70 × 9 = 630 пудовъ. Покупалъ за пудъ по 1 р. 30 к. За 630 пуд. по 1 р. 30 коп. 63 × 130 =	819,00
Итого. . .	1379,00
Получилъ мужикъ 13 копенъ на десятинѣ; на 70 десятинахъ — 70 × 13 = 910. Изъ копны вышло по 6 пудовъ; изъ 910 копенъ—910 × 6 = 5460 пудовъ. Продалъ 5460 пудовъ по 1 руб. 40 копеекъ за пудъ. Получилъ всѣхъ денегъ . . . . . 5460 × 140 =	7644,00
За молотьбу мужикъ заплатилъ по 7 копеекъ за пудъ, за 5460 пудовъ — 5460 × 7 = 38220	382,20
За провозъ въ городъ по 11 копеекъ за пудъ, за 5460 пудовъ . . . . . 5460 × 11 =	600,60
Итого еще расхода	982,80
Прежняго расхода	1379,00
	2361,80
Всего прихода	7644,00
Всего расхода	2361,80
Барыша. .	5282,20

2) Одинъ купецъ далъ работнику 1000 рублей и велѣлъ купить на всѣ деньги сто скотинъ, и чтобы платить за телушекъ по 5 рублей, за быковъ по 100 рублей, а за коровъ по 50 рублей. Работникъ купилъ 90 телушекъ, 9 коровъ и одного быка.

ЗАДАЧИ.

V.

Одинъ человѣкъ выдумалъ игру въ шашки, сдѣлалъ хорошія шашки и шашечницу и подарилъ царю. Царю полюбилась игра, и онъ спросилъ, чѣмъ его наградить? Человѣкъ сказалъ: на одну клѣтку вели положить зернышко пшеницы, а на другую два, а на третью 4, а на четвертую вдвое и опять вдвое, и такъ всѣ клѣтки уложить пшеницей и мнѣ отдать ту пшеницу. Царь посмѣялся, что человѣкъ такъ мало проситъ; а какъ стали считать, такъ у царя пшеницы недостало. Клѣтокъ въ шашечницѣ 8 съ одной стороны и 8 съ другой; 8 рядовъ по 8 = 64.

на	1-ю	1	на 33	4.294.967.296
»	2	2	» 34	8.589.934.592
»	3	4	» 35	17.179.869.184
»	4	8	» 35	34.359.738.368
»	5	16	» 37	68.719.476.736
»	6	32	» 38	137.438.953.472
»	7	64	» 39	274.877.906.944
»	8	128	» 40	549.755.813.888
»	9	256	» 41	1.099.511.627.776
»	10	512	» 42	2.199.023.255.552
»	11	1.024	» 43	4.398.046.511.104
»	12	2.048	» 44	8.796.093.022.208
»	13	4.096	» 45	17.592.186.044.416
»	14	8.192	» 46	35.184.372.088.832
»	15	16.384	» 47	70.368.744.177.664
»	16	32.768	» 48	140.737.488.355.328
»	17	65.536	» 49	281.474.976.710.656
»	18	131.072	» 50	562.949.953.421.312
»	19	262.144	» 51	1.125.899.906.842.624
»	20	524.288	» 52	2.251.799.813.685.248
»	21	1.048.576	» 53	4.503.599.627.370.496
»	22	2.097.152	» 54	9.007.199.254.740.992
»	23	4.194.304	» 55	18.014.398.509.481.984
»	24	8.388.608	» 56	36.028.797.018.963.968
»	25	16.777.216	» 57	72.057.594.037.927.936
»	26	33.554.432	» 58	144.115.188.075.855.872
»	27	67.108.864	» 59	288.230.376.151.711.744
»	28	134.217.728	» 60	576.460.752.303.423.488
»	29	268.435.456	» 61	1.152.921.504.606.846.976
»	30	536.870.912	» 62	2.305.843.009.213.693.952
»	31	1.073.741.824	» 63	4.611.686.018.427.387.904
»	32	2.147.483.648	» 64	9.223.372.036.854.775.808

Если 40.000 зеренъ въ одномъ пудѣ, то на одной послѣдней клѣткѣ вышло 230.584.300.921.369 пудовъ.

Часть II. Дроби.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Десятичныя дроби.

1111.

Читать справа влѣво: одна единица, одинъ десятокъ, одна сотня, одна тысяча.

Десятокъ это—десять единицъ.

Сотня—это десять десятковъ и сто единицъ.

Тысяча—это десять сотенъ и тысяча единицъ.

1111.

Читать слѣва вправо: одна тысяча, одна сотня, одинъ десятокъ, одна единица.

Одна сотня—это десятая часть тысячи.

Десятокъ—это десятая часть сотни и сотая часть тысячи.

Единица—это десятая часть десятка, сотая часть сотни и тысячная часть тысячи.

5398.

Можно прочесть справа влѣво: 8 единицъ, 9 десятковъ, 3 сотни и 5 тысячъ.

И можно прочесть слѣва вправо: 8 единицъ, 3 десятыя части единицы, 9 сотыхъ частей единицы, и 8 тысячныхъ частей.

Если считать справа влѣво,—это счетъ цѣлыми числами, а если считать слѣва вправо,—это счетъ дробями.

73890—цѣлое число.

9 десятковъ, 8 сотенъ, 3 тысячи и 7 десятковъ тысячъ.

0,7389—дробь.

7 десятыхъ, 3 сотыхъ, 8 тысячныхъ и 9 десятитысячныхъ.

Если считаешь вмѣстѣ и справа и слѣва, дробями и цѣлыми числами, то надо замѣтить запятою, по какихъ поръ считаешь справа влѣво цѣлыми, и по какихъ поръ слѣва вправо дробями.

18,35 значитъ, что 18 считать справо влѣво цѣлыми: 8 единицъ и 1 десятокъ. А 35 считать слѣва вправо дробями: 3 десятыхъ и 5 сотыхъ.

236,004 значитъ, что три цифры слѣва надо считать справа влѣво. Будетъ 236 единицъ. А 004—слѣва вправо. Будетъ 0 десятыхъ, 0 сотыхъ, 4 тысячныхъ.

Если написано 53980 цѣлыхъ, то можно выговорить: 80 простыхъ, 9 сотенъ, 3 тысячи и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 980 простыхъ, 3 тысячи и 5 десятковъ тысячъ. И

можно выговорить: 3980 простыхъ и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 53 тысячи 980 простыхъ. Всегда такъ и выговариваютъ.

Если написано: 0,5398 дробями, то можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 5 десятыхъ, 3 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 53 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 539 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 5398 десятитысячныхъ.

Всегда такъ и выговариваютъ.

Прочесть:

0,53 0,678, 0,107 0,02 4,03507.

Въ цѣлыхъ числахъ можно прибавлять сколько хочешь нулей съ лѣвой стороны,—число не измѣнится.

Въ дробяхъ можно прибавлять сколько хочешь нулей съ правой стороны,—число не измѣнится.

1,235 = 1,23500

0,45 = 0,45000000.

Сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей.

Дроби складываются и вычитаются точно такъ же, какъ цѣлыя.

Тысячныя складываются съ тысячными, и когда наберется 10 тысячныхъ, то дѣлается одна сотая; а наберется 10 сотыхъ, дѣлается 1 десятая; а наберется 10 десятыхъ, дѣлается одна цѣлая.

Точно такъ же вычитаются тысячныя изъ тысячныхъ, сотыя изъ сотыхъ, десятыя изъ десятыхъ. И если недостанетъ тысячныхъ, то одну сотую раскладываютъ на 10 тысячныхъ; а недостанетъ сотыхъ, то 1 десятую раскладываютъ на 10 сотыхъ; а недостанетъ десятыхъ, то одну цѣлую раскладываютъ на 10 десятыхъ.

Сложить.

2,0358 + 8,4098	2,0358 + 8,4098 10,4456
1893,004 + 0,99756	1893,00400 +0000,99756 1894,00156

Вычесть.

3,004 — 1,895	3,004 = 2,9*4 1,895 1,109

2,3 — 1,05678

2,3 = 2,30000
2,30000 = 2,2999*
— 1,05678
1,24322

Сложить:

538,0879 + 36,569 0,0053 + 0,9008
0,9999 + 0,1111 + 4,147 2491 + 8,14 + 0,45

Вычесть:

3,235 — 0,4569. 4,005 — 0,873.
7 — 1,9835 10,0006 — 6,3508.

Умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей.

Десятичныя дроби помножаются и дѣлятся на *цѣлыя* числа точно такъ же, какъ и простыя числа; надо только помнить, какой разрядъ помножаешь или дѣлишь.

Помножить:

3,47 × 6 = 3 × 6 = 18
0,4 × 6 = 2,4
0,07 × 6 = 0,42
20,82.

Раздѣлить 20,82 : 6.

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,0; всѣхъ 18
Изъ 02,82 на 6 частей по 0,4; всѣхъ 2,4
Изъ 00,42 на 6 частей по 0,07; всѣхъ 0,42.

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,47; всѣхъ 20,82.

Можно и просто множить и дѣлить такъ:

6,25
×31
6,25 30 разъ 5 сотыхъ будетъ 150 сотыхъ.
187,50
193,75 30 разъ 2 десятыхъ будетъ 60 десятыхъ.

193,75	31	
186,00	6,0	193 цѣлыхъ на 31 часть будетъ по 6 цѣлыхъ.
7,75	0,2	
6,20	0,05	77 десятыхъ на 31 часть будетъ по 2 десятыхъ.
1,55		
1,55		155 сотыхъ на 31 часть будетъ по 5 сотыхъ.
0,00		

Всякія числа помножаютъ на десятичныя дроби такъ же, какъ на цѣлыя числа; только когда помножаешь цѣлое число, то, если помножишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ больше, и пишешь въ другой разрядъ налѣво; напримѣръ, 3×20 выходитъ не 6, а 60; а когда множишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ меньше, и пишешь въ другой разрядъ направо:

$3 \times 0{,}2$ выходитъ не 6, а 0,6.

Когда множишь на сотни цѣлаго числа, то выходитъ въ 100 разъ больше, и пишешь въ 3-й разрядъ налѣво:

3×200 выходитъ не 6, а 600.

А когда множишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ меньше, и пишешь въ 3-й разрядъ направо·

$3 \times 0{,}2$ выходитъ не 6, а 0,06; и т. д.

Когда множишь 30 на 20 цѣлыхъ, то выходитъ не 60, а въ 10 разъ болѣе—600.

Когда множишь 0,3 на 0,2 (три десятыхъ на двѣ десятыхъ), то выходитъ не 0,6, а въ десять разъ меньше—0,06.

Когда множишь 600 на 500, то выходитъ не 3000, а въ 100 разъ больше—300.000.

Когда множишь 0,06 на 0,05, то выходитъ не 0,30, а въ 100 разъ меньше—0,0030 (тридцать десятитысячныхъ).

Дѣлятъ на дроби точно такъ же, какъ на цѣлыя числа; только когда дѣлишь на цѣлыя, то, если дѣлишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ меньше, если на сотни, то въ 100 разъ меньше и т. д.; а когда дѣлишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ больше; когда дѣлишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ больше, и т. д.

Если дѣлишь 60 на 20, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ меньше—3.

Если дѣлишь 60 на 0,2, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ больше—300.

Если дѣлишь 600 на 200, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ меньше—3.

Если дѣлишь 600 на 0,02, то выходитъ не 300: а въ 100 разъ больше—30.000.

Когда приходится вычитать 0,35 изъ 2 единицъ, надо 2 единицы написать 2,00—двѣсти сотыхъ; точно такъ же, когда приходится дѣлить 2 единицы на 0,35, надо 2 единицы написать 2,00—двѣсти сотыхъ, и дѣлить сотыя.

Раздѣлить 1 на 0,05 значитъ раздѣлить 1,00 : 0,05; 100 сотыхъ раздѣлить на 5, будетъ 20 сотыхъ. Въ сто разъ больше—будетъ 20 единицъ.

Десятичныя дроби на десятичныя множатся какъ цѣлыя числа, и точно такъ же можно начинать умноженіе съ самаго большого

или съ самаго мелкаго разряда. Чтобы скорѣе дѣлать умноженіе дробей, надо подписывать единицы подъ единицами, десятыя подъ десятыми, сотыя подъ сотыми и т. д., и начинать съ самаго мелкаго рязряда.

Примѣръ умноженія.

	Милліоны.	Сотни тысячъ.	Д. сятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Единицы.	Десятыя.	Сотыя	Тысячныя.	Десятитысячныя.	Ст. тысячныя.	Милліонныя.
Цѣлыя				6	7	8	4						
			×		3	5	6						
			4	0	7	0	4						
		3	3	9	2	0							
	2	0	3	5	2								
	2	4	1	5	1	0	4						
Дроби							6,	7	8	4			
						×	3,	5	6				
								4	0	7	0	4	
							3,	3	9	2	0		
						2	0,	3	5	2			
						2	4,	1	5	1	0	4	

6 разъ 4 тысячныхъ было бы 24 тысячныхъ: но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало-быть, будетъ—24 стотысячныхъ.

6 разъ 8 сотыхъ было бы 48 сотыхъ; но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало-быть, будетъ 48 десятитысячныхъ, и т. д.

5 разъ 4 тысячныхъ было бы 20 тысячныхъ; но 5 десятыхъ въ 10 разъ меньше, стало-быть, будетъ 20 десятитысячныхъ, и т. д.

Раздѣлить.

Цѣлыя.

32824815	6789
27156000	4000
5668815	800
5431200	30
237615	5
203670	
33945	
33945	
00000	

Дроби.

32,824815	6,789
27,156	4,835
5,668815	
5,4312	
0,237615	
0,20367	
0,033945	
0,033945	
0,000000	

Я дѣлю 32824 тысячныя на 6789 тысячныхъ. У меня выйдутъ не тысячныя, а въ 1000 разъ больше—цѣлыя.

Я дѣлю 56688 десятитысячныхъ на тысячныя—выйдутъ въ 1000 разъ больше—десятыя.

Я дѣлю стотысячныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—сотыя.

Я дѣлю милліонныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—тысячныя.

Помножить:

1564,893 × 0,5 536,03 × 0,698

10,006 × 15,181 99,161 × 0,007.

Раздѣлить:

0,5315 : 0,67 2,5689 : 7,079

47,578 : 0,0748

Разныя счисленія.

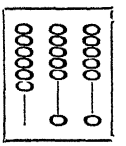
Цѣлыя числа почти всегда считаются десятками; но можно считать пятками, парами, тройками, дюжинами, полдюжинами, и какимъ хочешь счетомъ. Чтобы считать не десятками, можно счеты сдѣлать не такъ, какъ всегда ихъ дѣлаютъ.

Если хочешь считать полдюжинами, то сними съ каждаго ряда счетовъ по 4 кости и оставь 6. Тогда можно, что хочешь считать, не въ десятичномъ, а въ шестичномъ счетѣ.

Надо сложить 3 да 4 въ шестичномъ счетѣ. Какъ наберется 6, скинь всѣ и положи одинъ шестерикъ.

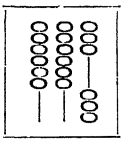
3+4 въ шестичномъ счетѣ выйдетъ такъ:

$$3 + \overset{6}{\smile}{4} = \overset{6}{\smile}{11}$$



Надо вычесть изъ одного шестерика и одной простой —4. Скинь одну и разложи шестерикъ на 6. Скинь три, которыхъ недостало; останется 3.

$$\overset{6}{\overbrace{11}} - \overset{6}{\overbrace{4}} = \overset{6}{\overbrace{3}}$$



Точно такъ же можно считать въ какомъ хочешь счисленіи: въ семичномъ, въ 25-тичномъ, въ девятичномъ, въ 113-тичномъ.

Только надо помнить, что, въ какомъ считаешь счисленіи, то въ столько разъ каждый разрядъ влѣво больше разряда вправо. Если считаешь въ семичномъ счисленіи, то первый разрядъ будутъ единицы, 2-й разрядъ влѣво будутъ семерики, 3-й разрядъ влѣво будутъ $7 \times 7 = 49$, 4-й разрядъ будетъ $49 \times 7 = 343$; и т. д.

Если въ пятичномъ счисленіи, то разряды будутъ такіе: 1-й разрядъ—единицы; 2-й разрядъ 5; 3-й разрядъ 25; 4-й разрядъ 125 и т. д.

Въ шестичномъ счисленіи сложить:

$$\overset{6}{\overbrace{35}}204 \text{ и } \overset{6}{\overbrace{45}}120$$

$$\begin{array}{r} \overset{6}{\overbrace{35}}204 \\ +45120 \\ \hline 124324 \end{array}$$

Въ девятичномъ счисленіи сложить:

$$\begin{array}{r} \overset{9}{\overbrace{87}}056 + \overset{9}{\overbrace{71}}587 \\ 71587 \\ \hline 168654 \end{array}$$

Въ шестичномъ вычесть:

$$\begin{array}{r} \overset{6}{\overbrace{124}}324 - \overset{6}{\overbrace{45}}120 \\ 45120 \\ \hline 35204 \end{array}$$

Въ девятичномъ вычесть:

$$\begin{array}{r} \overset{9}{\overbrace{168}}654 - \overset{9}{\overbrace{71}}587 \\ 71587 \\ \hline 87056 \end{array}$$

Сложить: въ двоичномъ счисленіи:

$$\overset{2}{\overbrace{10}}110 + \overset{2}{\overbrace{101}}011$$

въ восьмичномъ:

$$\overset{8}{\overbrace{75}}432 + \overset{8}{\overbrace{63}}154$$

въ четверичномъ:

$$\overset{4}{\smile}321503 + \overset{4}{\smile}3102$$

Вычесть:

$$\overset{5}{\smile}40321 - \overset{5}{\smile}34234 \qquad \overset{7}{\smile}60054 - \overset{7}{\smile}44365$$

Для того, чтобы считать въ счисленіяхъ больше 10 цифрами, надо для 10, 11, 12, 13, 14, и т. д. придумать особые знаки, такъ чтобы знаки эти помѣщались не на двухъ мѣстахъ, а на одномъ мѣстѣ. На счетахъ, если сдѣлать счеты съ 17, 20 и болѣе костями, можно считать въ какомъ хочешь счисленіи, только надо помнить, что, если считаешь въ 17-тичномъ счисленіи, то каждая кость ряда влѣво считается въ 17 разъ больше каждой кости ряда вправо.

Можно считать во всякомъ счисленіи и дробями.

Если написать $\overset{6}{\smile}3{,}2$, то это значитъ—первая цифра слѣва есть единицы, вторая цифра дробь въ 6 разъ меньше единицы $\overset{6}{\smile}3{,}2$; значитъ 3 единицы и 2 шестыхъ.

Дроби въ разномъ счисленіи считаются такъ же, какъ и дроби въ десятичномъ счисленіи.

Если надо сложить въ шестичномъ счисленіи $\overset{6}{\smile}0{,}3$ и $\overset{6}{\smile}0{,}5$, то выйдетъ $\overset{6}{\smile}1{,}2$. Если надо вычесть въ семичномъ счисленіи $\overset{7}{\smile}1{,}2 - \overset{7}{\smile}0{,}4$, то выйдетъ $\overset{7}{\smile}0{,}5$.

Если надо помножить въ десятичномъ счисленіи 2 на $\overset{9}{\smile}0{,}3$, то $2 \times \overset{9}{\smile}0{,}3$ будетъ 6 въ 9 разъ меньше $2 \times \overset{9}{\smile}0{,}3 = \overset{9}{\smile}0{,}6$. Если надо помножить $\overset{9}{\smile}0{,}2$ на $\overset{9}{\smile}0{,}3$, то будетъ не 6 девятыхъ, а въ 9 разъ меньше, 6-ть 81-хъ, $= \overset{9}{\smile}0{,}06$.

$$\overset{9}{\smile}0{,}2 \times \overset{9}{\smile}0{,}3 = \overset{9}{\smile}0{,}06.$$

Если надо раздѣлить 8 на $\overset{11}{\smile}0{,}4$, то выйдетъ не 2, а 2 въ 11 разъ болѣе, т.-е. 22. $\qquad 8 : \overset{11}{\smile}0{,}4 = 22.$

Если надо раздѣлить $\overset{11}{\smile}0{,}8 : \overset{11}{\smile}0{,}2$, то выйдетъ не $\overset{11}{\smile}0{,}4$, а въ 11 разъ больше $= 4$ цѣлыхъ.

Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи и почти всегда въ разныхъ счисленіяхъ.

Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутся всегда такъ: 0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ), и т. д. А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовется *знаменателемъ*. А самое число, что пишется наверху, зовется *числителемъ*. Вотъ такъ $\frac{5}{11}$. 5—числитель, а 11—знаменатель, и выговаривается: пять одиннадцатыхъ.

$\frac{1}{2}$ одна вторая.

$\frac{7}{15}$ семь пятнадцатыхъ.

$\frac{221}{367}$ двѣсти двадцать одна триста шестьдесятъ седьмая.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переименованіе дробей.

Для того, чтобы считать дробями, надо умѣть передѣлывать числа изъ одного счисленія въ другое, и такъ, чтобы числа не становились ни больше ни меньше, а только цифры перемѣнялись.

$$1=\frac{2}{2}=\frac{3}{3}=\frac{4}{4}=\frac{5}{5}=\frac{6}{6}=\frac{7}{7}=\frac{8}{8}=\cdots\frac{115}{115}.$$

$$2=\frac{4}{2}=\frac{8}{4}=\frac{16}{8}=\cdots\frac{1000}{500}$$

$$10=\frac{20}{2}=\frac{50}{5}=\frac{60}{6}=\cdots\frac{1000}{100}$$

$$\frac{1}{2}=\frac{3}{6}=\frac{5}{10}=\frac{6}{12}=\frac{7}{14}=\frac{9}{18}=\frac{10}{20}=\cdots\frac{33}{66}$$

$$\frac{2}{3}=\frac{6}{9}=\frac{8}{12}=\cdots\frac{92}{138}.$$

$$\frac{7}{15}=\frac{21}{45}=\frac{42}{90}=\cdots\frac{630}{1350}.$$

$$\frac{100}{800}=\frac{10}{80}=\frac{5}{40}=\frac{1}{8}.$$

Числа можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое. Чтобы передѣлывать числа изъ крупнаго счисленія въ мелкое, надо въ сколько-нибудь разъ увеличить счисленіе и въ столько же разъ увеличить число.

Если хочешь изъ мелкаго счисленія переводить въ крупное, то надо въ сколько-нибудь разъ уменьшить счисленіе и въ столько же разъ уменьшить число.

Если я хочу двѣ десятыя перевести въ счисленіе въ десять разъ мельче, то вмѣсто десятыхъ будутъ въ 10 разъ мельче части—сотыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 10 разъ больше частей—20.

$$0{,}2 = 0{,}20 \qquad \frac{2}{10} = \frac{20}{100}.$$

Если я хочу $\frac{2}{3}$ перевести въ счисленіе въ 7 разъ мельче, то вмѣсто 3-ьихъ будутъ въ 7 разъ мельче части—21-ыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 7 разъ больше частей—14.

Если я хочу 30 сотыхъ перевести въ счисленіе въ 10 разъ крупнѣе, то вмѣсто сотыхъ будутъ десятыя—въ 10 разъ крупнѣе сотыхъ, а вмѣсто 30-ти будетъ въ десять разъ меньше частей—3.

$$0{,}30 = 0{,}3 = \frac{30}{100} = \frac{3}{10}.$$

Если я хочу $\frac{50}{75}$ перевести въ счисленіе въ 25 разъ крупнѣе, то вмѣсто 75-хъ будутъ третьи, а вмѣсто 50 частей будетъ въ 25 разъ меньше частей—2.

$$\frac{50}{75} = \frac{2}{3}.$$

Чтобы переводить изъ одного счисленія въ другое, надо и числителя и знаменателя множить или дѣлить на то число, во сколько разъ то счисленіе, въ какое хочешь перевести, крупнѣе или мельче того, въ какомъ было число.

7 перевести въ 6 разъ мельче счисленіе.

$$7 = \frac{7 \times 6}{1 \times 6} = \frac{42}{6}.$$

$$\frac{7}{8} = \frac{7 \times 6}{8 \times 6} = \frac{42}{48}.$$

$\frac{5}{11}$ сдѣлать въ 13 разъ мельче; $\frac{5 \times 13}{11 \times 13} = \frac{65}{143}$.

$\frac{8}{12}$ сдѣлать въ 4 раза крупнѣе.

$$\frac{8 : 4}{12 : 4} = \frac{2}{3}.$$

$\frac{81}{144}$ сдѣлать въ 9 разъ крупнѣе. $\frac{81 : 9}{144 : 9} = \frac{9}{16}$.

Изъ крупнаго счисленія можно перевести всякую дробь въ какое хочешь болѣе мелкое счисленіе, потому что у всякой дроби можно помножить числителя и знаменателя на то же число; но изъ мелкаго въ крупное счисленіе нельзя перевести всякую дробь, потому что надо, чтобъ числитель и знаменатель дѣлились на

одно и то же число безъ остатка, а не во всякой дроби числитель и знаменатель дѣлятся на одно и то же число безъ остатка.

Въ $\frac{3}{6}$ и числитель и знаменатель дѣлится на 3, а въ $\frac{3}{8}$ числитель дѣлится на 3, а знаменатель не дѣлится; знаменатель дѣлится на 4 и на 2, а числитель не дѣлится.

Чтобы знать, какія дроби можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное, надо знать, какія числа на какія дѣлятся безъ остатка.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 2, надо только счесть, дѣлятся ли единицы на два. Если единицы дѣлятся, то какое бы число большое ни было, оно все дѣлится на два; потому что каждый десятокъ дѣлится на два, и каждая сотня, и каждая тысяча, каждый десятокъ тысячи, и всѣ другіе разряды, сколько бы ихъ ни было.

$\frac{28}{36}$ 8 и 6 дѣлятся на два, и все дѣлится на два безъ остатка.

$$28 : 2 = 14; \qquad 36 : 2 = 18.$$

$\frac{3578}{4896}$ $\qquad 3578 : 2 = 1789; \quad 4896 : 2 = 2448.$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на три, надо сложить всѣ цифры числа, и *сложенное* раздѣлить на 3. Если *сложенное* раздѣлится на три, то все число раздѣлится на 3; потому что, сколько бы ни было десятковъ, сотенъ, тысячъ, каждый десятокъ раздѣлится на 3, и останется отъ него только 1,

$$\begin{array}{r|l} 10 & 3 \\ \hline 9 & 3 \\ \hline 1 & \end{array}$$

и каждая сотня раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

$$\begin{array}{r|l} 100 & 3 \\ \hline 99 & 33 \\ \hline 1 & \end{array}$$

и каждая тысяча раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

$$\begin{array}{r|l} 1000 & 3 \\ \hline 999 & 333 \\ \hline 1 & \end{array}$$

И такъ же каждый десятокъ тысячъ и каждая сотня тысячъ, и такъ дальше. Стало-быть, когда сочтешь всѣ цифры, ты сочтешь тѣ самыя единицы, какія остаются отъ десятковъ, сотенъ тысячъ, и т. д. Если эти единицы дѣлятся съ послѣдними единицами, то все дѣлится.

$\frac{24}{36}$ $\qquad 2+4=6; \quad 6:3=2$

$\qquad\qquad 3+6=9; \quad 9:3=3$

$\frac{75402}{82371}$ $\qquad 7+5+4+2=18; \quad 18:3=6$

$\qquad\qquad 8+2+3+7+1=21; \quad 21:3=7$

$$75402:3=25134 \qquad 82371:3=27457.$$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 4, надо счесть, дѣлятся ли десятки и единицы на 4. Если десятки и единицы дѣлятся, то сотни, тысячи и всѣ другія навѣрно раздѣлятся, потому что каждая сотня дѣлится на 4; 100:4=25, и 1000:4=250. И т. д.

2784 84:4=21
9532 32:4= 8.

2784:4=696 9532:4=2383.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 5, надо только замѣтить, дѣлятся ли единицы на 5. А если единицы дѣлятся, то все число дѣлится; потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча дѣлятся на 5.

57890:5=11578
37925:5= 7585.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 6, надо узнать, дѣлится ли оно на 3 и на 2. Если дѣлится на 3 и на 2, то дѣлится и на 6, потому что $6=2\times3$.

57324 $5+7+3+2+4=21$; 21:3=7; и послѣдняя цифра 4:2=2.
67932 $6+7+9+3+2=27$; 27:3=9; и послѣдняя цифра 2:2=1.

57324:6= 9554
67932:6=11322.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 8, надо счесть, дѣлятся ли единицы, десятки и сотни на 8. Если дѣлятся, то и все число дѣлится, потому что каждая 1000 дѣлится на 8; 1000:8=125; и каждый десятокъ тысячъ 10000:8=1250, и всѣ остальныя.

20135368 368:8=46
79541272 272:8=34.

20135368:8=2516921
79541272:8=9942659.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 9, надо сложить всѣ цифры числа, и сложенное раздѣлить на 9. Если сложенное раздѣлится, то и все число раздѣлится, потому что каждый десятокъ и каждая сотня, и тысяча, когда дѣлится на 9, то отъ нихъ остается 1. Если эти единицы, когда ихъ сложить съ настоящими единицами, дѣлятся на 9, то и все число раздѣлится на 9.

543213 $5+4+3+2+1+3=18$; 18:9=2
810576 $8+1+5+7+6=27$; 27:9=3.

543213:9=60357
810576:9=90064.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 10, надо только замѣтить, есть ли единицы. Если нѣтъ единицъ, то все число дѣлится на 10,

потому что 10 дѣлится, а сотни и тысячи, сколько бъ ихъ ни было, всѣ изъ десятковъ.

$$\overline{457510 : 10 = 45751}$$
$$\overline{301100 : 10 = 30110}.$$

ПРИВЕДЕНІЕ КЪ ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ.

Надо умѣть переводить дроби изъ мелкаго въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое счисленіе; но, кромѣ того, надо еще умѣть двѣ дроби или нѣсколько дробей переводить изъ разныхъ счисленій въ одинаковое,—къ одному знаменателю.

$\frac{5}{6}$ и $\frac{3}{21}$ привести къ одному знаменателю. Сколько разъ повторить 6, и сколько разъ повторить 21, чтобъ число вышло одно и то же?

Возьми одинъ разъ большое число, и столько разъ малое число, чтобъ малое сравнялось съ большимъ.

Если малое не сравняется, а перейдетъ большое, то возьми другой разъ большое и столько разъ малое, чтобъ оно сравнялось съ большимъ. Если малое и тогда не сравняется, то возьми еще разъ большое и опять малое, и равняй такъ оба числа до тѣхъ поръ, пока они сойдутся.

1 разъ 21, и 4 раза малое 6.
Малое перейдетъ на 3.
Возьми 2-й разъ 21; тогда большое перейдетъ на 18.
Возьми малое еще 3 раза оно сравняется.

Стало-быть, $2 \times 21 = 7 \times 6 = 42$. Стало-быть,

$$\frac{5 \times 7}{6 \times 7} = \frac{35}{42}, \text{ а } \frac{3 \times 2}{21 \times 2} = \frac{6}{42}.$$

Сравнять $\frac{3}{7}$ и $\frac{2}{5}$.

Возьму 1 разъ 7, и 2 раза $5 = 10$. Малое перейдетъ на 3.
Возьму 2-й разъ 7, большое перейдетъ на 4.
Возьму 3-й разъ 5, малое перейдетъ на 1.
Возьму 3-й разъ 7, большое перейдетъ на 6.
Возьму 4-й и 5-й разъ 5, малое перейдетъ на 4.
Возьму 4-й разъ 7, большое перейдетъ на 3.
Возьму 6-й разъ 5, малое перейдетъ на 2.
Возьму 5-й разъ 7, большое перейдетъ на 5.
Возьму 7-й разъ 5, малое съ большимъ сравняются.

Стало-быть, $5 \times 7 = 7 \times 5 = 35$.

$$\frac{3 \times 5}{7 \times 5} = \frac{15}{35}, \text{ а } \frac{2 \times 7}{5 \times 7} = \frac{14}{35}.$$

Сравнять 943 и 345.

1 × 943	2 × 345	большое	перейдетъ	на	253
1 × —	3 × —	малое	—	—	92
2 × —	3 × —	большое	—	—	851
2 × —	6 × —	малое	—	—	184
3 × —	6 × —	большое	—	—	759
3 × —	9 × —	малое	—	—	276
4 × —	9 × —	большое	—	—	667
4 × —	11 × —	малое	—	—	23
5 × —	11 × —	большое	—	—	920
5 × —	14 × —	малое	—	—	115
6 × —	14 × —	большое	—	—	828
6 × —	17 × —	малое	—	—	207
7 × —	17 × —	большое	—	—	736
7 × —	20 × —	малое	—	—	299
8 × —	20 × —	большое	—	—	644
8 × —	22 × —	малое	—	—	46
9 × —	22 × —	большое	—	—	897
9 × —	25 × —	малое	—	—	138
10 × —	25 × —	большое	—	—	805
10 × —	28 × —	малое	—	—	230
11 × —	28 × —	большое	—	—	713
11 × —	31 × —	малое	—	—	322
12 × —	31 × —	большое	—	—	621
12 × —	33 × —	малое	—	—	69
13 × —	33 × —	большое	—	—	874
13 × —	36 × —	малое	—	—	161
14 × —	36 × —	большое	—	—	782
14 × —	39 × —	малое	—	—	253
15 × —	39 × —	большое	—	—	690
15 × —	41 × —	—	—	—	000.

Для того, чтобы скорѣе приводить къ одному знаменателю, надо дѣлать такъ:

Сперва повторить малое число столько разъ, чтобы оно подошло какъ можно ближе къ большому числу, но не достало до него, а потомъ повторить малое число столько разъ, чтобы оно подошло какъ можно ближе къ большому числу и перешло бы его.

Когда узнаешь, сколько разъ надо повторить малое число, чтобы оно не достало до большого числа, и сколько разъ повторить малое число, чтобъ оно перешло большое число, тогда равняй недостатки и лишки и замѣчай, сколько разъ повторить недостатки, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ. И до тѣхъ поръ равняй лишки съ недостатками, пока лишковъ не будетъ ровно съ недостатками.

28 и 7. Сколько разъ повторить 7, чтобы оно сравнялось съ 28? 4 раза. 1 × 28 и 4 × 7 будетъ ровно.

21 и 6.

Сколько разъ повторить 6, чтобъ сравнялось съ 21? $4 \times 6 = 24$. 6 не сравнялось съ 21, а перешло его на 3. Сколько разъ повторить 6, чтобъ недостало до 21, и сколько разъ повторить 6, чтобъ перешло 21?

1×21 и 3×6 недостанетъ 3.
1×21 и 4×6 лишнихъ 3.

Равняй лишки съ недостатками. Возьми одинъ разъ первую линейку и одинъ разъ вторую линейку и сочти, сколько разъ повторится 21 и 6.

1×21 и 3×6 недостало 3.
1×21 и 4×6 лишнія 3.

Сложи разы. 2×21 и 7×6 сравнялись.

---

306 и 221.

Сколько разъ повторить 221, чтобы сравнять съ 306?

$2 \times 221 = 442$.

221 не сравнялось съ 306, а перешло его на (442—306 =) 136.

Сколько разъ взять 221, чтобъ недостало, и сколько разъ взять, чтобъ перешло?

(1 лин.) 1×306 и 1×221 недостало 85.
(2 лин.) 1×306 и 2×221 лишнія 136.

Равняй лишки съ недостатками.
Недостатки съ лишками не сравняются.

Сколько разъ повторить первую линейку и вторую линейку, чтобъ было недостатковъ больше лишковъ?

Два раза первую и одинъ разъ вторую.

(2 раза 1-я лин.) 2×306 и 2×221 нед. $85 + 85 = 170$.
(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136.

(3-я лин.) Сложи: 3×306 и 4×221 недост. 34.

Сколько разъ повторить 1-ю и 2-ю линейку, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ?

Одинъ разъ вторую и одинъ разъ первую.

(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136.
(1-я линейка) 1×306 и 1×221 недостатк. 85.

(4 лин.) Сложи: 2×306 и 3×221 лишковъ 51.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобъ недостатковъ было больше лишковъ? Два раза 3-ю линейку и одинъ разъ 4-ю линейку.

(2 раза 3-ья лин.) 6×306 и 8×221 нед. $34 - 34 = 68$.
(4-ья линейка) 2×306 и 3×221 лишк. 51.

(5-я лин.) Сложи: 8×306 и 11×221 недост. 17.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобы лишковъ было больше недостатковъ? Одинъ разъ 4-ю и одинъ разъ 3-ю линейку.

2×306 и 3×221 — лишковъ 51.
3×306 и 4×221 — недост. 34

(6 лин.) Сложить: 5×306 и 7×221 — лишковъ 17.

Равняй 5-ю и 6-ю линейки:

(5-я линейка) 8×306 и 11×221 недостатк. 17.
(6-я линейка) 5×306 и 7×221 лишковъ 17.

Сложить: 13×306 и 18×281 — сравнялось.

---

943 и 345.

(1 лин.) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 лин.) 1×943 и 3×345 лишковъ 92.

Чтобъ больше было недостатковъ, надо взять одинъ разъ первую линейку и два раза вторую.

(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 раза 2-я лин.) 2×943 и 6×345 лиш. $92 + 92 = 184$.

(3 лин.) Слож.: 3×943 и 8×345 недостанетъ 69.

Чтобъ больше было лишковъ надо взять 3 раза вторую линейку и одинъ разъ первую линейку.

(3 раза 2-я лин.) 3×943 и 9×345 лишк. 276.
(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостатк. 253.

(4-я лин.) Слож.: 4×943 и 11×345 лишковъ 23.

Сравнять лишки и недостатки. 3-ю линейку взять одинъ разъ и 4-ю линейку взять 3 раза.

(3-я линейка) 12×943 и 8×345 недостатковъ 69.
(3 раза 4-я лин.) 12×943 и 33×345 лишковъ 69.

Сложить 15×943 и 41×345 — сравнялось.

Сравнять: 15379 и 4459.

1×15379 и 3×4459 недост. 2002.				1×15379 и 4×4459 лишк. 2457.			
(2 раза 1-я л.) 2×15379 и 6×4459	недост.	4004		(2-я лин.) 1×15379 и 4×4459	лишк.	2457	
(2-я лин.) 1×15379 и 4×4459	лишк.	2457		(1-я лин.) 1×15379 и 3×4459	недост	2002	
(3 лин.) Слож: 3×15379 и 10×4459	недост.	1547		(4 л.) Слож.: 2×15379 и 7×4459	лишк.	455	
(3-я линейка) 3×15379 и 10×4459	недост.	1547		(4 раза 4-я л.) 8×15379 и 28×4459	лишк.	1820	
(3 раза 4-я л.) 6×15379 и 21×4459	лишк.	1365		(3-я лин.) 3×15379 и 10×4459	недост.	1547	
(5-я л.) Слож.: 9×15379 и 31×4459	недост.	182		(6-я л.) Сл. 11×15379 и 38×4459	лишк.	273	
(2 раза 5-я л.) 18×15379 и 62×4459	недост.	364		(6-я лин.) 11×15379 и 38×4459	лишк.	273	
(6-я лин.) 11×15379 и 38×4459	лишк.	273		(5-я лин.) 9×15379 и 31×4459	недост.	182	
Сложить: 29×15379 и 100×4459	недост.	91		Сложить 20×15379 и 69×4459	лишк.	91	

29×15379 и 100×4459 недост. 91.
20×15379 и 69×4459 лишк. 91.

Сложить.: 49×15379 и 169×4459 — сравнялось.

Чтобъ дѣлать скорѣе.

3045 и 870.

3045	870
2610	3
435	

870
—435
435

1 × 3045 и 3 × 870 нед. 435 1 × 3045 и 4 × 870 лишн. 435.

1 разъ и 3 раза.
1 — и 4 —
2 — 7 — сравнялось.

2172 и 235.

2172	235
2115	9
57	

10 × 235 = 2350
— 2172
178

1 × 2172 и 9 × 235 недост. 57
× 4
4 — — и 36 — — — 228
1 — — и 10 — — — 178
5 — — и 46 — — — 50
28 — — и 259 — — — 49
33 — — и 305 — — — 1

1 × 2172 и 10 × 235 лишн. 178
3 — — и 27 — — 3 × 57 = 171
4 — — и 37 — — — 7
231 — — и 2135 — — — 7
Сл. 235 — и 2172 — — — — 00

Сравнять: 117 и 90. 1183 и 182. 693 и 55. 648 и 279. 324 и 372.

Если надо привести къ одному знаменателю много дробей—уравнять много чиселъ, то надо равнять сначала два самыя большія числа, а потомъ съ ними уравнивать малыя.

Сравнять: 40, 30, 12, 9, 15, 4, 8.

40 и 30. 1×40 и 1×30 нед. 10. 1×40 и 2×30 лиш. 20.
2×40 и 2×30 нед. 20.
1×40 и 2×30 лиш. 20.
3×40 и 4×30 — сравняется.

120 и 12. 1×120 и 10×12.

120 и 9. 1×120 и 13×9 н. 3. 1×120 и 14×9 л. 6.
2×120 и 26×9 нед.
1×120 и 14×9 лиш. 6.
3×120 и 40×9 = сравняется.

360 и 15. 1×460 и 24×15.

360 и 4. 1×360 и 90×4.

360 и 8. 1×360 и 45×8.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Сложеніе и вычитаніе дробей.

Дроби складываются и вычитаются точно такъ же, какъ и простыя числа; только надо помнить, въ какомъ счисленіи написаны дроби. Если дроби написаны въ десятичномъ счисленіи, то 10 десятыхъ будетъ одна единица; а если въ 17-тичномъ счисленіи, то 17 семнадцатыхъ будетъ одна единица, если въ шестичномъ счисленіи, то 6 шестыхъ будетъ одна единица, если въ тысяча-двѣсти-тридцати-пятичномъ, то 1235 тысяча-двѣсти-тридцать пятыхъ будетъ одна единица и т. д.

Одна вторая (одна половина) $\left(\frac{1}{2}\right)$ да одна вторая $\left(\frac{1}{2}\right)$ будетъ двѣ вторыя $\left(\frac{2}{2}\right)$ все равно 1 цѣлая,

$$\frac{1}{2}+\frac{1}{2}=1 \qquad 0{,}5+0{,}5=1{,}0$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть одну вторую $\left(\frac{1}{2}\right)$. Одна цѣлая все равно, что $\frac{2}{2}$ (двѣ вторыя). Изъ $\frac{2}{2}$ вычесть $\frac{1}{2}$ будетъ $\frac{1}{2}$.

$$1-\frac{1}{2}=\frac{1}{2} \qquad 1{,}0-0{,}5=0{,}5.$$

Пять половинъ $\left(\frac{5}{2}\right)$ да три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$, будетъ восемь половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$. Все равно четыре цѣлыя (4).

$$\frac{5}{2}+\frac{3}{2}=4.$$

Изъ четырехъ цѣлыхъ (4) вычесть три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$ Четыре цѣлыя (4) все равно, что восемь половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$. Изъ восьми половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$ вычесть три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$, останется пять половинъ $\left(\frac{5}{2}\right)$.

$$4-\frac{3}{2}=\frac{5}{2} \qquad 4{,}0=1{,}5=2{,}5.$$

Одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ да двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$да еще три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$, будетъ шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$. Шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$ все равно, что одна цѣлая и двѣ четверти $\left(1\frac{2}{4}\right)$.

$$\frac{1}{4}+\frac{2}{4}+\frac{3}{4}=1\frac{2}{4}$$
$$0{,}1+0{,}5+0{,}7=1{,}3.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двухъ четвертей $\left(\frac{2}{4}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

Одна цѣлая (1) все равно, что четыре четверти $\left(\frac{4}{4}\right)$; да еще двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$, будетъ шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$.

Изъ шести четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$, останется три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$1\frac{2}{4}-\frac{3}{4}=\frac{3}{4}. \qquad 1{,}3-0{,}5=0{,}8.$$

Двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ да еще двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$, да еще двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ — будетъ семь третей $\left(\frac{7}{3}\right)$. Все равно двѣ цѣлыхъ (2) и одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$\frac{2}{3}+\frac{2}{3}+\frac{1}{3}+\frac{2}{3}=2\frac{1}{3}.$$

$$0{,}5+0{,}6+0{,}8+0{,}9=2{,}8.$$

Изъ двухъ цѣлыхъ (2) и одной трети $\left(\frac{1}{3}\right)$ вычесть двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$. Двѣ цѣлыя (2) все равно, что шесть третей $\left(\frac{6}{3}\right)$, да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$— будетъ семь третей $\left(\frac{7}{3}\right)$. Изъ семи третей $\left(\frac{7}{3}\right)$ вычесть двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, останется пять третей $\left(\frac{5}{3}\right)$. Все равно одна цѣлая и двѣ трети $\left(1\frac{2}{3}\right)$.

$$2\frac{1}{3}-\frac{2}{3}=1\frac{2}{3}.$$

$$2{,}7-0{,}8=1{,}9.$$

Одна седьмая $\left(\frac{1}{7}\right)$да двѣ седьмыхъ $\left(\frac{2}{7}\right)$, да четыре седьмыхъ $\left(\frac{4}{7}\right)$—будетъ семь седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$. Все равно, что одна цѣлая (1).

$$\frac{1}{7}+\frac{2}{7}+\frac{4}{7}=1.$$

$$0{,}3+0{,}2+0{,}5=1{,}0.$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть три седьмыхъ $\left(\frac{3}{7}\right)$. Одна цѣлая (1) все равно, что семь седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$. Изъ семи седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$ вычесть три седьмыхъ $\left(\frac{3}{7}\right)$, останется четыре седьмыхъ $\left(\frac{4}{7}\right)$.

$$1-\frac{3}{7}=\frac{4}{7}. \qquad 1{,}0-0{,}3=0{,}7.$$

Одна пятнадцатая $\left(\frac{1}{15}\right)$да восемь пятнадцатыхъ $\left(\frac{8}{15}\right)$ да семь пятнадцатыхъ $\left(\frac{7}{15}\right)$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$. Все равно одна цѣлая и одна пятнадцатая $\left(1\frac{1}{15}\right)$.

$$\frac{1}{15}+\frac{8}{15}+\frac{7}{15}=\frac{16}{15}=1\frac{1}{15}.$$

$$0{,}1+0{,}8+0{,}9+0{,}7=2{,}5.$$

Изъ одной цѣлой (1) и одной пятнадцатой $\left(\frac{1}{15}\right)$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $\left(\frac{4}{15}\right)$. Одна цѣлая (1) все равно, что пятна-

дцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{15}{15}\right)$ да одна пятнадцатая $\left(\frac{1}{15}\right)$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$. Изъ шестнадцати пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $\left(\frac{4}{15}\right)$, останется двѣнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{12}{15}\right)$.

$$1\frac{1}{15}-\frac{4}{15}=\frac{12}{15}. \qquad 2{,}5-0{,}7=1{,}8.$$

Тысяча пятьсотъ тридцать два и двѣ трети $\left(1532\frac{2}{3}\right)$ да семьсотъ три и двѣ трети $\left(703\frac{2}{3}\right)$, будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети $\left(\frac{4}{3}\right)$.

Четыре трети $\left(\frac{4}{3}\right)$ все равно, что одна цѣлая и одна треть $\left(1\frac{1}{3}\right)$. Всего будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) и одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$1532\frac{2}{3}+703\frac{2}{3}=2236\frac{1}{3}.$$

$$67{,}8+75{,}3=143{,}1.$$

Изъ двухъ тысячъ двухъ сотъ тридцати шести (2236) и одной трети $\left(\frac{1}{3}\right)$ вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$.

Двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) все равно, что двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и три трети $\left(\frac{3}{3}\right)$; да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$, будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети $\left(\frac{4}{3}\right)$. Вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, останется тысяча пятьсотъ тридцать два (1532) и двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$.

$$2236\frac{1}{3}-703\frac{2}{3}=1532\frac{2}{3}$$

$$143{,}1-67{,}8=75{,}3.$$

Пятьдесять шесть стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{56}{118}\right)$, да восемьдесятъ четыре стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$ будетъ сто сорокъ стовосемна-

дцатыхъ $\left(\frac{140}{118}\right)$. Все равно, что одна цѣлая (1) и двадцать два стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$.

$$\frac{56}{118}+\frac{84}{118}=\frac{140}{118}=1\frac{22}{118}.$$

$$0{,}17+0{,}81+0{,}36=1{,}34.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двадцати двухъ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$ вычесть восемьдесятъ четыре стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$.

Одна цѣлая (1) все равно, что сто восемнадцать стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{118}{118}\right)$, да еще двадцать двѣ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$, будетъ сто сорокъ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{140}{118}\right)$. Вычесть восемьдесятъ четыре стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$, останется пятьдесятъ шесть стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{56}{118}\right)$.

$$1\frac{22}{118}-\frac{84}{118}=\frac{56}{118} \qquad 1{,}34-0{,}36=0{,}98.$$

Одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$, будетъ двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ все равно, что одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$.

$$\frac{1}{4}+\frac{1}{4}=\frac{1}{2}.$$

Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ — сколько будетъ четвертей? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ будетъ три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$\frac{1}{2}+\frac{1}{4}=\frac{3}{4}.$$

Изъ одной половины $\left(\frac{1}{2}\right)$ вычесть одну четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$. Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Изъ двухъ

четвертей $\left(\frac{2}{4}\right)$ вычесть одну четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ останется одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{2}-\frac{1}{4}=\frac{1}{4}.$$

Одна восьмушка $\left(\frac{1}{8}\right)$ да одна восьмушка $\left(\frac{1}{8}\right)$, будетъ двѣ восьмушки $\left(\frac{2}{8}\right)$. Двѣ восьмушки $\left(\frac{2}{8}\right)$ все равно, что одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{8}+\frac{1}{8}=\frac{1}{4}.$$

Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$, три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ и пять восьмушекъ $\left(\frac{5}{8}\right)$ — сколько будетъ восьмушекъ? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что четыре восьмушки $\left(\frac{4}{8}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что шесть восьмушекъ $\left(\frac{6}{8}\right)$. Четыре восьмушки $\left(\frac{4}{8}\right)$ да шесть восьмушекъ $\left(\frac{6}{8}\right)$, да пять восьмушекъ $\left(\frac{5}{8}\right)$, будетъ пятнадцать восьмушекъ $\left(\frac{15}{8}\right)$, все равно одна цѣлая (1) и семь восьмушекъ $\left(\frac{7}{8}\right)$

$$\frac{1}{2}+\frac{3}{4}+\frac{5}{8}=\frac{15}{8}=1\frac{7}{8}.$$

Изъ двѣнадцати восьмыхъ $\left(\frac{12}{8}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$. Двѣнадцать восьмушекъ $\left(\frac{12}{8}\right)$ все равно, что шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ изъ шести четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$, останется три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$

$$\frac{12}{8}-\frac{3}{4}=\frac{3}{4}.$$

Одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$ да одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$, будетъ двѣ шестыхъ $\left(\frac{2}{6}\right)$. Двѣ шестыхъ $\left(\frac{2}{6}\right)$ все равно, что одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$\frac{1}{6}+\frac{1}{6}=\frac{2}{6}=\frac{1}{3}.$$

Одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$ да одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$, да еще одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$ будетъ три шестыхъ $\left(\frac{3}{6}\right)$, все равно, что одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$.

$$\frac{1}{6}+\frac{1}{6}+\frac{1}{6}=\frac{3}{6}=\frac{1}{2}.$$

Двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ да одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$—сколько будетъ? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что три шестыхъ $\left(\frac{3}{6}\right)$, а двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ все равно, что четыре шестыхъ $\left(\frac{4}{6}\right)$. Три шестыхъ $\left(\frac{3}{6}\right)$ да четыре шестыхъ $\left(\frac{4}{6}\right)$, будетъ семь шестыхъ $\left(\frac{7}{6}\right)$, все равно одна цѣлая и одна шестая $\left(1\frac{1}{6}\right)$.

$$\frac{2}{3}+\frac{1}{2}=1\frac{1}{6}.$$

Одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$ да одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, будетъ двѣ двѣнадцатыхъ $\left(\frac{2}{12}\right)$. Двѣ двѣнадцатыхъ $\left(\frac{2}{12}\right)$ все равно, что одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$.

$$\frac{1}{12}+\frac{1}{12}=\frac{2}{12}=\frac{1}{6}.$$

Одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$ да одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, да еще одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, будетъ три двѣнадцатыхъ $\left(\frac{3}{12}\right)$. Три двѣнадцатыхъ $\left(\frac{3}{12}\right)$ все равно, что одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{12}+\frac{1}{12}+\frac{1}{12}=\frac{3}{12}=\frac{1}{4}.$$

Изъ пяти шестыхъ $\left(\frac{5}{6}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$. Пять шестыхъ $\left(\frac{5}{6}\right)$ все равно, что десять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{10}{12}\right)$; три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что девять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{9}{12}\right)$.

Изъ десяти двѣнадцатыхъ $\left(\frac{10}{12}\right)$ вычесть девять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{9}{12}\right)$ останется одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$.

$$\frac{5}{6}-\frac{3}{4}=\frac{1}{12}.$$

Изъ трехъ четвертей $\left(\frac{3}{4}\right)$ вычесть двѣ пятыхъ $\left(\frac{2}{5}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что пятнадцать двадцатыхъ $\left(\frac{15}{20}\right)$. Двѣ пятыхъ $\left(\frac{2}{5}\right)$ все равно, что восемь двадцатыхъ $\left(\frac{8}{20}\right)$.

Изъ пятнадцати двадцатыхъ $\left(\frac{15}{20}\right)$ вычесть восемь двадцатыхъ $\left(\frac{8}{20}\right)$, останется семь двадцатыхъ $\left(\frac{7}{20}\right)$.

$$\frac{3}{4}-\frac{2}{5}=\frac{7}{20}.$$

Сложить.

$$\frac{13}{17}+\frac{23}{41} \qquad \frac{18}{42}+\frac{11}{23} \qquad \frac{9}{117}+\frac{8}{90}.$$

$$\frac{3}{5}+\frac{4}{7}+\frac{5}{8}+485+\frac{1}{3}+2+6\frac{1}{16}.$$

Вычесть.

$$1-\frac{3}{15} \qquad 75-\frac{8}{13} \qquad \frac{7}{8}-\frac{286}{1231} \qquad \frac{2}{3}-\frac{5}{7}.$$

$$\frac{5}{6}-\frac{17}{42} \qquad \frac{2}{13}-\frac{25}{1000}.$$

Умноженіе и дѣленіе дробей.

На дроби помножается и дѣлится всякое число точно такъ же, какъ и на цѣлыя числа, только надо помнить, въ какомъ счисленіи та дробь, на какую помножаешь или дѣлишь. Если дробь, на какую помножаешь, написана въ десятичномъ счисленіи, то, когда помножишь на 0,3, все, что выйдетъ, будетъ въ 10 разъ меньше, а когда помножишь на 0,03, все, что выйдетъ, будетъ въ 100 разъ меньше. Если дробь написана въ 17-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\frac{3}{17}$, то, когда помножишь на 3, все, что выйдетъ, бу-

детъ въ 17 разъ меньше. Если дробь, на какую дѣлишь, написана въ 10-тичномъ счисленіи, то, когда раздѣлишь на 0,3, все, что выйдетъ, будетъ въ 10 разъ больше, а когда раздѣлишь на 0,03, то все то, что выйдетъ, будетъ въ 100 разъ больше. Если дробь написана въ 13-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\left(\frac{5}{13}\right)$, то, когда раздѣлишь на 5, все, что выйдетъ, будетъ въ 13 разъ больше

$$8 \times \frac{3}{4}.$$

Можно сдѣлать такъ: 8 взять 3 раза, будетъ 24: въ 4 раза меньше—будетъ 6,

Или такъ: 8 взять въ 4 раза меньше, будетъ 2; и 2 взять 3 раза, будетъ 6.

$$8 \times \frac{3}{4} = 6.$$ Три четверти восьми будетъ 6.

Если надо взять восемь разъ три четверти, то будетъ 24 четверти. Если надо взять 8 разъ три стодвадцатыя, то будетъ 24 стодвадцатыя.

$$\frac{5}{6} \times 11 = \frac{55}{6} \qquad \frac{37}{85} \times 23 = \frac{851}{85}.$$

$$6 : \frac{3}{4}.$$

Можно сдѣлать такъ: 6 раздѣлить на 3, будетъ 2. Взять въ 4 раза больше, будетъ 8. Или такъ: 6 въ 4 раза больше, будетъ 24; и раздѣлить на 3, будетъ 8.

$$6 \cdot \frac{3}{4} = 8.$$

Если $\frac{12}{15}$ надо раздѣлить на 3, то будетъ четыре пятнадцатыхъ. Если двѣнадцать тридцатьседьмыхъ раздѣлить на три, то будетъ 4 тридцатьседьмыхъ.

$$\frac{35}{47} : 7 = \frac{5}{47} \qquad \frac{171}{569} \quad 9 = \frac{19}{569}.$$

$$4 \times \frac{2}{3}.$$

4 взять 2 раза, будетъ 8; нужно взять въ 3 раза меньше.

(Для того, чтобы раздѣлить 8 на 3, надо передѣлать 8 въ столько частей, чтобы онѣ дѣлились на 3 $8 = \frac{24}{3}$).

$$\frac{24}{3} : 3 = \frac{8}{3}; \quad \frac{8}{3} = 2\frac{2}{3}.$$

Или 4 въ 3 раза меньше. (Для того, чтобы 4 раздѣлить на 3 надо 4 передѣлать въ столько частей, чтобы дѣлилось на 3. $4=\frac{12}{3}$ $\frac{12}{3}:3=\frac{4}{3}$, и нужно $\frac{4}{3}$ взять 2 раза; будетъ $\frac{8}{3}=2\frac{2}{3}$ $4\times\frac{2}{3}=\frac{8}{3}=2\frac{2}{3}$. Двѣ трети четырехъ будетъ двѣ и двѣ трети.

$$6:\frac{4}{5}.$$

6 раздѣлить на 4. (Чтобы 6 раздѣлить на 4, надо передѣлать 6 такъ, чтобы дѣлилось безъ остатка на 4. $6=\frac{24}{4}$). $\frac{24}{4}:4=\frac{6}{4}$ $\frac{6}{4}$ въ пять разъ больше будетъ $\frac{30}{4}=7\frac{2}{4}=7\frac{1}{2}$.

Или 6 въ 5 разъ больше, 30—раздѣлить на 4. (Передѣлать 30. $30=\frac{120}{4}$).

$$\frac{120}{4}:4=\frac{30}{4}=7\frac{1}{2};\quad 6:\frac{4}{5}=7\frac{1}{2}.$$

Шесть есть четыре пятыхъ семи съ половиною

$$85\times\frac{119}{173}.$$

85 взять 119 разъ$=10115$; въ 173 раза меньше будетъ $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$. Или:

85 взять въ 173 раза меньше$=\frac{85}{173}$, и взять 119 разъ, будетъ $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$.

$$85:\frac{173}{119}.$$

85 раздѣлить на $173=\frac{85}{173}$; въ 119 разъ больше, будетъ $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$. Или:

85 въ 119 разъ больше, будетъ 10115; раздѣлить на $173=$ $=\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$.

$$\frac{6}{7}\times\frac{2}{3}.$$

$\frac{6}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{12}{7}$; въ 3 раза меньше будетъ $\frac{4}{7}$. Или:

$\frac{6}{7}$ взять въ 3 раза меньше, будетъ $\frac{2}{7}$ и взять 2 раза, будетъ $\frac{4}{7}$.

$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{4}{7}$. Двѣ трети шести седьмыхъ будетъ четыре седьмыхъ.

$$\frac{4}{7} : \frac{2}{3}.$$

$\frac{4}{7}$ раздѣлить на $2 = \frac{2}{7}$; $\frac{2}{7}$ въ три раза больше, будетъ $\frac{6}{7}$. Или $\frac{4}{7}$ въ 3 раза больше $\frac{12}{7}$; раздѣлить на $2 = \frac{6}{7}$.

$\frac{4}{7} : \frac{2}{3} = \frac{6}{7}$. Четыре седьмыхъ есть двѣ трети шести седьмыхъ.

$$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3}.$$

$\frac{5}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{7}$; въ 3 раза меньше (надо $\frac{10}{7}$ передѣлать такъ, чтобы можно было безъ остатка раздѣлить на 3. $\frac{10}{7} = \frac{30}{21}$). $\frac{30}{21}$ въ три раза меньше будетъ $\frac{10}{21}$.

Или $\frac{5}{7}$ взять въ 3 раза меньше (надо $\frac{5}{7}$ передѣлать, $\frac{5}{7} = \frac{15}{21}$); $\frac{15}{21}$ въ 3 раза меньше $= \frac{5}{21}$; взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{21}$.

$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{10}{21}$. Двѣ трети пяти седьмыхъ будетъ десять двадцать первыхъ.

$$\frac{5}{7} : \frac{3}{8}.$$

$\frac{5}{7}$ раздѣлить на 3 $\left(\frac{5}{7} = \frac{15}{21}\right)$; $\frac{15}{21} : 3 = \frac{5}{21}$; $\frac{5}{21}$ взять въ 8 разъ больше $= \frac{40}{21}$. Или: $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше $= \frac{40}{7}$; раздѣлить на 3 $\left(\frac{40}{7} = \frac{120}{21}\right)$, $\frac{120}{21}$ раздѣлить на $3 = \frac{40}{21}$.

$\frac{5}{7} : \frac{3}{8} = \frac{40}{21}$. Пять седьмыхъ есть три восьмыхъ сорока двадцать первыхъ.

$$5 \times \frac{1}{7}.$$

5 взять 1 разъ будетъ 5, и въ 7 разъ меньше.

Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ: $\overset{7}{\smile}{0,5}$ въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$. $5 \times \frac{1}{7} = \frac{5}{7}$.

$$5 : \frac{7}{8}.$$

5 раздѣлить на 7. Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ: $\overset{7}{\smile}{0,5}$ въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$; и взять $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше — будетъ $\frac{40}{7} = 5\ \frac{5}{7}$; $5 : \frac{7}{8} = 5\ \frac{5}{7}$.

$$\frac{18}{23} \times \frac{31}{49}.$$

$\frac{18}{23}$ взять 31 разъ $\frac{558}{23}$, и въ 49 разъ меньше. Можно не дѣлить числителя, а, чтобы сдѣлать число въ 49 разъ меньше, перевести его въ счисленіе въ 49 разъ меньше 23-го. Какое счисленіе будетъ въ 49 разъ меньше 23-го? ($23 \times 49 = 1127$) 1127-е.

$\frac{558}{23}$ въ 49 разъ меньше будетъ $\frac{558}{1127}$. Или:

$\frac{18}{23}$ взять въ 49 разъ меньше (перевести въ счисленіе въ 49 разъ меньше) будетъ $\frac{18}{1127}$. Взять 31 разъ, будетъ $\frac{558}{1127}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23}.$$

$\frac{17}{19}$ раздѣлить на 11. Перевести $\frac{17}{19}$ въ счисленіе въ 11 разъ меньше ($19 \times 11 = 209$); $\frac{17}{19} : 11 = \frac{17}{209}$. Взять въ 23 раза больше $= \frac{391}{209}$.

Или: $\frac{17}{19}$ въ 23 раза больше $\frac{391}{19}$ раздѣлить на 11 (перевести въ счисленіе въ 11 разъ меньше) $\frac{391}{209}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23} = \frac{391}{209}$$

Помножить:

$53 \times \frac{27}{38}$. $3 \times \frac{17}{141}$. $11 \times \frac{5}{8}$. $\frac{2}{3} \times \frac{8}{13}$. $\frac{4}{7} \times \frac{506}{1004}$. $1 \times \frac{5}{9}$.

Раздѣлить:

$1 : \frac{2}{7}$. $386 : \frac{17}{18}$. $5 : \frac{283}{423}$. $\frac{5}{11} : \frac{7}{16}$. $\frac{8}{21} : \frac{11}{13}$.

ЗАДАЧИ.

I.

1. Мужъ съ женою брали деньги изъ одного сундука, и ничего не осталось.

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена 690 рублей. Сколько было всѣхъ денегъ.

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена то, что оставалось; стало-быть, жена взяла $\frac{3}{10}$ всѣхъ денегъ.

Чтобъ узнать, сколько было всѣхъ денегъ, надо узнать, 690 есть $\frac{3}{10}$ чего? т.-е. $690 : \frac{3}{10}$.

690 есть $\frac{3}{10}$-тыхъ 2300.

2. Мужъ съ женою положили 540 рублей денегъ въ сундукъ и забрали всѣ деньги. Мужъ взялъ $\frac{3}{9}$; сколько взяла жена? Сколько денегъ $\frac{3}{9}$ отъ 540? $\frac{3}{9} \times 540 = \frac{1620}{9} = 180$. Стало-быть, жена взяла $540 - 180 = 360$.

3. Мужъ съ женою положили 1200 рублей въ сундукъ и брали каждый особо. Всѣ деньги вышли. Жена взяла 576 рублей; сколько частей всѣхъ денегъ взялъ мужъ? Жена взяла 576 изъ 1200. Стало-быть, осталось 1200—576=624. 624 есть какая часть 1200? надо $624 : 1200$, $\frac{624}{1200} = \frac{13}{25}$.

ЗАДАЧИ.

II.

1. Одинъ человѣкъ отдалъ $\frac{1}{2}$ своихъ денегъ бѣднымъ, $\frac{1}{4}$ на церковь, а три рубля оставилъ себѣ. Сколько у него было денегъ? Сколько онъ далъ бѣднымъ? Сколько на церковь?

Роздалъ онъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$; всего $\frac{3}{4}$; стало-быть, осталась $\frac{1}{4}$ и эта $\frac{1}{4}$ была 3 рубля. Стало-быть, 3 есть $\frac{1}{4}$ чего? $3 : \frac{1}{4} = 12$ рублей. Бѣднымъ онъ далъ $12 \times \frac{1}{2} = 6$ рублей, а на церковь далъ $12 \times \frac{1}{4} = 3$ рубля.

2. Одинъ человѣкъ изъ всѣхъ своихъ денегъ истратилъ $\frac{1}{7}$ на постройку дома, $\frac{3}{10}$ на отдѣлку дома и $\frac{1}{14}$ на покупку мебели и осталось у него 10200 рублей. Сколько у него было денегъ и сколько стоила: 1) постройка дома? 2) отдѣлка дома? 3) мебель?

Сколько онъ издержалъ частей своихъ денегъ?

$$\frac{1}{7} + \frac{3}{10} + \frac{1}{14} = \frac{18}{35}.$$

Стало-быть, недостаетъ $\frac{17}{35}$, и $\frac{17}{35}$ всѣхъ денегъ будетъ 10200. 10200 есть $\frac{17}{35}$ чего? $10200 : \frac{17}{35} = 21000$.

Всѣхъ денегъ было 21000.

Теперь, сколько пошло на постройку? $21000 \times \frac{1}{7} = 3000$; на отдѣлку? $21000 \times \frac{3}{10} = 6300$; на покупку мебели? $21000 \times \frac{1}{14} = 1500$.

ЗАДАЧИ.

III.

1. Надъ бочкой придѣланы двѣ трубы, изъ обѣихъ трубъ вода течетъ въ бочку. Изъ одной трубы вода наполнитъ бочку въ 24 минуты, изъ другой—въ 15 минутъ.

Еще есть въ бочкѣ дыра; изъ дыры вытечетъ вся вода изъ бочки въ 2 часа (2 часа = 120 минутъ). Наполнится ли бочка и

скоро ли, если пустить воду изъ обѣихъ трубъ, и вода будетъ течь въ дыру?

Что будетъ черезъ минуту послѣ того, какъ открыть обѣ трубы? Сколько будетъ воды въ бочкѣ?

Изъ одной трубы (той, которая въ 15 минутъ наполняетъ бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{15}$ бочки, а изъ другой трубы (той, которая наполнитъ въ 24 минуты бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{24}$ бочки. Вытечетъ же изъ бочки въ минуту $\frac{1}{120}$ бочки. Стало-быть, въ минуту будетъ $\frac{1}{15}+\frac{1}{24}\left(\frac{8}{120}+\frac{5}{120}\right)=\frac{13}{120}$; $\frac{13}{120}-\frac{1}{120}=$ $=\frac{12}{120}=\frac{1}{10}$.

Въ минуту въ бочкѣ будетъ $\frac{1}{10}$. Во сколько времени будетъ полна вся бочка?

$$1:\frac{1}{10}=10.$$

Бочка будетъ полна въ 10 минутъ.

Руководство для учителя.

Счисленіе.

Десятичное счисленіе заключаетъ въ себѣ всю ариѳметику. Тотъ, кто умѣетъ считать впередъ и назадъ до ста, тотъ въ головѣ дѣлаетъ и сложеніе, и вычитаніе, и умноженіе, и дѣленіе, и возвышеніе въ степень, и извлеченіе корней. Тотъ, кто хорошо пойметъ счисленіе, тотъ легко пойметъ всю ариѳметику; и потому надо учить счисленію осторожно, не торопясь, не позволяя ученику ничего заучивать наизустъ, а объясняя каждое дѣйствіе.

Покажите ученику славянскія буквы, потомъ семь знаковъ римскаго счисленія — M, D, C, L, X, V, I, и десять знаковъ арабскаго счисленія и заставляйте его читать таблицу и класть на счетахъ до ста впередъ и назадъ.

Когда онъ запомнитъ знаки цифръ, заставляйте его читать по славянскому счисленію, писать по римскому (безъ сокращенія), класть на счетахъ и подписывать арабскими цифрами. (Подъ счеты надо подложить разграфленный листъ бумаги такъ, чтобы графа приходилась на каждый разрядъ счетовъ).

Обращайте вниманіе ученика въ римскомъ счисленіи на образованіе пятковъ, десятковъ, полсотенъ и сотенъ, въ арабскомъ — на различные способы класть на счетахъ и писать числа, кончающіяся нулемъ.

Пройдя таблицу до ста и обратно, заставьте ученика подъ диктовку писать числа по-римски, класть на счетахъ и подписывать по-арабски, и заставляйте читать числа, написанныя по разнымъ счисленіямъ.

Не требуйте отъ ученика, чтобы онъ называлъ цифры правильно, то есть 40 — сорокъ, 90 — девяносто, 113 — сто тринадцать, а пускай называетъ: 4 десятка; 9 десятковъ; одна сотня, 1 десятокъ и 3 простыхъ; и, диктуя, если онъ не понимаетъ васъ, говорите ему такъ же.

Потомъ пройдите таблицу до 1000 и точно такъ же заставьте считать и писать цифры по двумъ счисленіямъ и класть на счетахъ.

Потомъ заставьте ученика выговаривать числа правильно. Обратите вниманіе на числа 12, 13, 14, 15 16, 17, 18, 19, на 40, на 90, на 200, 300. Эти числа при выговариваніи обыкновенно путаютъ ученика.

Покажите счетъ славянскими буквами для того только, чтобы ученикъ понялъ преимущество римскаго и арабскаго счисленія.

Заставляйте ученика считать, т.-е. складывать римскими цифрами (безъ сокращенія).

Римское счисленіе, самое понятное и простое, имѣетъ еще то преимущество, что оно пріучаетъ ученика разбивать десятокъ на два пятка, что̀ ему потомъ много облегчитъ счетъ, поэтому какъ можно больше заставляйте ученика считать по-римски. Прибавьте отъ себя сотни примѣровъ. Все потраченное на это время вознаградится сторицею.

Сокращеннымъ римскимъ счисленіемъ не нужно считать, если ученикъ не очень способенъ, а нужно только показать его.

Прежде чѣмъ приступить къ арабскому счисленію на бумагѣ и на счетахъ, пройдите нѣсколько разъ упражненія въ различномъ изображеніи чиселъ съ нулями, изображая звѣздочкой десятки (напримѣръ, 1000 — одна тысяча, или 10 сотенъ, или 9 сотенъ и 10 десятковъ; 1000 = *00 = 9*0 = 99*), и упражненія въ различныхъ способахъ наименованія чиселъ, напримѣръ, 5673 = 56 сотнямъ и 73 простымъ = 567 десяткамъ и 3 простымъ. Чѣмъ лучше пойметъ это ученикъ, чѣмъ тверже онъ будетъ въ этомъ, тѣмъ несравненно легче будетъ для него все дальнѣйшее.

Считать арабскими цифрами заставляйте одновременно съ счетами.

Не торопитесь показывать сложенія однѣми арабскими цифрами.

Сложеніе и вычитаніе.

Вычитаніе и сложеніе заставляйте дѣлать на счетахъ, записывая то, что выходитъ, на разграфленной бумагѣ.

Безъ счетовъ заставляйте ученика первое время писать на разграфленной бумагѣ по разрядамъ чиселъ.

Пройдите всѣ упражненія болѣе или менѣе подробно, смотря по способности ученика, но всегда заставляйте дѣлать одновременно сложеніе и вычитаніе изъ суммы слагаемыхъ.

На сложеніи съ большихъ разрядовъ и безъ подписыванія слагаемыхъ чиселъ одного подъ другимъ упражняйте ученика какъ можно дольше. Оно яснѣе и полезнѣе для ученика, чѣмъ сложеніе съ меньшихъ разрядовъ: естественнѣе прежде узнать сколько тысячъ, а потомъ сколько единицъ.

Пройдя сложеніе цифрами, обратите вниманіе ученика на значеніе * и на возможность съ помощію этого знака цифрами такъ же, какъ счетами, различно изображать числа, имѣющія нули.

Вычитаніе не механическое есть одно изъ самыхъ трудныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, и для того, чтобы дальнѣйшіе успѣхи были легки, не торопитесь вычитаніемъ и не жалѣйте мѣлу или карандаша, а заставляйте по нѣскольку разъ переписывать то число, изъ котораго вычитается,—какъ показано въ упражненіяхъ.

Обратите вниманіе ученика на то, что, вычитая многоразрядное число, онъ всякій разъ разбиваетъ его на разряды и вычитаетъ отдѣльно сотни, десятки и единицы.

Вычитаніе точно такъ же естественнѣе съ большихъ разрядовъ, и потому долѣе упражняйте въ немъ ученика.

Не говорите правила о числѣ въ умѣ, приписываемомъ въ сложеніи; а главное, не говорите правила о заниманіи и о томъ, что нуль, черезъ который перескочили, становится 9-ю. Ученикъ самъ пускай выведетъ эти правила.

Объясненіе задачъ возможно тремя способами:

1) Разъясненіе самой задачи, какъ въ задачахъ № I.

2) Составленіе точно такой же задачи съ самыми малыми числами, такъ чтобы ученикъ тотчасъ же въ умѣ дѣлалъ ее,—какъ въ задачахъ № II.

3) Перестановка неизвѣстнаго въ той же задачѣ, какъ въ задачахъ № III. Полезно заставлять ученика дѣлать то же самое хотя съ самыми легкими задачами.

Составляйте сами такого рода задачи и задавайте ученику.

Умноженіе и дѣленіе.

Дѣленіе есть самое трудное изъ ариѳметическихъ дѣйствій. Но тотъ ученикъ, который понялъ ясно дѣленіе, уже не найдетъ никакого затрудненія въ дробяхъ; для того же, который не понялъ дѣленія, дроби будутъ всегда непонятны.

Поэтому не торопитесь умноженіемъ, а старайтесь посредствомъ умноженія уяснить ученику дѣйствіе, обратное умноженію — дѣленіе.

Всякое умноженіе представляетъ два случая: $3 \times 5 =$ 1) 3 раза 5, и 2) 5 разъ 3. Точно такъ же и дѣленіе всегда представляетъ два случая: $15 : 3 =$ 1) сколько разъ 3 въ 15-ти, и 2) какое число повторится 3 раза въ 15-ти. Если ученикъ привыкнетъ умножать, называя множителя тройками, пятериками, восьмериками и т. д., то и второй случай дѣленія,—какое число повторяется извѣстное число разъ въ дѣлимомъ, — можетъ быть выраженъ для ученика коротко и понятно. Если три пятка составляютъ 15, то ему понятенъ будетъ вопросъ: чего въ 15-ти три? т.-е. пятковъ, или паръ, или четвериковъ?

Эта форма вопроса удобна потому, что она коротка и ясна для ученика (не знающаго еще дѣленія); въ особенности же потому, что только эта форма вопроса соотвѣтствуетъ дѣленію дробей. $^1/_3 : {}^4/_5$. Нельзя сказать: сколько разъ $^4/_5$ въ $^1/_3$, ибо очевидно—ни разу. И нельзя сказать: раздѣлить $^4/_5$ на $^1/_3$ часть. Оба вопроса не имѣютъ смысла. Но какъ при 15 : 3 мы говоримъ: 15 есть три чего? или три какого числа? — такъ и при $^4/_5 : {}^1/_3$ можно сказать: $^4/_5$ есть одна треть чего? или какого числа? Точно такъ же и при помноженіи дроби на дробь, $^3/_5 \times {}^2/_3$, нельзя сказать: повторить $^3/_5$-тыхъ $^2/_3$ раза и обратно; оба вопроса не имѣютъ смысла. Но, какъ при 5×3 мы говоримъ: три пятка или пять троекъ сколько будетъ? — такъ и при $^3/_5 \times {}^2/_3$ можно сказать: двѣ трети трехъ пятыхъ сколько будетъ? Въ отдѣлѣ дробей объ этомъ говорено подробнѣе, теперь же упоминаю для того, чтобы учитель не прошелъ безъ вниманія принятую мною форму вопроса.

При умноженіи всегда два случая, и всегда предоставленъ выборъ брать тотъ или другой, смотря по удобству; точно такъ же и при дѣленіи. Положимъ, задано 50×2 или $100 : 2$; всегда выбирается второй случай какъ при умноженіи, такъ и при дѣленіи, т.-е. всегда берется два раза 50, а не 50 разъ два, и всегда отыскивается чего 2 въ 100, а не сколько разъ 2 въ 100.

Такъ точно и при дробяхъ, смотря по отношенію множителя и множимаго, и дѣлимаго и дѣлителя, избирается 1-й или 2-й случай. И ученикъ долженъ владѣть искусствомъ выбирать тотъ или другой случай и обращаться съ тѣмъ и съ другимъ.

Самое же дѣленіе, т.-е. разложеніе числа на части, есть одинъ изъ пріемомъ совершать дѣйствіе отысканія множителя, изображаемое знакомъ (:) и не точно называемое дѣленіемъ.

Обыкновенно, при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ, дѣленіемъ на части совершенно замѣняютъ дѣйствіе (:) отысканія другого множителя—когда данъ одинъ, и тѣмъ, правда, облегчаютъ пониманіе дѣленія цѣлыхъ чиселъ, но совершенно уже лишаютъ ученика возможности понять сущность дѣйствія дѣленія при дробныхъ числахъ.

Совѣтую не торопясь упражнять ученика всегда вмѣстѣ въ умноженіи и въ обратномъ дѣленіи небольшихъ чиселъ, называя множителя пятками, дюжинами, семериками,—хоть бы даже и восемнадцатериками и двадцатиодноріками.

Предоставляйте ученику при умноженіи выбирать, какого множителя онъ хочетъ повторять. И заставляйте потомъ повторять другого множителя Упражненія эти полезны для пріученія ученика къ быстрому счету.

Предоставляйте ученику точно такъ же при дѣленіи избирать пріемъ вычитанія или разложенія на части. И заставляйте повѣрять одинъ другимъ.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія дѣйствія умноженія и дѣленія посредствомъ удвоенія множителя и дѣлителя.

Изученіе таблицы умноженія я считаю не только безполезнымъ, — такъ какъ при частомъ упражненіи ученикъ скоро составляетъ себѣ каждый свою таблицу, — но даже вреднымъ, потому что знаніе наизусть произведенія затемняетъ ходъ вычисленія.

При умноженіи показанъ пріемъ удвоенія лишній разъ и потомъ вычитаніе лишняго раза. Такой же обратный примѣръ можно показать и при дѣленіи.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія счета посредствомъ повторенія десятками, сотнями, тысячами и т. д.

При помноженіи и дѣленіи многоразрядныхъ чиселъ однихъ на другія не говорите ученику правила о прибавленіи нулей отъ множителя къ произведенію; но всякій разъ заставляйте его соображать, сколько выйдетъ какихъ разрядовъ при повтореніи

однимъ числомъ другого. При этомъ заставляйте его называть числа какъ ему удобнѣе: десятками, сотнями, тысячами, и ставить значокъ на томъ разрядѣ, который онъ называетъ.

При такомъ пріемѣ умноженіе многоразрядныхъ чиселъ дѣлается легко.

Положимъ, дано помножить:

$$376539 \times 7815.$$

Ученикъ говоритъ: триста тысячъ разъ семь *чего-то* будетъ = два милліона сто тысячъ *чего-то*. Чего было 7? Тысячъ. Сталобыть, два милліона сто тысячъ тысячъ 2.100.000.000.

При этомъ пріемѣ уничтожается одна изъ главныхъ трудностей при обученіи дѣленію, состоящая въ томъ, чтобы знать, *чѣмъ задаваться*.

837655 на 417.

Ученикъ говоритъ: на 417 частей по скольку я положу на часть? По десятку ли, по сотнѣ ли, по тысячѣ ли? Онъ говоритъ: если положу по 10 на часть, достанетъ ли десятковъ? Сколько десятковъ въ дѣлимомъ? 83765 десятковъ. Достанетъ. Достанетъ ли сотенъ? Сотенъ 8376. Достанетъ. Достанетъ ли тысячъ? Тысячъ 837. Достанетъ. Онъ беретъ тысячи на часть. А потомъ уже соображаетъ, сколько тысячъ на часть.

Потомъ покажите ученику обыкновенно принятый пріемъ умноженія и дѣленія и объясните ему выгоду, состоящую въ томъ, чтобы не переписывать два раза числа, которыя приходится складывать. Но въ умноженіи не показывайте ученику пріема пропусканія нулей въ числахъ, происходящихъ отъ умноженія чиселъ высшихъ разрядовъ, и въ дѣленіи не показывайте ученику пріема писанія частнаго безъ нулей, а всегда заставляйте выписывать всѣ нули при умноженіи, и частное заставляйте писать съ нулями и потомъ складывать.

Неясность пониманія дѣйствій умноженія и дѣленія много зависитъ отъ этихъ ускоренныхъ пріемовъ.

Таблица умноженія и ускоренные пріемы придутъ сами собой и незамѣтно.

Задачи № 1 представляютъ измѣненіе неизвѣстнаго. Совѣтую по задачнику или изъ головы выбрать попонятнѣе задачи и самому измѣнять ихъ такимъ образомъ для учениковъ, а потомъ заставлять учениковъ самихъ составлять такія же измѣненія задачъ, начиная съ болѣе легкихъ. Напримѣръ: отецъ втрое старѣе сына, сыну 13 лѣтъ; сколько отцу?

Составь такую задачу, чтобы узнать, во сколько разъ отецъ старше сына, и т. д.

Задача № 2 составлена на такъ называемыя именованныя числа и на такъ называемое тройное правило.

Совѣтую не заставлять учить ни именованныя числа — какъ особый отдѣлъ, ни тройное правило, — а прямо задавать задачи

на именованныя числа и на тройное правило. Именованныя числа трудны только тогда (и безполезны), когда ученикъ при рѣшеніи задачъ въ первый разъ узнаетъ содержаніе мѣръ или вѣса одного съ другимъ; правила только тогда, когда отъ ученика требуется, чтобы онъ рѣшилъ задачу непремѣнно по указанному примѣру. Объясненіе этой задачи состоитъ въ томъ, что первая задача, точно такая же, составлена на первыя числа, доступныя ученику для умственнаго вычисленія.

При задачахъ № 3 сдѣлано словесное объясненіе вопроса.

Совѣтую составлять такого рода задачи и объяснять ученикамъ Прошу замѣтить, что трудность большей части задачъ въ задачникахъ состоитъ въ дурномъ языкѣ, которымъ изложены вопросы, и что для того, чтобы ясно изложить задачу, надо надъ ней подумать.

Задача о посѣвѣ (IV) поставлена для объясненія цѣлаго ряда задачъ, въ особенности житейскихъ, гдѣ всѣ числа подраздѣляются на два разряда, имѣющіе быть сличены между собой. Кромѣ того, задачи этого рода подготовляютъ къ веденію книгъ, и потому совѣтую преимущественно выбирать изъ задачниковъ и составлять изъ головы задачи такого рода

Дроби.

Счетъ дробями состоитъ изъ трехъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ есть объясненіе того, что счетъ дробями есть не что другое, какъ продолженный меньше единицы рядъ счисленія, и что счисленія могутъ быть десятичныя и всякія другія. Въ этомъ же отдѣлѣ показаны всѣ дѣйствія съ дробями.

Второй отдѣлъ объясняетъ переведеніе изъ одного счисленія въ другое. Въ этомъ же отдѣлѣ: признаки дѣлимости чиселъ и приведеніе къ одному знаменателю.

Третій отдѣлъ есть рядъ примѣровъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія.

Всѣ отдѣлы объясняютъ одинъ другой, и потому необходимо, пройдя всѣ три отдѣла въ томъ порядкѣ, какъ они изложены, возвратиться назадъ и вновь пройти два первые отдѣла.

I ОТДѢЛЪ.

Десятичныя дроби.

Кто понимаетъ, какъ совершаются въ десятичномъ счисленіи переходы изъ разрядовъ въ разряды, какимъ образомъ 100×100 выходитъ 10000, и $200 \times 100 = 20000$, и $10000 : 100 = 100$, тотъ уже знаетъ собственно возвышеніе въ степень и извлеченіе корней; а между прочимъ начинаютъ ариѳметику съ счисленія, и оно всѣмъ понятно.

Рѣдкій ученикъ въ состояніи будетъ объяснить, почему $30000 : 100 = 300$. Но всякій это знаетъ, помнитъ и понимаетъ.

На этомъ-то знаніи и пониманіи должно быть основано понятіе о дробяхъ.

Покажите ученику, что сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ.

Потомъ покажите ученику какъ можно болѣе примѣровъ того, что въ цѣлыхъ числахъ помноженіе на единицу большаго разряда увеличиваетъ произведеніе въ столько разъ, въ сколько разъ множитель больше единицы (или переводитъ на столько разрядовъ влѣво, насколько множитель стоитъ влѣво отъ единицы, т.-е. на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Когда это ясно ученику, покажите, что, когда помножаешь на единицу разряда, который меньше принимаемаго нами за единицу, то произведеніе уменьшается въ столько разъ, въ сколько разъ множитель меньше единицы (или произведеніе переходитъ на столько разрядовъ вправо, насколько множитель стоитъ вправо, т.-е. переходитъ на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Потомъ покажите, что умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ умноженія и дѣленія простыхъ чиселъ.

Разныя счисленія.

Ясное понятіе о возможности другихъ счисленій, кромѣ десятичнаго, и о томъ, что законы счисленія одни и тѣ же, какое бы ни было счисленіе,—весьма полезно.

И потому пройдите нѣсколько упражненій сложенія и вычитанія въ различныхъ счисленіяхъ цѣлыми числами.

При счисленіи 11-чномъ надо помнить, что для 10 нуженъ особый знакъ *, умѣщающійся на одномъ мѣстѣ.

Умноженіе и дѣленіе въ различныхъ счисленіяхъ для ученика слишкомъ было бы затруднительно, и потому опущено.

Какъ только счисленіе не-десятичное съ цѣлыми числами ясно, то покажите, что въ различныхъ счисленіяхъ можно считать и меньше единицы, т.-е. вправо, и пройдите упражненія въ сложеніи, вычитаніи и умноженіи дробей (по одному разряду), изображая ихъ какъ десятичныя дроби, $\overset{5}{\smile}{0,3} + \overset{5}{\smile}{0,4}$, и т. д.

II ОТДѢЛЪ.

Переименованіе дробей.

Переименованіе дробей есть умноженіе и дѣленіе дроби на единицу извѣстнаго счисленія. И потому переименованіе должно бы было слѣдовать за умноженіемъ.

Въ сущности же не только умноженіе, но и сложеніе нельзя объяснять безъ переименованія; поэтому, пройдя переименованіе дробей, какъ оно изложено, и прибавивъ отъ себя примѣры, возвратитесь послѣ умноженія и дѣленія къ переименованію и объ-

ясните его, какъ умноженіе и дѣленіе на единицу извѣстнаго счисленія.

На этотъ отдѣлъ вообще обратите большее вниманіе, такъ какъ въ сущности вся особенность счета дробями состоитъ только въ необходимости переименованія.

Приведеніе къ одному знаменателю. Лучшій примѣръ для объясненія того, какимъ образомъ дѣлается приведеніе къ одному знаменателю, дадутъ двѣ палки, — одна, напримѣръ, въ 6 вершковъ, а другая въ 8, — которыя кладутся рядомъ по одному направленію нѣсколько разъ, пока концы обѣихъ палокъ сравняются. Или двѣ бумажки, которыя перегибаются концами одна на другую, пока концы сойдутся.

Способъ приведенія къ одному знаменателю посредствомъ большаго и меньшаго приближенія включаетъ въ себѣ всѣ способы: и перемноженіе чиселъ одного на другое, и дѣленіе на множителей,—имѣя передъ всѣми преимущество ясности того, что совершается съ числами.

Способъ перемноженія другъ на друга я не указываю и не совѣтую указывать, такъ какъ это одно ихъ тѣхъ открытій, которыя долженъ сдѣлать самъ ученикъ.

Разложеніе на производителей я не указываю потому, что это способъ алгебраическій и слишкомъ сложный; но не считаю его безполезнымъ для понятливаго ученика.

Способъ же дѣленія одного числа на другое я не включилъ потому, что объясненіе этого пріема такъ трудно и противно обычнымъ пріемамъ мысли, что ученики почти никогда не понимаютъ его, а всегда только заучиваютъ на память.

III ОТДѢЛЪ.

Дѣйствіе надъ дробями.

Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ, *всегда* имѣющій изъ жизни уже ясное понятіе о дробяхъ въ малыхъ числахъ (какъ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$), соединилъ бы это житейское пониманіе дробей съ тѣми объясненіями, которыя даются ему при ученіи. Кромѣ того, этотъ отдѣлъ ознакомляетъ ученика съ различными особенностями, встрѣчающимися при дѣйствіяхъ съ дробями, объясняя ихъ на малыхъ величинахъ.

Отъ учителя и отъ способности того ученика, съ которымъ учитель имѣетъ дѣло, будетъ зависѣть, пропустить ли часть упражненія этого отдѣла, или прибавить къ нимъ новыя упражненія.

Выраженіе при умноженіи $5 \times {}^3/_4$—*взять три четверти пяти*, я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при умноженіи цѣлыхъ чиселъ—*взять три пятка.*

Выраженіе при дѣленіи: 5 есть $^3/_4$ чего? я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ: 15 есть 3 чего?

Выраженія же эти при задачахъ почти всегда прямо выражаютъ вопросъ.

У него было $^3/_4$ 24-хъ рублей. Сколько у него было денегъ? 24 помножить на $^3/_4$—не выражаетъ вопроса, а взять $^3/_4$ 24, прямо выражаетъ вопросъ и изображается такъ.

$$24 \times \frac{3}{4}.$$

У него было $^3/_4$ всѣхъ денегъ 24 рубля. Сколько всѣхъ? 24 раздѣлить на $^3/_4$—не выражаетъ вопроса; а 24 есть $^3/_4$ чего?—прямо выражаетъ вопросъ.

Случаи умноженія и дѣленія дробей на цѣлыя числа или на дроби не требуютъ никакого особаго разъясненія.

Если нужно помножить или раздѣлить $^3/_4$ на какое-нибудь число, то знаменатель множимаго или дѣлимаго не имѣетъ никакого значенія при дѣйствіи, которое совершается надъ числомъ: знаменателя надо только помнить. Дѣйствіе же происходитъ всегда надъ числителемъ.

$^3/_4 \times 2$ будетъ 6 четвертей, $^3/_4 : 2$ будетъ $^3/_8$ — не отъ того, что что-нибудь сдѣлано съ знаменателемъ, а потому что 3 неудобно дѣлить и мы передѣлываемъ $^3/_4$ въ $^6/_8$.

Первыя три задачи составлены такъ, что неизвѣстное измѣняется. Давши другую подобную задачу, заставьте ученика переставлять неизвѣстное. Послѣдующія двѣ задачи составлены такъ, что 1-я задача съ малыми числами объясняетъ 2-ю.

Всякій разъ, когда ученикъ затрудняется въ рѣшеніи задачи, задайте ему точно такую же съ самыми малыми числами.

3-я задача есть образецъ постановленія вопроса.

Пройдя эти 4 части ариѳметики и не упоминая объ именованныхъ числахъ, ни объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, ни о тройныхъ, смѣшанныхъ и другихъ правилахъ, учитель можетъ смѣло открыть всякій задачникъ, и всякую задачу ученикъ рѣшитъ, если она изложена простымъ русскимъ языкомъ.

ПРИМѢЧАНІЕ къ XIII и XIV т.

XIII и XIV тома этого изданія съ педагогическими статьями Л. Н—ча составились изъ 4-го тома прежняго изданія съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ писемъ и статей, и весь матеріалъ расположенъ болѣе или менѣе въ хронологическомъ порядкѣ и раздѣленъ на три періода педагогической дѣятельности Л. Н—ча,

Первымъ періодомъ мы считаемъ занятіе его Ясно-полянской школой и изданіе имъ журнала «Ясная Поляна», т.-е. года 1859 — 1862. Второй періодъ это первая половина семидесятыхъ годовъ, когда Л. Н—чъ составилъ и издалъ «Азбуку», книги для чтенія и «Ариѳметику», занимался снова школой и бесѣдами съ учителями, а также принималъ участіе въ работахъ Моск. Ком. Грамотности. Этотъ періодъ закончился его статьей «О народномъ образованіи», помѣщенной въ «Отечеств. Запискахъ» въ сентябрѣ 1874 г., и изданіемъ его «Новой Азбуки» въ 1875 году. Отвлеченный отъ этой дѣятельности назрѣвавшимъ въ немъ душевнымъ кризисомъ и всѣми бурными явленіями, вызванными этимъ кризисомъ въ его отношеніяхъ къ семьѣ и обществу, Л. Н—чъ съ наступившимъ успокоеніемъ въ послѣдніе годы своей жизни снова принимается за это дѣло, при чемъ главной основой воспитанія и обученія ставитъ сознательное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, что и отражается, какъ на формѣ, такъ и на содержаніи его статей и писемъ по педагогическимъ вопросамъ послѣдняго времени.

Всѣ эти статьи и составляютъ третій періодъ педагогической дѣятельности Л. Н—ча Толстого.

Нѣкоторые изъ этихъ статей-писемъ, какъ, напр., письмо къ Вал. Булгакову: «Объ образованіи», даны въ этомъ изданіи въ новой, послѣдней редакціи, согласно указанію, данному намъ самимъ адресатомъ, Вал. Ѳед. Булгаковымъ. Другія статьи провѣрены по спискамъ, наиболѣе близкимъ къ оригиналамъ.

Въ этомъ—XIV'—томѣ мы даемъ замѣчательное въ педагогическомъ отношеніи сочиненіе Л. Н—ча, его ариѳметику. Объ этой ариѳметикѣ, еще въ періодъ составленія ея, Л. Н—чъ писалъ своему другу Н. Н. Страхову: «Я до одурѣнія занимаюсь окончаніемъ ариѳметики. Умноженіе и дѣленіе кончены и кончаю дроби. Вы будете смѣяться надо мною, что я взялся не за свое дѣло, но мнѣ кажется, что ариѳметика будетъ лучшее въ книгѣ».

Однако педагогическій міръ не оцѣнилъ ея и Л. Н—чъ, видя неуспѣхъ, больше не переиздавалъ ея. Одновременно съ «Азбукой» она вышла отдѣльнымъ оттискомъ, т.-е. въ отдѣльной брошюровкѣ, но вновь отдѣльно не переиздавалась. Сочиненіе это во многихъ отношеніяхъ достойно самаго серьезнаго вниманія.

ОГЛАВЛЕНІЕ 13-го и 14-го ТОМОВЪ.

ТОМЪ XIII.

Первый педагогическій періодъ.

Стр.

Письмо Л. Н-ча къ Е. П. Ковалевскому 5
Къ публикѣ 9
О народномъ образованіи. Статья 1-я 10
О методахъ обученія грамотѣ 28
Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ 44
Воспитаніе и образованіе 71
Прогрессъ и опредѣленіе образованія 99
Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ? 123
I. Яснополянская школа. За ноябрь и декабрь мѣсяцы 143
II. То же 181
III. То же 209

Второй педагогическій періодъ.

Общія замѣчанія для учителя 222
Объ изданіи народнаго журнала. Выдержка изъ письма къ г-жѣ П. . 226
О народномъ образованіи. Статья 2-я 228

ТОМЪ XIV.

Третій педагогическій періодъ.

Къ *** о религіозномъ воспитаніи и ручномъ трудѣ 3
О значеніи книгъ. Изъ письма къ П. В—ну 6
О народныхъ книгахъ и учебникахъ. Изъ письма къ М. Н—ву 9
О наукѣ. На письмо къ Л. Е. О—му 10
Мысли о воспитаніи 11
О свободной школѣ. (Изъ письма къ П. И. Б—ву) 17
Бесѣды съ дѣтьми по нравственнымъ вопросамъ 22
Объ образованіи 28
О воспитаніи 35
Въ чемъ главная задача учителя? 37

Изъ сочиненій и переводовъ для дѣтей.

Стр.

I. а) Басни Эзопа 41
б) Басни, передѣланныя съ индійскаго, и подражанія 50
II. Разсказы для дѣтей 61
III Разсказы изъ физики 110
IV. Разсказы изъ зоологіи 121
V. Разсказы изъ ботаники 127
VI. Попытки соединенія разныхъ варіантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ 130
Ариѳметика 141
Примѣчаніе къ XIII и XIV т. 240

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Условія подписки:

На годъ, т.-е на **24** книги, — **10** рублей.
Допускается разсрочка: при подпискѣ — **4** руб., не позже 1-го марта — **3** руб. и 1-го іюня — **3** руб.
На полгода, т.-е на **12** книгъ, — **6** р. **50** коп.
За границу — вдвое.

Редакторъ И. И. СЫТИНЪ.
Издатель Т-во И. Д. СЫТИНА.